

Олег ПЛАТОНОВ

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Олег
ПЛАТОНОВ

Цареубийцы

«Родная страна»

МОСКВА

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3.(2)
ПЗ7

*Памяти митрополита Санкт-Петербургского
и Ладожского Иоанна (Снычева),
благословившего мой труд*

Платонов О. А.

П 37 Цареубийцы. — М.: «Родная страна», 2015. — 432 с.

ISBN 978-5-903942-50-3

Исследования, проведенные автором, показывают, что источником всех революций, совершенных в России и мире, начиная с XVIII и до середины XX века, были тайные иудейские секты и масонские ложи, стремившиеся к разрушению монархии и Церкви и, прежде всего, к цареубийству. «Профессиональные революционеры» в своих преступных акциях опирались на уголовные элементы и в свою очередь сами были частью их. «Нам надо войти в союз со всеми ворами и разбойниками русской земли», — призывал революционер М. Бакунин. Преступный, уголовный характер революционного движения отмечали многие русские писатели, например Ф. Достоевский и Н. Лесков. Союз членов тайных обществ и уголовников из романа Достоевского «Бесы» — вот модель революционного «развития», которая предлагалась миру. Именно по этой схеме было совершено убийство короля во Франции в конце XVIII века и цареубийство в России в 1918 году. Эта же формула стала использоваться США и его европейскими сателлитами в качестве государственной политики для совершения цветных революций в СССР, восточной Европе и нынешней Украине.

© Платонов О. А., 2015
© «Родная страна», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Над историей цареубийства я начал работать с конца 80-х годов. Многие годы заняли поиски материалов в государственных и частных архивах России, США и других зарубежных стран. Мне удалось найти множество ранее не опубликованных документов и материалов. Особый интерес представляли воспоминания и записки цареубийц, разысканные мною в бывшем Свердловском партийном архиве, а также ценные коллекции редких книг и материалов, посвященных цареубийству, в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США).

Автор благодарит всех лиц и организации, способствовавшие поиску документов и материалов для этой книги и выходу ее в свет. Выражаю признательность сотрудникам Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), Особого Архива СССР (ОА, ныне Центр Хранения Историко-Документальных Коллекций), Архива Свято-Троицкого монастыря (АСТМ – Джорданвилль, США), Архива Гуверовского института (АГИ – Станфорд, США), государственных и бывших партийных архивов Пермской, Свердловской и Тюменской областей, хранителям фондов исторических и краеведческих музеев Екатеринбурга, Перми, Тобольска, Тюмени, Алапаевска, Сысерти, Верхней Синячихи, Нижнего Тагила, Верхотурья за ценные сведения, консультации и помощь в поисках документов и материалов, использованных в этой книге. Особую благодарность выношу многочисленным добровольцам, помощникам и краеведам, сообщив-

шим мне важные подробности: без их содействия мое исследование было бы неполным.

История падения христианских Монархий свидетельствует, что царубийству всегда предшествует ряд организованных событий. Подрыв христианского миропорядка начинается с осквернения святынь, дискредитации святых и подвижников. Согласно масонскому учению, вытекающему из догматов Талмуда, чтобы убить христианского Монарха, нужно создать в определенной части народа состояние отторжения от христианских святынь, святых и подвижников. Тогда Помазанник Божий теряет присущий ему ореол святости и становится в глазах толпы обыкновенным человеком, которому приписать все возможные проступки и преступления.

В этом смысле весьма характерны события Французской революции XVIII века, закончившиеся злодейским убийством короля Людовика XVI и его супруги. К этой революции иудеи и масоны готовились загодя. На Международном масонском конвенте, состоявшемся в феврале 1785 года во Франкфурте по инициативе иллюминатов, было принято решение приговорить к смертной казни шведского короля Густава III, Екатерину II, а также Людовика XVI и Марию Антуанетту.

Были разработаны планы свержения Монархии, первым шагом к которым стала клеветническая кампания против высшего духовенства и ближайшего окружения приговоренных Монархов. Во Франции масонские ложи организовали выпуск сотен памфлетов и листовок против Церкви и Монархии и бесплатно распространяли их среди молодежи и женщин. Большая часть этой литературы имела злостный клеветнический и откровенно непристойный характер. В некоторых из этих брошюр кор-

леве приписывалась любовная связь с кардиналом Роганом, смаковались выдуманные масонскими писателями подробности их свиданий. Распространением этих брошюр дискредитировалась одновременно и духовная, и королевская власть.

Кульминацией масонских интриг стала история о «бриллиантовом ожерелье». Произошла она сразу же после Международного масонского конвента. Координатором этой истории был известный еврейский авантюрист, состоявший в орденах иллюминатов и розенкрейцеров, выступавший под именем Калиостро.

Масонские конспираторы сумели обмануть доверие кардинала Луи де Рогана, архиепископа Страсбургского и великого капеллана Франции, направив к нему под видом королевской подруги Жанну де Ла Мот. Последняя от имени королевы попросила кардинала взять на себя роль посредника в приобретении у придворных ювелиров бриллиантового ожерелья стоимостью более полутора миллионов ливров. Кардиналу «подруга» королевы сказала, что она держит эту покупку в тайне, чтобы не огорчать супруга и что деньги королева отдаст позже. Получив ожерелье из рук кардинала, де Ла Мот скрылась. Кража открылась только через несколько месяцев, когда ювелиры обратились к королеве об уплате долга. Вспыхнул скандал. Общественное мнение, подогреваемое масонскими конспираторами, обвиняло королеву и кардинала во всех грехах.

Более того, хотя де Ла Мот была арестована и приговорена к тюремному заключению, ей с помощью вольных каменщиков удалось бежать в Англию. Здесь она опубликовала «воспоминания», в которых обвинила королеву во всех естественных и противоестественных грехах. Она, в частности,

«призналась», что кардинал де Роган и она сама были в любовной связи с королевой. Де Ла Мот также рассказала о многочисленных любовных похождениях кардинала и королевы, их гомосексуальных связях. В «воспоминаниях» приводились имена многих известных лиц, разделявших ложе с королевой, приводилась масса выдуманных скабрёзных историй. Особое внимание было уделено распутной жизни высшего духовенства. Французские масонские ложи распространили тысячи экземпляров этих «воспоминаний». Авторитету высшего духовенства и королевской власти был нанесен огромный урон. Клевета и вымысел для тысяч французов были представлены как реальный факт, став одной из главных причин смуты, охватившей Францию.

Схема этой масонской интриги удивительно похожа на историю создания мифа о Григории Распутине. До того как в дело вмешались масоны, Распутин был известен как благочестивый крестьянин, православный подвижник. После того как в ход была пущена масонская схема, православный подвижник предстал перед обществом в образе распутника, пьяницы, любовника Царицы, многих фрейлин и десятков других женщин.

ГЛАВА 1

*Торжество гидры царевубийства в Западной Европе. —
Иудейские корни нидерландской и английской революций. —
Продажность Генеральных Штатов и английского
парламента. — Изменник Оливер Кромвель. —
Убийство короля Карла I*

В XVI—XVII веках происходит стремительное усиление разложения западной христианской церкви. Иудаизированный католицизм постепенно двигался в сторону отрицания христианской монархии. Нидерландская и английская революции, убийство христианского монарха Карла I стали той чертой, за которой торжество гидры царевубийства в Западной Европе стало необратимым.

В Нидерландах и Англии впервые в мире влияние иудаизма достигло критического предела. Иудейские общины

Карл I

этих стран были самыми крупными, сплоченными и богатыми. Амстердам иудеи называют «своим новым, великим Иерусалимом», а торговый центр Лондона — Сити — находился полностью в руках крещеных евреев. Используя деньги, иудейские вожди подкупают депутатов зако-

нодательных органов Нидерландов и Англии — Генеральные Штаты и парламент. Финансируемая иудеями нидерландская революция уничтожает монархию в этой стране, предоставляет еще большие права иудейской общине. Цареубийства здесь не произошло, вероятно, только потому, что нидерландский монарх, испанский король Карл V, находился в Испании, вне досягаемости восставших.

Иначе дело обстояло в Англии. Здесь король жил в своей стране и по мере роста влияния иудеев становился заложником так называемого Долгого парламента, изменившего своему королю и постепенно узурпировавшего его власть. Как писал еврейский историк В. Зомбарт, *«в области английских финансов заметно господствует влияние евреев. В Англии денежные нужды Долгого парламента послужили первым толчком к привлечению туда богатых иудеев... в 1643 году их приток был особенно силен»*¹.

Именно в 1643 году в Англии разгорелась кровопролитная гражданская война. Парламентскую армию финансировали богатые евреи. Парламент, узурпировавший в своих руках законодательную и исполнительную власть, сумел изолировать короля и лишить его поддержки извне. В 1646 году королевская армия была разбита, а сам Карл I оказался в руках изменников, возглавляемых Оливером Кромвелем.

Над королем было устроено судилище — позорный спектакль с заранее известным концом. Кучка изменников во главе с Кромвелем, не имевшая законных прав, взяла на себя смелость судить и вынести приговор монарху.

Обвинительный акт королю состоял из голословных утверждений, вызывавших у присутствовавших

---

¹ Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. СПб., 1912. Ч. 1. С. 12.

на «суде» зрителей возмущение и смех. *«Это ложь! — раздался голос из толпы. — Половина, больше — три четверти народа Англии не согласны с этим! Оливер Кромвель — негодяй и предатель».*

«Я отвергаю это, сэръ, — с достоинством сказал после зачитания обвинительного акта Карл I. — Покажите мне законные основания для вашего суда, опирающиеся на слова Божии, Писание или конституцию королевства... Помните, я ваш король. Мои полномочия, унаследованные по закону, вручены мне Самим Богом. Я не предал их, отвечая новой незаконной власти». Несмотря на давление и попытки запугивания, король держался мужественно и отказался признать законность суда и отвечать на обвинение.

Дальнейший ход судилища шел по программе, заранее составленной изменниками. Выступали лжесвидетели, «судья» Брэдшоу фальсифицировал факты, обходил моменты, подтверждавшие факты государственной измены О. Кромвеля и его окружения. Затем был зачитан «приговор», по которому король присуждался «к смертной казни через отсечение головы от тела».

Так как все было предрешено заранее, королю даже не разрешили сказать последнего слова.

«Отсечение головы от тела» короля состоялось 30 января 1649 года, через три дня после судилища. На площади перед Уайтхоллом сколотили помост, обтянув его черным сукном. Долго искали палача. Никто не хотел, даже за большие деньги, идти на это преступное дело. По преданию, совершить преступление вызвался какой-то иудей, поставивший условие не оглашать своего имени¹. В день убийства

---

¹ Архив Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль, США) (далее — АСТМ). Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова); материалы по истории иудаизма и масонства.

он и его помощник были одеты в костюмы моряков. Они были в париках, лица скрыты масками и накладными бородами.

В последних словах перед казнью, которые слышала только охрана, Карл I еще раз обвинил парламент в измене, попенял подданным, что они дали обмануть себя изменникам; власть вручена ему свыше, и не его вина, что ее отнимают таким преступным способом. *«Я умираю, — сказал Карл, — как мученик за народ».*

Перед тем как его убили, «Карл снял с себя драгоценности и передал епископу. Затем с его помощью снял камзол и убрал под шапочку длинные развевающиеся и поседевшие волосы. Шагнул к плахе, опустился на колени, положил на нее голову и после краткой молитвы вытянул вперед руки в знак того, что готов к смерти. Палач одним ударом топора отсек голову. Его помощник тут же подхватил ее и высоко поднял в руке. Тяжелый страдальческий стон пронесся над толпой. Будто привычный мир треснул и раскололся, распался, перестав существовать. Толпу качнуло, люди бросились вперед, к помосту, чтобы омочить платки в священной королевской крови. Особа Монарха, Божиего Помазанника, внушала мистическое благоговение»¹.

В день убийства Карла I Христианский мир перешагнул роковую черту. В христианское сознание внедряется преступная мысль о возможности убийства Помазанника Божиего. Построенная на заветах Священного Писания, христианская иерархия оспаривается и постепенно разрушается. Более чем на два столетия Англия становится эпицентром развития сатанинских сил иудейских сект, установивших над этой страной полный контроль. Правящий

---

¹ Цареубийства... С. 249.

класс Англии, и прежде всего лорды, превращается в подручных богатейших иудейских семей, выдвигавших из своей среды самых влиятельных людей английской политики.

Безусловно, все это происходило постепенно. Христианское сознание еще долго не могло примириться с иудейским отрицанием священной легитимности власти, Божественного происхождения власти христианского монарха.

Через 11 лет после убийства Карла I антихристианский диктаторский режим, установленный О. Кромвелем, был свергнут. Тела изменника, его зятя и соратника Айртона и «судьи» Брэдшоу были извлечены из усыпальницы в Вестминстере и повешены вверх ногами на Тайберне — месте позорных казней преступников из низшего сословия. Затем головы изменников и царубийц были отсечены от туловищ и выставлены на шестах у Вестминстерского дворца.

ГЛАВА 2

*Масонские ритуалы на крови английского короля. —
Приговор европейским монархам. — Французская революция. —
Убийство королевской семьи*

Новым поворотным пунктом всемирной христианской и русской историй стал XVIII век. Сатанинские начала иудаизма и католицизма пополняются новым союзником зла — масонством. Талмудизм и латинская ересь получают развитие в идеологии масонских лож, враждебной Православию и христианской монархии.

Весьма закономерно, что развертывание первых масонских лож осуществляется в 1717 году в Англии, стране, народ которой впервые попустил убийство своего христианского монарха. Сатанинские действия первых масонов предполагают использование в качестве ритуального материала платки, омоченные кровью английского короля. В этих действиях проводилась идея о торжестве иудейско-талмудических начал над христианскими. Из Англии масонство проникает в Нидерланды и другие страны Западной Европы. Ареал его распространения точно совпадает с географией размещения наиболее влиятельных иудейских общин.

Краеугольным камнем масонской идеологии является ненависть к Христианству и христианской монархии. Конечно, свои заветные мечты о цареубийстве и истреблении всех монархов вольные каменщики доверяют даже не всем своим членам. На первых степенях (1–3 градусы) масонского посвящения члены лож могли и не знать о планах цареубийства. Подготовка к мысли о цареубийстве даже в масонской среде начиналась с пропаганды

республиканской формы правления. Со второй половины XVIII века масоны независимо от того, к какому ритуалу они принадлежали, всегда проповедовали республику как лучшую форму правления. Настоящие монархисты и православные люди в ложи даже не допускались. Считалось, что каждый масон должен быть «хорошим республиканцем и свободомыслящим». «Настоящий масон не может быть монархистом»¹.

Истребление монархий масоны предполагали осуществить не только посредством царевубийства, но и путем масонского «перевоспитания» представителей монархических династий Европы. И на этом пути масонам удалось достичь значительных успехов. Уже в 1747 году в числе масонов находились император Франц I, принц Карл Лотарингский, брат императора, король Прусский Фридрих II, принц Уэльский и почти все германские князья; Генрих Бурбон, граф Клермонский, был великим мастером французского масонства с согласия короля Людовика XV, и все самые важные сановники Франции принадлежали к масонству. Во всей Франции не было ни одного значительного города, где бы не существовало у масонов своего «храма», опекаемого каким-нибудь родственником правящей династии.

Те же представители правящих династий, которые не поддавались масонскому перевоспитанию, становились возможными объектами царевубийства.

Самым последовательным проводником идеи царевубийства был масонский орден иллюминатов, созданный по образцу католического ордена иезуитов. Вся деятельность ордена осуществлялась в глубокой тайне, на основе жесткой дисциплины.

---

¹ Memoires de Supreme Conseil de France, 1897. № 97. P. 54.

Член ордена, нарушивший правила конспирации, как правило, подлежал ликвидации. Приказ начальников ордена, какой бы преступный характер он ни носил, немедленно исполнялся¹. Считая других масонов недостаточно решительными для борьбы, глава иллюминатов ориентировал своих последователей на внедрение в масонские ложи и близкие им организации, чтобы использовать их в своих целях.

Орден иллюминатов и связанные с ним масонские ложи становятся одним из главных двигателей трагических событий французской революции, кульминацией которой стало убийство короля и королевы.

«Дух масонства, — заявлял на одном из масонских съездов видный вольный каменщик Сикар де Плозоль, — породил дух революционный. Это наиболее ценная похвала, которую можно выразить масонской работе в прошлом»². «Останется навсегда незабвенным, что именно французская революция осуществила масонские начала, выработанные в наших масонских храмах»³.

«Масоны, — говорилось в декларации Великого Востока Франции, — подготовили Великую Революцию... на их долю выпала великая честь дать этому незабвенному событию формулу, в которой воплотились ее принципы: свобода, равенство и братство»⁴.

«После 1789 года масоны разбрелись по клубам, — свидетельствует масон Брюнелльер, — предались политической жизни, были избраны в народное представительство и зачислились в армию; некоторые ложи прямо обратились в клубы, даже не изменяя своего на-

---

¹ Подробнее об ордене иллюминатов см. в моей книге «Тайна беззакония» (М., 1998).

² *Conseil G. O. de France*, 1913.

³ Интернациональный Конгресс масонов в Брюсселе, 1910. С. 124.

⁴ Акация. 1910. С. 402.

звания, как ложа “*Ле Серкле Социаль*”... Время “споров” и “науки” миновало — надо было действовать»¹.

И масоны стали действовать. В феврале 1785 года на съезде масонов и иллюминатов во Франкфурте-на-Майне принимается решение об убийстве шведского короля Густава III, русской Царицы Екатерины II, Людовика XVI и Марии-Антуанетты².

Сведения об этом решении стали известны при французском Дворе, но им не придали значения, посчитав пустой угрозой. В правящих кругах Франции давно уже было известно о практике тайных обществ заранее объявлять о своих террористических намерениях в отношении монархов и высших сановников. Вероятно, этим преследовалась цель распространить мнение о жуткой и непреодолимой силе масонства. Пока власть французского короля была крепка, он только с презрением отмахнулся от этой угрозы. Однако дальнейшее развитие событий пошло по сценарию, разработанному в масонских ложах, и французская революция, начавшаяся в 1789 году на умеренных нотах конституционной монархии, в 1793 году пришла к злодейскому убийству короля и королевы и установлению одной из самых кровавых диктатур в истории человечества. Главной финансовой силой французской революции, так же как нидерландской и английской, были богатые иудейские общины. Они сыграли «выдающуюся роль в качестве поставщиков в эпоху революции»³. Еврейский историк Г. Грец приводит сведения о крупных суммах денег, пожертвованных евреями на революцию⁴.

---

¹ Brunliere. De rolle de la F. M. au XVIII siecle a Nantes.

² Свидетельства Безансонского архиепископа, кардинала Маттье и других видных французов (Луч света. 1921. № 3. С. 158).

³ Зомбарт В. Указ. соч. С. 53.

⁴ Грец Г. История евреев. Т. V. С. 189, 288.

Масонские ложи организовали выпуск сотен памфлетов и листовок против королевской семьи и Христианства и бесплатно распространяли их среди молодежи и женщин. Большая часть этой литературы имела злобно клеветнический и откровенно непристойный характер. Главным объектом нападок масоны сделали королеву, приписывая ей самые немыслимые грехи и проступки, таким образом дискредитируя в глазах людей идею монархии. То, что эта кампания была инспирирована иллюминатами, подтверждается участием в ней еврейского авантюриста, выступавшего под именем Калиостро. Этот авантюрист, занимавший высокое положение в разных масонских орденах, являлся одновременно и розенкрейцером, и иллюминатом. История с бриллиантами кардинала Рогана, к которой королева фактически не имела отношения, была представлена с помощью Калиостро как пример безнравственности и алчности королевы.

Масонские ложи, особенно принадлежавшие к ордену Великий Восток Франции, стали главными закулисными дирижерами общественного мнения. Особую роль во французской революции сыграла парижская ложа «Девять сестер». На заседании этой ложи в 1789 году была произнесена речь, содержавшая призыв к Генеральным Штатам взять власть в свои руки, как это было во время английской революции XVII века¹.

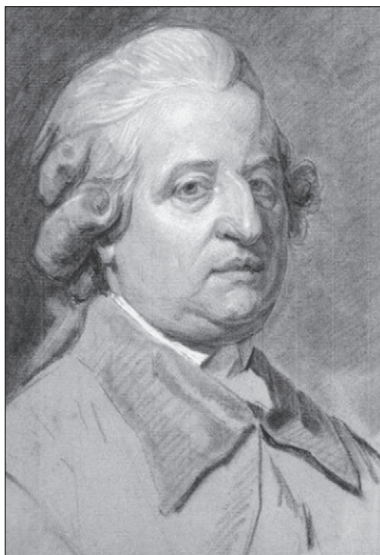
К лету 1792 года силы, враждебные Христианству и монархии, сумели восстановить против королевской семьи значительную часть жителей Парижа. 13 августа после сложных интриг и инспирированных иудейскими организациями и масонскими ложами конфликтов королевская семья была заключена в

---

¹ *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 108–109.

тюрьму, под которую была использована башня Тампль. Весьма символично, что эта башня являлась частью замка-монастыря, почитаемого масонами ордена тамплиеров, глава которого сатанист Жак Моле был сожжен на костре.

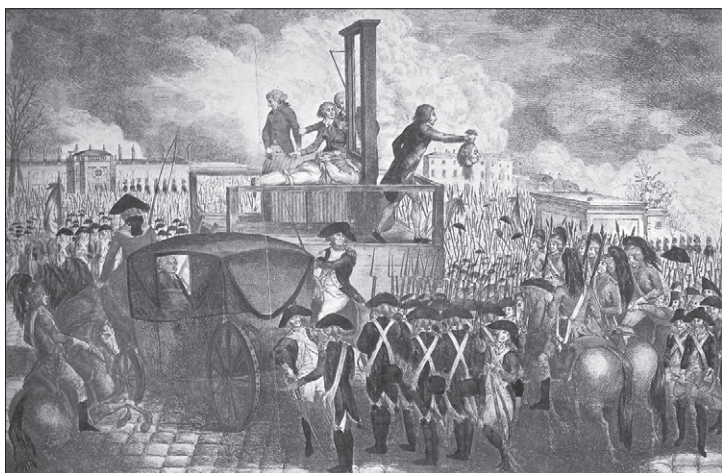
29 октября королевскую семью разлучили. Короля с сыном поселили на третьем этаже, а королеву с дочерью и золовкой — на

Людовик XVI

четвертом. Первый и второй этажи занимали надзиратели и охрана. По всем признакам башня Тампль была настоящей тюрьмой. На массивных дверях — глазки для надзирателя, на окнах-бойницах — решетки, всегда прикрытые ставнями, на единственной винтовой лестнице с улицы на верхние этажи стояла многочисленная стража. С королевской семьей обращались грубо и бесцеремонно. Во время сентябрьских убийств революционерами лучших людей Франции к стенам башни приходили толпы подученных масонами санкюлотов и прочей деклассированной черни и требовали казни «тирана». Однажды, чтобы окончательно деморализовать королевскую семью, революционеры принесли под окна башни Тампль надетую на пикую голову лучшей подруги королевы мадам де Ламбаль.

Якобинцы во главе с масоном М. Робеспьером и Парижская Коммуна, руководители которой также

Казнь Людовика XVI

состояли преимущественно из масонов, требуют казнить королевскую семью. Чтобы придать казни видимость законности, революционеры организуют процесс. По своему содержанию он напоминал судилище над английским королем Карлом I — спектакль с заранее известным концом. Обвинения против короля носили юридически нелепый характер. Людовик XVI обвинялся не столько в нарушении законов государства, сколько в нежелании признать право революционеров изменить эти законы своим произволом, прикрываясь якобы волей народа.

На закономерный вопрос к своим «судьям», какие законы он нарушил, монарх услышал враждебные возгласы и брань. После дебатов в конвенте Людовик XVI был приговорен к смерти. 27 января 1793 года Людовик XVI, сохраняя достоинство и самообладание, взошел на эшафот. Перед тем как его убили, отрубив голову на гильотине, Людовик XVI сказал: *«Я умираю невиновным в преступлениях, в которых меня обвиняют. Я прощаю всем, кто желал*

моей смерти, и молю Бога, чтобы кровь, которую вы собираетесь пролить, никогда не пала на Францию!..»

М а с о н с к и м
вождям, возглав-
лявшим француз-
скую революцию,
мало было убить
короля. Они реши-
ли перевоспитать
в духе революции
его восьмилетнего
сына Луи Шарля.
Мальчика забрали

Мария Антуанетта

у матери и отдали на воспитание в семью сапожника, женатого на служанке из трактира. Они обучили его петь революционные песни, носить фригийский масонский колпак с трехцветной масонской кокардой. Наследник французского престола (таким он считался после убийства отца) научился пить вино, сквернословить, богохульствовать, проклинать монархов и аристократов. За успехи в этих науках видный масон, вожак санкюлотов Эбер подарил мальчику игрушечную гильотину. За короткий срок масоны превратили мальчика в «отребье рода человеческого», «масонское чудовище» (слова его тетки Елизаветы).

На судилище, которое организовали революционеры против его матери — королевы Марии-Антуанетты, мальчика заставили подписать «показания» о том, что он находился в кровосмесительной связи со своей матерью, а также имел интимные

отношения со своей теткой Елизаветой. Обвинения в соращении собственного сына, выдвинутые против Марии-Антуанетты, были только одним из эпизодов потока лжи и клеветы, использованных революционно-масонской юстицией. Наверное, не было ни одного серьезного преступления и порока, которые бы не инкриминировали бывшей королеве. Вволю поиздевавшись над королевой, революционеры 16 октября 1793 года убили ее на гильотине.

Перевоспитанный масонами наследник французского престола Луи Шарль по-прежнему находился в тюрьме. Его не отпускали на волю, так как считали опасным для республики. Более того, используя Луи Шарля в своих преступных целях на процессе против Марии-Антуанетты, масоны решили покончить и с ним. Мальчику были созданы невыносимые условия, революционные надзиратели всячески издевались над ребенком, изводя его насмешками, подвергали побоям. 8 июня 1795 года мальчик умер в тюрьме.

ГЛАВА 3

Король Густав III против революционной Франции. — Его призыв к походу против революционеров. — Интриги герцога Зюдерманландского. — Убийство Густава III. — Заговор против Густава IV Адольфа. — Свержение христианской монархии в Швеции. — Захват престола масонским герцогом

Французская революция обострила линии разделения Христианского мира. Вышедшая из подполья ожесточенная ненависть иудеев, масонов и их соратников к христианам перешагнула все границы, достигнув самых далеких уголков мира. В Швеции в то время правил король Густав III, приверженец неограниченной монархии и вместе с тем номинальный глава шведского масонства¹. Его царствование было одно из самых удачных в истории шведской монархии. Он успел провести ряд успешных национальных реформ, выдвинувших Швецию в число наиболее динамичных государств мира. Несмотря на то что Густав III числился номинальным главою шведского масонства, реальным лидером в нем был его брат герцог Карл Зюдерманландский, один из самых влиятельных вождей вольных каменщиков того времени. Честолюбивый и тщеславный, герцог Зюдерманландский все время стремился к высшей власти. Не имея законных прав на шведский престол, он постарался путем интриг устранить с политической сцены законных правителей Швеции, сначала Густава III, а затем его сына Густава IV Адольфа.

---

¹ В Швеции с первых лет появления масонства возникла традиция покровительства ма—сонским ложам самим монархом. Однако, как правило, сам монарх какого-либо серьезного участия в работе масонских лож не принимал, был только «свадебным генералом».

Густав III

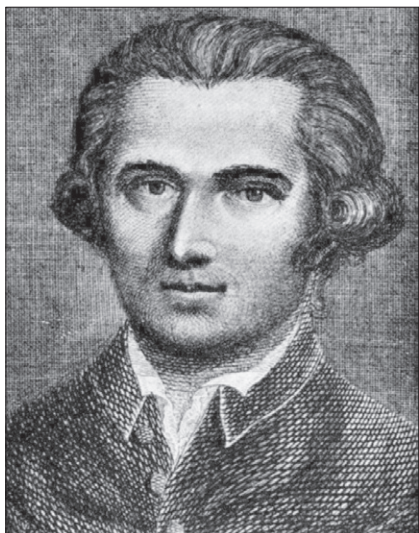
Национальные реформы, которые проводил Густав III в русле просвещенного абсолютизма, не устраивали герцога Зюдерманландского и других руководителей мирового масонства. Противоречия усилились, когда Густав III проявил себя последовательным противником французской революции. Он задумал организовать крестовый поход против революционеров в поддержку французской монархии. В своей стране он в 1789 году отдал приказ арестовать вождей дворянского сословия, большая часть кото-

рых были масонами. Чтобы не допустить революционных эксцессов, Густав III заставил созванный в Стокгольме риксдаг принять новый конституционный документ — «Акт единения и безопасности», дававший королю почти самодержавную власть. Таким образом ему удалось выбить почву из-под ног революционно-масонских сил, планировавших организовать в Швеции революцию наподобие французской.

В 1791 году Густав III обратился к русской Императрице Екатерине II с предложением начать совместный поход во Францию для уничтожения врагов христианской монархии. Екатерина II поддержала шведского короля, хотя из-за войны с Турцией и проблем в Польше не смогла сразу же послать войска на разгром революционеров. В 1791 году был заключен русско-шведский союзный договор для войны с революцией. Швеция получила от русской казны денежную поддержку. Поговаривали также, что между Россией и Швецией была подписана секретная конвенция «по поводу восстановления равновесия в Европе и французской монархии».

Поход на революционную Францию должен был начаться к лету 1792 года, однако 16 марта этого года на Густава III было организовано покушение. Оно было совершено на бал-маскараде, проводимом в стокгольмской опере. Внезапно за спиной короля появился неизвестный человек в маске и черном домино. Им был ставленник масонских лож и так называемой аристократической лиги, состоявшей сплошь из масонов, отставной офицер Я. Ю. Анкарстрём. Он выхватил пистолет и выстрелил в короля. Весь заряд попал королю чуть выше бедра. Впоследствии выяснилось, что заряд состоял не только из пули, но также из дроби и даже ржавых обойных

гвоздиков. В тяжелом состоянии король прожил еще более недели. Сразу же после покушения он назначил своим указом временное правительство во главе с герцогом Зюдерманландским, куда вошли и фавориты монарха Г. Армфельт и генерал Э. Таубе, настроенные, как и король, против французской революции.

Якоб Анкарстрём

Перед самой смертью Густав III составляет завещание, согласно которому власть в Швеции до совершеннолетия его тринадцатилетнего сына Густава Адольфа переходила герцогу Зюдерманландскому и правительству опекунов, куда включались Армфельт и Таубе. Рядом с комнатой умирающего короля находился герцог Зюдерманландский. Стоя у дверей, он попытался остановить статс-секретаря, который нес завещание королю на подпись, рассчитывая, что Густав III вскоре умрет. Однако статс-секретарь вошел в комнату и подписал завещание. Вскоре король скончался.

Тем не менее, масоны нарушили волю умершего короля. На первом же заседании временного правительства верховный судья, высокопоставленный масон и друг герцога Зюдерманландского, заявил, что завещание не имеет юридической силы, так как на нем не хватает подписей свидетелей. Правительство

опекунов было распущено, вся полнота власти перешла к герцогу Зюдерманландскому, поход на революционную Францию был отменен.

Почти все главные исполнители убийства были арестованы сразу же после покушения, еще при жизни короля. Конечно, следователям не удалось выйти на главных организаторов престу-

Герцог Карл Зюдерманландский

пления, тем более на герцога Зюдерманландского. Однако часть организаторов все же была схвачена. В частности, удалось уличить одного из вдохновителей покушения — отставного генерал-майора К. Пеклина, антироялиста и друга якобинцев. Непосредственные участники заговора были пронизаны духом французской революции и ненавистью к Христианству.

После смерти Густава III расследование застопорилось. В качестве виновного казнили Анкарстрёма. Однако четверо заговорщиков — П. Лильехурн, Хурн, Риббинг и Эренсверд, — отсидев несколько месяцев в тюрьме, вышли на свободу и покинули Швецию.

Герцог Зюдерманландский, став правителем Швеции, начал проводить либеральную политику в масонском духе. Во внешней политике он открыто поддержал французскую революцию и сблизился с французскими царубийцами.

В 1796 году, по достижении совершеннолетия наследником престола Густава IV Адольфа, герцог Зюдерманландский вынужден был уступить ему власть, но не переставал плести против него масонские интриги.

Сын убитого масонами короля Густав IV царствовал недолго. Его политика вызывала возмущение в масонской среде. Густав IV возобновил союз с Россией. В 1805 году примкнул к третьей коалиции против Франции, из ненависти к Наполеону не присоединился к Тильзитскому миру, отказался примкнуть к континентальной системе и запретить балтийские гавани англичанам. В 1809-м шведские масоны, возглавляемые герцогом Зюдерманландским, составили против Густава IV военный заговор. 13 марта 1809 года Густав IV был арестован и под страхом смерти принужден был отречься от короны для себя и своих потомков, а в декабре того же года изгнан из страны.

Масонские заговорщики провозгласили королем своего руководителя — герцога Зюдерманландского, который стал править под именем Карла XIII. Конституция страны была изменена, реальная власть в стране стала принадлежать масонским вождям и Государственному совету из 9 членов. С этих пор христианская монархия в Швеции прекратила свое существование.

ГЛАВА 4

Герцог Зюдерманландский и русские масоны. — Интриги против русской власти. Заговор против Екатерины II. — Массонское воспитание Наследника Престола

Один из крупнейших деятелей мировой масонской закулисы герцог Зюдерманландский повинен не только в убийстве шведского короля Густава III, но и в многочисленных интригах и заговорах, целью которых было убийство русских Самодержцев.

В конце 1740-х — 1750-е годы герцог познакомился, а затем близко сошелся с видным российским масоном, посланником в Швеции графом Н.И. Паниным, восторженным почитателем прусского короля Фридриха II. Находясь 12 лет за границей, Панин совмещает свою дипломатическую службу с регулярной работой в шведских и германских масонских ложах. Вместе с Паниным герцог Зюдерманландский разрабатывал невыгодный для России план Союза держав Северной Европы «Северный аккорд», в котором нашей стране отводилась роль зависимого сателлита. Шведский герцог и русский граф вынашивали идею создания в России и Швеции конституционной монархии, в которой истинными руководителями будут «озаренные светом истины» масоны.

Вернувшись из Швеции, Панин с 1760 по 1773 годы становится воспитателем Наследника Престола, сына будущих Екатерины II и Петра III, Павла Петровича.

Панин и его масонские соратники надеялись воспитать Павла I в масонском духе, а при восхождении его на Престол занять при нем ведущее положение и установить в России конституционную монархию.

Еще в 1762 году Панин подготавливает проект создания так называемого Императорского совета, через который, по его мнению, должны проходить все документы, требующие подписи Царя. Без санкции этого совета ни одно из решений Государя не могло иметь законной силы. Совет мыслился в составе самых просвещенных вельмож, под которыми Панин подразумевал лиц, принадлежащих к масонским ложам.

В этом деле Панину способствовал его племянник князь А.Б. Куракин. Как родственник Панина, Куракин стал товарищем в играх и занятиях будущего Императора Павла I, и между ними завязались дружеские отношения, которые масоны стремились использовать в своих интересах. В 1773 году по рекомендации дяди Куракин вступает в масонскую ложу¹ и в том же году получает официальное назначение состоять при Наследнике Престола.

В 1772 году должно было наступить совершеннолетие Павла, и он получал формальные права занять Престол.

Этим случаем решили воспользоваться масонские конспираторы. Ими подготавливается государственный переворот, во главе которого становятся дядя и племянник Куракины. Масоны ставят своей целью не только свергнуть Екатерину II, но и разрушить русский государственный порядок и, как в Швеции, передать реальную власть в руки масонских вождей.

Под руководством масона Н.И. Панина его секретарь, тоже масон, Д.И. Фонвизин, составляет проект конституции, согласно которому от-

---

¹ Впоследствии Куракин становится членом и руководителем многих масонских лож, в том числе, что весьма характерно, ордена иллюминатов и секты «Новый Израиль».

Н.И. Панин

менялось русское Самодержавие. Как впоследствии писал в своих записках родственник Д.И. Фонвизина М.А. Фонвизин, слышавший об этом из первых уст: *«Панин предлагал установить политическую свободу сначала для одного только дворянства в учреждении верховного Совета, которого часть несменяемых членов назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц <...>. Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы исполнительная <...>. В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых лю-*

дей <...>. У меня был список с введения, или предисловия, к этому акту <...>, которое, сколько припомню, началось так: “Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностью сея истины и великими качествами души монарх, приняв бразды правления, тотчас почувствует, что власть делать зло есть несовершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное величие, когда само у себя отъемлет власть и возможность к содеянию какого-либо зла” и т.д. За сим следовала политическая картина России и исчисление всех зол, которые она терпит от самодержавия»¹.

Известны и конкретные детали заговора против Екатерины: «В 1773 или в 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, — граф Н.И. Панин, брат его, фельдмаршал П.И. Панин, княгиня Е.Р. Дашкова, князь Н.В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с Престола царствующую без права Екатерину II и вместо ее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие <...>. При графе Панине были доверенными секретарями Д.И. Фонвизин, редактор конституционного акта, и Бакунин, оба участники в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решил быть предателем. Он открыл любовни-

---

¹ Из записок Фонвизина // Цареубийство 11 марта 1801. СПб., 1907. С. 127–129.

ку императрицы Г.Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. — Она позвала к себе сына и гневно упрекала его участие в замыслах против нее. Павел испугался, принес матери повинную и список всех заговорщиков. Она сидела у камина и, взяв список, не взглянув на него, бросила бумагу в камин и сказала: “Я не хочу знать, кто эти несчастные”. Она знала всех по доносу изменника Бакунина»¹.

Очевидно, в заговоре были замешаны многие вельможи — члены масонских лож, и Екатерина II не решилась тогда выступать открыто против столь мощной и влиятельной организации.

Как повествуется дальше, «из заговорщиков никто, однако, не погиб. Граф Панин был удален от Павла с благоволительным рескриптом с пожалованием ему 5000 душ и остался канцлером; брат его фельдмаршал и княгиня Дашкова оставили двор и переселились в Москву. Князь Репнин уехал в свое наместничество в Смоленск, а над прочими был учрежден тайный надзор»².

Открытие заговора, отстранение Панина от Наследника, ссылка Репнина не остановили масонских заговорщиков. Они продолжают свои интриги, где, по-видимому, главным действующим лицом становится князь Куракин. В 1776 году он отправляется в Швецию, встречается там с герцогом Зюдерманландским и наделяется им специальными полномочиями по организации лож шведской системы. Самому Куракину дается высшая масонская степень и звание великого мастера шведской системы. Шведские масоны делают все, чтобы установить контроль над Наследником Престола.

---

¹ Из записок Фонвизина // Царевубийство 11 марта 1801. СПб., 1907. С. 127–129.

² Там же.

В 1777 году в дело вступает сам шведский король Густав III, стоявший во главе шведского масонства. Он приезжает в Петербург и лично основывает там ложу под юрисдикцией Великой Ложи Швеции, но самое главное – через посредство Панина и Куракина добивается посвящения в нее Наследника русского Престола великого князя Павла Петровича¹. Конечно, происходит это в глубокой тайне.

Шведская Провинциальная Ложа выделялась порядком своей внешней организации. Кроме трех символических степеней имелись еще четыре высших градуса, по которым работал Капитул «Феникс» в Петербурге. В этом городе имелось девять лож, три в Москве, по одной в Ревеле, Кронштадте и Саратове. Имелась также военная ложа при южной армии.

Под контроль шведского масонства попадает большая часть русских лож, ранее контролируемых Германией. Видные государственные деятели, состоявшие в русских ложах, подчиняются шведскому королю.

Об этом, в частности, свидетельствует переписка 1777–1779 годов между масоном князем Куракиным и шведским герцогом Карлом Зюдерманландским, сохранившаяся в Особом Архиве². Из нее явствует, что князь Куракин получал и выполнял инструкции руководителя страны, настроенной тогда отнюдь не дружественно к России.

В 1779 году герцог Зюдерманландский издает декларацию, в которой объявляет для всего мира Швецию девятой провинцией масонского ордена «Стро-

---

¹ ОА, ф. 730, оп. 1, д. 172, л. 4. Есть также версия, что великий князь Павел Петрович был принят в ложу годом раньше, во время его заграничной поездки (во Фридрихсвилде) или другой заграничной поездки в 1782 году (Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 49–50). Во всех случаях прием связан с участием князя Куракина.

² ОА. ф. 1412, оп 1, д. 5300.

гого Чина», приписав к ней в числе других местностей и всю Россию¹. Дерзкий поступок масонского вождя вызвал возмущение русской Императрицы Екатерины II. Она приказывает ложе шведской системы закрыть, масонских эмиссаров герцога Зюдерманландского выслать из России, а князя Куракина сослать в саратовскую вотчину.

После этого конфликта масоны затаились, хотя и не отказались от своего намерения поставить под свой контроль Павла I. Граф Н.И. Панин ушел в тень, но не прекращал масонской работы, вплоть до своей смерти он оставался великим наместным мастером Великой Ложи Англии в России, в которой воспитал будущих убийц Павла I.

---

¹ Масонство в его прошлом и настоящем. СПб., 1914. Т. 1. С. 152.

ГЛАВА 5

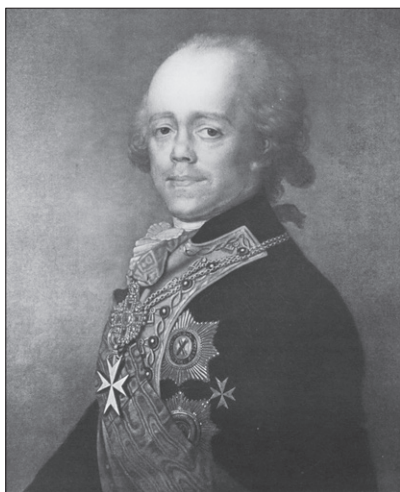
Павел I порывает с масонами. — Укрепление русской монархии. — Подтверждение Указа о запрещении масонства. — Предсказание монаха Авеля. — Заговор масонских лож. — Убийство Императора

Начало заговора масонов против Павла I, в результате которого Император был убит, следует датировать тем моментом, когда вольные каменщики окончательно осознали, что труды их «масонского просвещения» оказались напрасны.

С года принятия Павла I в масонскую ложу вольные каменщики неустанно подталкивают его к мысли о необходимости установить в России конституционную монархию по образцу Англии.

За три дня до смерти, 28 марта 1783 года, Н.И.Панин беседовал со своим бывшим воспитанником, Наследником Престола, убеждая его в случае вступления на трон ввести в России конституционную монархию. Основные мысли, высказанные Паниным в этот вечер, Павел записал: *«Очертив общий состав предстоящих реформ, — резюмирует эти записи летописец, — особо подчеркивалась необходимость “согласовать монархическую исполнительную власть по обширности государства с преимуществами той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма или самого государя или частного чего-либо”. Должно различать власть законодательную и власть, законы хранящую и их исполняющую. Законодательная может быть в руках государя, но с согласия государства, а иначе без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая — в руках под государем, predeterminedным управлять государством».*

Затем обосновывалась мысль об учреждении выборного дворянского Сената как законы хранящей власти, уточнялись его компетенции, порядок его взаимодействия с Государем, структура, территориальное деление, полномочия должностных лиц и т.д.»¹.

Павел I

Очевидно, что первое время Павел склонялся в пользу исполнения замыслов руководителей масонских лож. Он принимает участие в некоторых ритуалах. Сохранилось несколько портретов Павла I, где он представлен на фоне масонских символов. На одном из портретов изображены всевидящее око в шестиугольной звезде, молоток, кирка, статуя богини Астреи, на шее у Павла — масонский золотой треугольник на голубой ленте. На другом портрете Павел в масонском переднике третьей степени шведской системы².

Однако, заняв Престол, Павел I не оправдал ожиданий масонов. Более того, вместо уничтожения русской православной монархии он, наоборот, пошел на ее укрепление. В день своей коронации, 5 апреля 1797 года, он издает Указ о престолонаследии и об Императорской Фамилии. Он сделал монархию выше воли человека, твердым учреждением монархии соответствует ее идея — быть выразительницей

¹ Цит. по: Песков А.М. Павел I. М., 1999. С. 253.

² Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 50.

неизменного религиозного идеала, выношенного православным народом.

Ставя закон о престолонаследии выше воли монарха посредством присяги, которую каждый монарх должен дважды приносить: при вступлении на Престол и при миропомазании, Император Павел выражал веру не в человека, свойственную закону Петра I, а в Промысл Божий. После своего коронавания в Успенском соборе 5 апреля 1797 года Павел тут же присягнул сам изданному акту, который и был положен на хранение в Успенском соборе. В этом акте содержатся, кроме правил о престолонаследии, также правила о правительстве и опеке, о правах Императрицы, самостоятельно занимающей Престол, есть также постановление о вере Государя, который назван Главою Церкви¹.

В тот же день издан был другой акт — Учреждение об Императорской Фамилии, содержащий в себе постановления: 1) о степенях родства в Императорском Доме, 2) о рождении и кончине членов Императорского Дома и о родословной книге, 3) о титулах и гербах и прочих внешних преимуществах, 4) о содержании Членов Императорского Дома, 5) о гражданских правах Членов Императорского Дома и 6) об обязанностях Членов Императорского Дома к Императору. Акты эти были составлены еще в бытность Императора Павла Цесаревичем и подписаны им и его женой 4 января 1788 года; им был придан характер семейного закона, но по обнародовании их 5 апреля 1797-го им были сообщены санкция государственной власти и сила основных законов государственных.

Вместе с тем акт 1797 года явился этапом на пути установления в коренном вопросе — обеспечении

---

¹ Зызыкин М. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924. С. 94.

непрерывности в преемстве верховной власти — принципа законности, являющегося жизненным нервом Самодержавного принципа в отличие от деспотической формы правления. Подчинение самой власти началам права содействовало развитию чувства законности и созданию долга повиновения, на котором держится власть. Законность в России — создание самой верховной власти, а не результат ее ограничения посторонними политическими факторами. Самый факт появления актов Высочайшей воли, в особой форме изданных и служащих неизменной, непоколебимой основой, неприкосновенной и для монарха, послужил началом для дальнейшего развития законности в последующее царствование, в смысле установления различных форм для изъявления воли монарха в порядке законодательном и исполнительном. Император Павел прежде всего нормировал порядок престолонаследия и порядок фамильного учреждения, соблюдать которые обязуются и клянутся при объявлении совершеннолетия их и Наследник Престола, и все лица, по крови к Императорскому Дому принадлежащие¹.

Одновременно с принятием законов, укрепляющих русскую монархию, Павел I в том же 1797 году издает Указ, предписывающий применять закон 1794 года о запрете масонских лож со «всевозможной строгостью», и сам выходит из масонства. Из окружения Императора удаляются наиболее активные масоны, а сам он становится гроссмейстером Мальтийского ордена, который в то время находился во враждебных отношениях со значительной частью масонства. Павел ввел цензуру на ввозимые из-за границы книги, тем самым ограничив ввоз

---

¹ Зызыкин М. Указ. соч. С. 94.

масонской литературы. Ненавидя революцию, презирая якобинцев, Павел начинает войну против революционной Франции, русские войска наносят поражение французам, освобождают от революции Италию. Эти действия Императора вызвали злобные нападки масонов. Все его поступки представляются в карикатурном виде, а его самого объявляют сумасшедшим. Масоны рассматривают его как предателя. Особенно враждебную позицию к нему занимают английские и шведские масоны.

О своей смерти от рук заговорщиков Павел I узнал заранее из предсказания монаха Авеля. На личной встрече АVELЬ сказал Царю: *«Царства твоего будет все равно что ничего: ни ты не будешь рад, ни тебе рады не будут, и помрешь ты не своей смертью»*. Вещий монах открыл перед Павлом грядущие судьбы Государей из Дома Романовых. Вот как в пересказе русского писателя П.Н. Шабельского-Борка излагается история Царственных мучеников от Павла I до Николая II.

«Батюшка-Царь! — обратился к Павлу I АVELЬ. — Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих грешь ты на царственной груди своей. В Страстную Субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронте твоего замка, в коем воистину обетование и о Царственном

Доме твоём: “Дому сему подобает твердыня Господня в долготу дней”...

— О сем ты прав, — изрек Император Павел Петрович. — Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть Собор во имя Святого Архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь...

— Зрю в нем преждевременную гробницу твою, Благоверный Государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет. О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще — жидовском.

— Что? Святая Русь под игом жидовским? Не быть сему вовеки! — гневно нахмурился Император Павел Петрович. — Пустое болтаешь, черноризец...

— А где татары, Ваше Императорское Величество? Где поляки? И с игом жидовским то же будет. О том не печалься, батюшка-Царь: христубийцы понесут свое...

— Что ждет преемника моего, Цесаревича Александра?

— Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы и праведным будет в очах Божиих...

— А кто наследует Императору Александру?

— Сын твой Николай...

— Как? У Александра не будет сына? Тогда Цесаревич Константин...

— Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою... Начало же царствования сына твоего Николая бунтом вольтерьянским зачнется, и сие бу-

дет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая. Через сто лет после того оскудеет Дом Пресвятыя Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится.

— После сына моего Николая на Престоле Российском кто будет?

— Внук твой, Александр Второй, Царем-Освободителем предначерченный. Твой замысел исполнит — крестьян освободит, а потом турок побьет и славянам тоже свободу даст от ига неверного. Не простят жида ему великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками. Как и ты, подвиг служения своего запечатлеет он кровью царственной...

— Тогда-то и начнется тобою реченное иго жидовское?

— Нет еще. Царю-Освободителю наследует Царь-Миротворец, сын его, а твой правнук, Александр Третий. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он.

— Кому передаст он наследие царское?

— Николаю Второму — Святому Царю, Иову Многострадальному подобному.

На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война, мировая... По воздуху люди, как птицы летать будут, под водою, как рыбы плавать, серою зловонной друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет Трон Царский. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмет в безумии власть, и наступит воистину казнь египетская...

Горько зарыдал вещей Авель и сквозь слезы тихо продолжал:

— А потом будет жид скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить Святыни ее, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречение России от Святого Царя. О Нем свидетельствует писание. Псалмы девятнадцатый, двадцатый и девяностый открыли мне всю судьбу его.

“Ныне познах, яко спасе Господь Христа Своего, услышит Его с небес Святаго Своего, в силах спасение десницы Его”.

“Велия слава его спасением Твоим, славу и веле-ние возложиши на него”.

“С ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долгогою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое” (Пс. 19, 7; 20, 6; 90, 15–16).

Живый в помощи Вышняго, Возсядет он на Престоле Славы. А брат Его царственный — сей есть тот, о котором открыто Пророку Даниилу:

“И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего...” (Дан. 12, 1).

Свершатся надежды русские. На Софии, в Царь-граде, воссияет Крест Православный, дымом фимиама и молитв наполнится Святая Русь и процветет, аки крин небесный...»

В глазах Авеля Вещего горел пророческий огонь нездешней силы. Вот упал на него один из закатных лучей солнца, и в диске света пророчество его вставало в непреложной истине. Император Павел Петрович глубоко задумался. Неподвижно стоял Абель. Между монархом и иноком протянулись молчаливые незримые нити.

Император Павел Петрович поднял голову, и в глазах его, устремленных вдаль, как бы через завесу грядущего, отразились глубокие царские переживания.

— Ты говоришь, что иго жидовское нависнет над моей Россией лет через сто. Прадед мой, Петр Ве-

ликий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо о всем, что ныне прорек мне о потомке моем Николае Втором, предварить его, дабы пред ним открылась Книга судеб. Да ведает праправнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпения своего...

Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою, изложи все письменно, я же вложу предсказание твое в нарочитый ларец, положу мою печать, и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в кабинете Гатчинского дворца моего¹. Иди, Авель, и молись неустанно в келии своей о мне, Роде моем и счастье нашей Державы»².

Предсказания монаха Авеля скоро начинают сбываться. В 1797–1798 годах против Павла I складывается заговор. Его вдохновителями становятся влиятельные масоны, входившие в ближайшее окружение Наследника Престола Александра I — П.А. Строганов (Великий Восток Франции), Н.Н. Новосильцев (Великая Ложа Англии), А. Чарторыйский (польская ложа шведской системы). Идею свержения своего отца одобрял и сам Наследник Александр³.

По масонским каналам к подготовке заговора были привлечены крупные функционеры Великой Ложи Англии и прежде всего английский посол в России Ч. Витворт, а также представители герцога Зюдерманландского и лож шведской системы.

---

¹ Предсказание монаха Авеля было запечатано в конверт, на котором Павел I собственноручно написал: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день Моей кончины».

² Старый Кирибей (П. Н. Шабельский-Борк). Павловский гобелен. Сан-Пауло, 1955. С. 78.

³ Из переписки будущего Александра I с Ц. Лагарпом следует, что будущий Император уже через год после восшествия на Престол отца допускал необходимость изменить революционным путем правильный порядок престолонаследия и политическую организацию страны (Валишевский К. Сын Великой Екатерины Император Павел I. М., 1990. С. 521).

Шведского герцога в России, в частности, представлял Н.П. Панин, племянник организатора заговора против Екатерины II Н.И. Панина.

Координатором заговорщиков стал военный губернатор Петербурга, масон граф П.А. Пален. Хотя будущий Александр I про-

П.А. Пален

сил заговорщиков не убивать его отца, а только заточить его в крепость, убийство было предрешено заранее. Как впоследствии признавался Пален, Александр потребовал от него клятвенного обещания не покушаться на жизнь его отца. Пален поклялся в этом, хотя заранее знал, что «надо завершить революцию» убийством Павла I¹.

Чтобы преодолеть нерешительность Наследника Престола и получить его согласие начать государственный переворот, Пален добивается у Павла I ордера на арест его сыновей, как замешанных в заговоре. Получив подписанный Императором ордер (использовать который Павел приказал ему только в крайнем случае), масонский интриган показывает его великим князьям, провоцируя их к решительным действиям.

¹ Царевубийство 11 марта 1801. СПб., 1907. С. 135–136.

Убийство Павла I осуществляется в ночь с 11 на 12 марта. Почти все его исполнители состояли в масонских ложах¹. Перед убийством заговорщики крепко выпили, и некоторые шли на преступление сильно пьяными. Судя по всему, у некоторых убийц было желание покончить не только с Павлом I, но и со всей Царской семьей.

Л.Л. Беннигсен

Во время ужина, состоявшегося у заговорщиков перед убийством, полковник Измайловского полка Н.И. Бибиков высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла, что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу².

Сохранились воспоминания участника этого убийства масона Л.Л. Беннигсена: *«Условились, что генерал Талызин соберет свой гвардейский батальон во дворе одного дома, неподалеку от Летнего сада; а генерал Депрерадович — свой, также гвардейский батальон, на Невском проспекте, вблизи Гостиного Двора. Во главе этой колонны будут находиться военный*

---

² Вот список главных участников убийства: П.А. Талызин (командир Преображенского полка), Ф.П. Уваров (командир Кавалергардского полка), князь Яшвиль (Конногвардейский полк), князь И. Вяземский (Измайловский полк), П. Кутузов (Кавалергардский полк), князь Б. Голицын, П.А. Зубов и его братья Николай и Валериан, Л.Л. Беннигсен и другие.

² Цареубийство 11 марта 1801юю С. 86.

губернатор [Пален] и генерал Уваров, а во главе первой — князь Зубов, его два брата, Николай и Валериан, и я <...>. Граф Пален со своей колонной должен был занять главную лестницу замка, тогда как мы с остальными должны были пройти по потайным лестницам, чтобы арестовать императора в его спальне.

Н. Зубов

Проводником нашей колонны был полковой адъютант императора, Аргамаков, знавший все потайные ходы и комнаты, по которым мы должны были пройти, так как ему ежедневно по несколько раз случалось ходить по ним, принося рапорты и принимая приказания своего повелителя. Этот офицер повел нас сперва в Летний сад, потом по мостику и в дверь, сообщавшуюся с этим садом, далее по лесенке, которая привела нас в маленькую кухоньку, смежную с прихожей перед спальней Павла. Там мы застали камер-гусара, который спал крепчайшим сном, сидя и прислонившись головой к печке. Из всей толпы офицеров, сначала окружавших нас, оставалось теперь всего человека четыре; да и те, вместо того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; один из офицеров ударил его тростью по голове, и тот поднял крик. Пораженные, все остановились, предвидя момент, когда общая тревога разнесется по всем комнатам»¹.

¹ Царевичейство 11 марта 1801... С. 117–119.

Найдя первую дверь, ведущую в спальню, незапертой, заговорщики предположили, что Император скрылся по внутренней лестнице. Но когда подошли ко второй двери, то увидели, что она заперта изнутри. Сломав дверь, заговорщики ворвались в спальню Императора, который стоял за каминным экраном.

В. Зубов

Далее Беннигсен пишет: «Держа шпаги наголо, мы сказали ему:

— Вы арестованы, ваше величество!

Он поглядел на меня, не произнеся ни слова, потом обернулся к князю Зубову и сказал ему:

— Что вы делаете, Платон Александрович?

В эту минуту в комнату вошел офицер нашей свиты и шепнул Зубову на ухо, что его присутствие необходимо внизу, где опасались гвардии. Тем более должны были бояться этой гвардии, что граф Пален еще не прибыл со своей свитой и батальоном для занятия главной лестницы замка, отрезавшей всякое сообщение между гвардией и покоями императора. В эту минуту другие офицеры, сбившиеся с дороги, беспорядочно ворвались в прихожую: поднятый ими шум испугал тех, которые были со мною, они подумали, что это пришла гвардия на помощь к императору, и разбежались все, стараясь пробраться к лестнице. Я остался

один с императором, но я удержал его, импонируя ему своим видом и своей шпагой. Мои беглецы, встретив своих товарищей, вернулись вместе с ними в спальню Павла, теснясь один на другого. Я вышел. Я узнал потом те немногие слова, какие произнес император <...>:

– Арестован, что это значит арестован?

Один из офицеров отвечал ему:

– Еще четыре года тому назад с тобой следовало бы покончить!

На это он возразил:

– Что я сделал?

Вот единственные произнесенные им слова»¹.

Дальнейшие события показали беспредельную низость масонских заговорщиков. Еще несколько минут назад трусливо бежавшие в страхе возмездия офицеры-масоны накинулись на беззащитного Императора. Граф Н. Зубов, совершенно пьяный, ударил Павла по руке и заорал: «Что ты так кричишь!» При этом оскорбленный Император оттолкнул левую руку Зубова. Пьяный заговорщик, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаха нанес правой рукой удар в левый висок Императора. Показалась кровь. Павел I упал замертво. Озверевшие масонские заговорщики еще долго избивали мертвого Императора, а затем быстро разбежались в разные стороны.

---

¹ Царевубийство 11 марта 1801... С. 119–120, 144–145.

ГЛАВА 6

Масоны-декабристы. — Стремление к свержению русской монархии. — Планы цареубийства и истребления Царской Фамилии

Приняв участие в заговоре против своего отца, Александр I первое время пребывал заложником масонских лож. Вольные каменщики составляют его ближайшее окружение и занимают ведущие министерские посты. В масонских ложах разрабатывают проекты конституции, которые должны были упразднить русское Самодержавие и ввести в стране конституционную монархию. Предлагаемые масонами системы выборов гарантировали переход власти от Самодержавного Государя в руки хорошо организованной элиты¹. Некоторые влиятельные члены масонских лож предлагали уничтожить русскую монархию совсем и ввести в России республику. Масоны М.Н. Новиков (ложа «Избранные Михаила») и П.И. Пестель (ложа «Соединенных Друзей») были авторами республиканской конституции и идеологии цареубийства еще задолго до декабристского путча.

В 1810-х годах, особенно после войны 1812 года, отношение Александра I к масонам стало меняться. Не желая отдавать свою власть в руки масонских вождей, Император, никогда не забывавший о трагической смерти отца, начинает осознавать опасность, которая ему угрожает. До него доходят известия о готовящихся заговорах. В 1821 году Императора предупреждает глава Директориальной ложи «Астрея» сенатор Е.А. Кушелев. Он откровенно

---

¹ Подробнее об этом см. в моей книге «Тайная история масонства 1731–1996» (М., 1996). С. 57–72.

признает, что масонские ложи опасны для государства и в существующем положении от них не стоит ожидать «ничего, кроме гибельных последствий»¹.

1 августа 1821 Александр I издает указ, в котором повелевает «все тайные общества, под какими бы именами они не существовали, как то масонских лож, закрыть и учреждение их впредь не дозволять».

Масонские ложи приняли указ как объявление войны. Тайная подрывная работа против Императора усиливается. Ее кульминационным моментом становится военный мятеж 14 декабря 1825.

В подполье российских масонских лож рождаются самые кошмарные планы цареубийства. Истоки этих планов явно следует искать в деятельности ордена иллюминатов, который и после запрета своей деятельности в Германии выступал под вывеской французской масонской ложи «Соединенных Друзей», а с 1790 – прусского тайного союза Тугенбунд (Союз Добродетели). С орденом иллюминатов в его различных обличьях были связаны князь Н.В. Репнин, крупнейшие деятели движения декабристов-масонов М.Ф. Орлов, Н.И. Тургенев (орден русских рыцарей), С.П. Трубецкой, П.И. Пестель, А.Н. Муравьев, М.А. Фонвизин (ложа «Александра Троственного спасения»), а также Эрнст-Вениамин-Соломон Раупах, живший в доме одного из вдохновителей убийства Павла I Н.Н. Новосильцева (Великая Ложа Англии).

На иллюминатских основах Тугенбунда была в 1816 году построена первая тайная организация цареубийц «Союз спасения»². Ее возглавил А.Н.

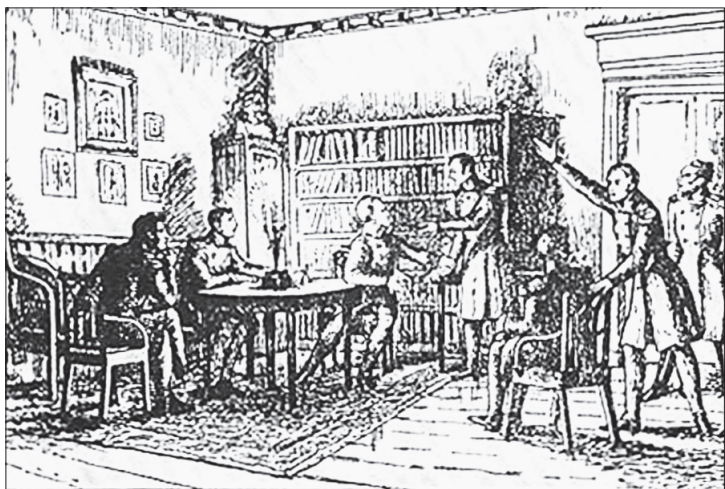
¹ Бакунина Т.А. Указ. соч. С. 110–111.

² Средний возраст основателей организации М. и С. Муравьевых-Апостолов, А. Муравьева, Н. Муравьева, князя С. Трубецкого и И. Якушкина составляет менее 21 года. Все они были совершенно незрелыми людьми, проводившими свою жизнь между пьянками и заседаниями масонских лож.

Муравьев, а самыми активными членами стали С.П. Трубецкой (ложе «Трех Добродетелей»), Н. Муравьев (ложе «Трех Добродетелей»), М. Муравьев-Апостол (ложе «Соединенных Друзей»), И.Д. Якушкин, М.Н. Новиков и П.И. Пестель. Последний составил устав общества. В 1818 году Союз спасения был реорганизован в еще более опасную тайную организацию «Союз благоденствия».

В планы заговорщиков входили ликвидация русской православной монархии и установление в России, по одним проектам, конституционной монархии, по другим – республики. Не все члены общества осмеливались открыто говорить о цареубийстве, но самые влиятельные его члены вели будущих декабристов именно к этому. Даже самые умеренные декабристы-масоны считали, что они сохраняют монарха в России «как занавес, за которым мы сформируем наши колонны».

Как показало следствие, проведенное правительством после военного мятежа 14 декабря 1825 года,

Совещание декабристов

масонские заговорщики неоднократно готовили покушение на жизнь Царя, рассчитывая с его убийства начать восстание, а в дальнейшем уничтожить всю Царскую семью. Отмечая необходимость царевубийства, Пестель говорил своему соратнику Поджио, что дело не кончится убийством тринадцати наиболее видных представителей Царской семьи.

Намереваясь убить Царя и всю Царскую Фамилию, масоны-декабристы осознавали, какое страшное преступление они совершают. Поэтому в их планы входило исполнение убийства поручить людям, которые после совершения преступления были бы уничтожены самими масонами, чтобы замести следы и не уронить тень на тайную организацию. Таким образом, покушаясь на царевубийство, они уже готовились откреститься от него. Типичный образец масонского лукавства и провокации¹.

Следствие установило множество попыток декабристов-масонов на царевубийство:

- в 1816 — на Царскосельской дороге,
- в 1817 — в Москве,
- в 1823 — возле Бобруйска,
- в 1824 — в Петербурге,
- в 1825 — в лагере при Лещине,
- в 1825 — в Василькове,
- в 1825 — на Сенатской площади в Петербурге.

Существовали и другие варианты царевубийства, известные из показаний декабристов-масонов, но

---

¹ «Не только на юге, но и на севере были распространены мысли об отряде или отдельном лице, которые формально стояли бы “вне общества”. Таким способом хотели преодолеть противоречие — нужно совершить царевубийство, но непривычный народ воспримет это как страшное преступление. Некоторые проекты предполагали поэтому в случае захвата власти заговорщиками изгнать или даже казнить царевубийцу, чтобы эта вина не лежала на самом обществе (так, видимо, понимал Пестель “обреченный отряд” и судьбу Лунина. Ту же роль предназначал Рылеев Каховскому)» (Эйфельман Н. Лунин. М., 1970. С. 157).

не установленные точно по времени. По показаниям декабриста-масона Завалишина, Лунин рассказывал ему, что некто Головкин предлагал организовать покушение на морском корабле, взорвав или потопив его. Был еще план напасть на Царя во время смотра в Белой Церкви с помощью летучего отряда в черных масках. Масон-декабрист Н. Оржицкий *«выражал желание особым способом расправиться с царствующим домом — во избежание излишних затрат на многие виселицы, возвести одну “экономическую виселицу”, достаточно высокую, на которой повесить царя и великих князей “одного к ногам другого” (вариантом этого предложения было — повесить царя и всех великих князей указанным способом на высокой корабельной мачте)»*¹.

Первый известный случай объявления намерения цареубийства относится к августу-сентябрю 1816 года. На одном из заседаний Союза спасения его член М.С. Лунин (ложе «Трех Добродетелей»), помещик, перешедший в католичество, ненавидевший все коренное русское, между делом заметил, что не трудно устроить заговор и убить Александра I на Царскосельской дороге, по которой он обычно ездит без большой охраны. Для этого, предложил он, достаточно собрать группу решительных людей и одеть их в маски, чтобы спутники Царя не узнали убийц².

В 1817 году Союз спасения разрабатывает план цареубийства во время пребывания Александра I в Москве. Произвести это убийство заговорщики собирались во время службы в Успенском соборе Московского Кремля. С предложением совершить

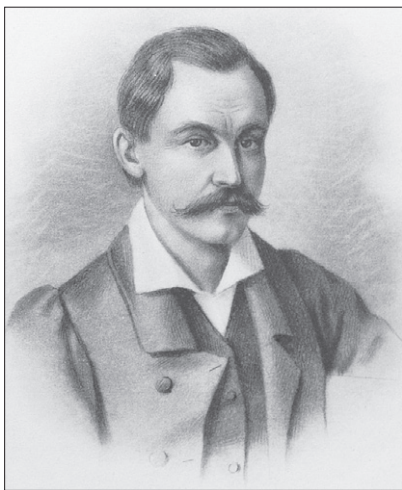
---

¹ Цит. по: Башилов Б. История русского масонства. Вып. 9–11. М., 1994. С. 100.

² Эйдельман Н. Лунин. М., 1970. С. 43.

цареубийство лично выступили И. Якушкин и Ф.П. Шаховской (ложе «Соединенных Друзей»).

Как сообщил на следствии Пестель: *«В 1817 году, когда царствующая фамилия была в Москве, часть общества, находящаяся в сей столице под управлением Александра Муравьева, решилась поку-*

М.С. Лунин

ситься на жизнь государя <...>, жребий должен был назначить убийцу из сочленов, и оный пал на Якушкина: служил некогда в Семеновском полку, вышел в армию и теперь живет в отставке».

В стремлении убить Царя Якушкин соперничает с князем Ф.П. Шаховским.

На следствии одному из цареубийц — Лунину — задают вопрос: «В показании своем комитету вы говорите, что были на совещании в Москве в 1817 году. На совещании сем, сколько известно комитету, находился и отставной майор князь Шаховской, который предложил, чтобы для исполнения покушения на жизнь покойного императора воспользоваться тем временем, когда Семеновский полк будет в карауле, и вообще только то и говорил, что готов посягнуть на жизнь государя, после чего Сергей Муравьев назвал его “le tigre” (тигр). Объясните подробно и со всей откровенностью, действительно ли было все сие и не говорил ли Шаховской еще чего подобного?»

Лунин отвечает:

«На заседании находился князь Шаховской и, сколько могу припомнить, говорил то, что ему приписывают; наименования же “le tigre”, данного ему по сему поводу Сергеем Муравьевым-Апостолом, я не помню. Но, невзирая на невоздержанность речей князя Шаховского, свойственную в тогдaшнее время пылкости молодых его лет, я как в князе Шаховском, так и в других членах общества не заметил готовности к исполнению предположенного намерения. Последствия оправдали мое, по сему предмету, мнение».

В 1817 году руководители тайного общества не поддержали предложения Якушкина и Шаховского, считая, что преждевременное выступление может повредить долгосрочным целям заговора. Цареубийство было решено перенести на другой срок¹.

Подготовка планов цареубийства была краеугольным камнем подрывной работы декабристов-масонов. В январе 1820 года на совещании Пестеля с петербургскими членами Союза благоденствия было принято решение введения в России республики путем цареубийства. «Республика, — заявлял Н. Муравьев, — сама собой не явится — ее надо добиваться, и единственным средством ввести в России народное правление может быть только цареубийство»². На этом совещании за цареубийство высказалась половина членов Коренной думы.

В 1821 году Союз благоденствия распускается, а на его основе создают два тайных общества — Се-

---

¹ О готовящемся покушении на него Александр I узнал уже в январе 1818 года. Как свидетельствует в своих записках Николай I: «По некоторым доводам я должен полагать, что государю еще в 1818 году в Москве после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство: с той поры весьма заметна была в государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видал столь мрачным, как тогда...»

² *Карташев Б., Муравьев Вл.* Пестель. М., 1958. С. 145.

верное и Южное. Последнее, возглавляемое Пестелем, абсолютным большинством поддерживает царевубийство. На съезде Южного общества в 1823-м Пестель

Барельеф: М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. Муравьев-Апостол, П.Г. Каховский, П.И. Пестель, К.Ф. Рылев

предлагает организовать специальный отряд

(«обреченный отряд») из людей, формально к обществу не принадлежащих. Они должны будут истребить Императорскую Фамилию. «Царевубийство, по словам Пестеля, вызовет замешательство в Петербурге, северные же члены тем временем провозгласят новое правительство, а мы на юге поддержим их и обеспечим действительный успех революции». Во главе специального отряда царевубийцев Пестель предложил поставить Лунина, который еще в 1817 году предлагал подобную акцию.

В специальный отряд царевубийцев должны были войти десять молодых людей, не связанных семьями; заведомо зная о личной обреченности своей, они должны решиться на истребление Царской Фамилии. В этот отряд должен был, в частности, войти М.И. Муравьев-Апостол (ложе «Соединенных Друзей»), состоявший адъютантом малороссийского генерал-губернатора князя Н.Г. Репнина-Волконского, родственника знаменитых масонов Н.В. Репнина и С.Г. Волконского (ложе «Соединенных Друзей»). На торжественном обеде в Киеве

Муравьев-Апостол демонстративно отказался под-
нять тост за здоровье Государя и вылил вино на пол.
На что генерал-губернатор Репнин-Волконский
заметил молодому адъютанту: «*Рано свои знамена
показываешь*»¹.

В 1823-м масоны-декабристы разрабатывают
план захвата и убийства Царя в Бобруйске. Осу-
ществить его должны были члены общества, пере-
одетые в солдатские шинели.

К 1824 году некоторые расхождения среди заго-
ворщиков по поводу цареубийства были преодолены.
Почти все руководители и ведущие члены обществ
пришли к общему мнению – убить Царя². Совмест-
ные планы Южного, Северного и Польского тайных
обществ предполагали цареубийство в России и од-
новременно уничтожение великого князя Константи-
на в Варшаве. Последнее, по замыслу Пестеля, должен
был осуществить М.С. Лунин, так как в то время был
переведен в Варшаву. На роль же руководителя специ-
ального отряда цареубийц заговорщики предлагают
другого. Вероятно, на эту роль Пестель готовил сразу
двух человек – А.П. Барятинского и М.П. Бестужева-
Рюмина, которые, по показаниям масона-декабриста
Поджио, должны были возглавить отряды для нападе-
ния на Царя.

В 1825 году стремление к цареубийству становит-
ся просто манией членов тайного общества. В нача-
ле этого года к одному из руководителей Северного
общества К.Ф. Рылееву (ложе «Пламенная Звезда»)
пришел П.Г. Каховский и заявил: «*Послушай, Рыле-
ев! Я пришел тебе сказать, что я решил убить царя.
Объяви об этом Думе. Пусть она назначит мне срок*».

---

¹ Декабристы на поселении. М., 1926. С. 102.

² Об этом, в частности, свидетельствуют показания М. Муравьева-
Апостола.

Каховский не знал, что Северное общество еще не готово к решительным действиям, ему казалось, что оно гораздо сильнее, чем это было на самом деле (такое мнение Рылеев специально внушал всем новопринятым членам общества). Рылеев испугался решимости Каховского, понимая,

А.И. Якубович

что «несвоевременное царубийство может провалить все планы общества»¹.

Вскоре подобно Каховскому вызвался на царубийство еще один масонский маньяк А.И. Якубович. Он также пришел к Рылееву и заявил, что намерен во время маневров гвардии в Петергофе убить Императора. Рылееву пришлось долго уговаривать и Каховского, и Якубовича, чтобы они перенесли свой террористический акт на более поздний срок.

В Южном обществе тем временем был разработан план военного переворота и царубийства во время смотра войск в Белой Церкви летом 1826 года. После убийства Царя на смотре заговорщики собирались захватить Киев и отправить часть своих войск в Москву. Северному обществу в это время предлагалось совершить революцию в Петербурге — взять Сенат и другие государственные учреждения, захватить и уничтожить всех членов Царской Фамилии и создать Временное правительство.

¹Афанасьев В. Рылеев. М., 1982. С. 247.

Смерть от болезни Императора Александра I в Таганроге спутала карты заговорщиков. Члены Северного общества, первые узнавшие об этом, пытаются использовать переход власти от одного Императора к другому в своих интересах для свержения русской монархии.

Новый план восстания, разработанный руководителями Северного общества, предполагал захват Зимнего дворца, арест и истребление Царской семьи. Захват и убийство Царской семьи были поручены Якубовичу и Арбузову, которые перед этой акцией должны были поднять войска и выйти на Сенатскую площадь. К счастью, планы заговорщиков не удались. На Сенатскую площадь вышла только небольшая часть войск, на которые они рассчитывали. Там же на площади Якубович и Каховский пытались убить Царя. Но это им тоже не удалось¹. Решительными действиями новый Император Николай I рассеял ряды мятежников. Почти все кандидаты в цареубийцы были арестованы, осуждены, а пятеро — Рылеев, Пестель, Каховский, С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин повешены в Петропавловской крепости.

---

² Впрочем, во второй половине декабря 1825 — начале января 1826 года масоны-декабристы сделали еще одну попытку государственного переворота на юге России в Василькове. Еще с осени они вели пропаганду среди солдат Черниговского полка, призывая их к походу на Москву и убийству Царской семьи. Во главе заговора здесь стояли масоны С. Муравьев и В.Н. Соловьев; чтобы подвигнуть солдат на государственное преступление, масоны велели поить их водкой, сколько тем захочется. «Вдохновленные» масонами на цареубийство, солдаты выпили за сутки сто восемьдесят четыре ведра вина (на одну тысячу человек). Начались безобразия. Стали срывать с офицеров эполеты, грабить мешан и евреев. Подняли из гроба столетнего старика, плясали с трупом посреди толпы галдящих, перепившихся солдат. Зверски был избит (чудом остался жив) старик полковник Гельб, арестовавший С. Муравьева (Башилов Б. Указ соч. С. 100).

ГЛАВА 7

*Социалисты-цареубийцы. — М.В. Петрашевский. —
Карбонарский дух социалистических организаций. —
Решение убить Николая I. — Масоны Бакунин и Гарибальди. —
«Ад» Ишутина. — «Народная расправа». — Предсказания
о цареубийстве. — «Чайковцы». — «Земля и воля». —
Земледелец Соловьев стреляет в Александра II*

Изобличенные в военном мятеже, подготовке цареубийства, самых опасных государственных преступлениях, масоны-декабристы вели себя на допросах низко, подличали, топили друг друга, стараясь всеми средствами выгородить каждый сам себя. Особенно недостойно показали себя на допросах вожаки — Пестель, Рылеев, Трубецкой. Пестель, например, выдал всех причастных или почти даже не причастных к деятельности тайных обществ, сообщил о каждом унижительные подробности. Кажется, что после всего того, что они совершили, ничего, кроме презрения и брезгливости, в русском обществе к ним не сохранится и их кроважидные идеи цареубийства будут забыты.

Однако не прошло и двух десятилетий, как в России вновь поднимаются головы гидры цареубийства. Питательной средой для них стали масонские ложи, хотя и официально запрещенные, но продолжавшие работать в глубоком подполье. Вольные каменщики не только не осудили преступления своих собратьев-декабристов, а наоборот, сделали из преступников героев. Из масонских лож по всей стране распространяется миф о «благородных декабристах», «невинных страдальцах за народ, угнетенный царями-тиранами».

Эта масонская пропаганда достаточно эффективно проникает во все слои образованного общества, де-

лая его проводником антихристианских, антирусских идей, противных Русской Православной Церкви и монархии.

Усилия российских масонов объединяются с усилиями западных вольных каменщиков, разыгравших в то время карту социальной революции и социализма. Убогая, примитивная социалистическая пропаганда с Запада внедряется в сознание российских интеллигентов-митрофанов, создавая таких монстров бездуховности, как Чернышевский, Добролюбов, Писарев и т.п. Практически все зарубежные социалисты были либо евреи, либо масоны, а чаще всего и то и другое разом. Французская революция 1848 года была подготовлена масонами, которые свергли короля и установили новое правительство, из 11 членов которого 9 были масонами.

Парижская Коммуна — дело рук масонов и связанных с ними революционных организаций. *«Но нигде, — пишет Фара в своем исследовании «Масонство и его деятельность», — масонство не выступает так ярко в своей обычной антихристианской и революционной работе, как во время Парижской Коммуны 1871 года. Я не буду останавливаться на работе масонства по подготовке свержения Второй Империи, на его первенствующей роли во франко-прусской войне, на деятельности маршала Базена, этой игрушки в руках Великого Востока, на неудачах маршала МакМагона, в коих такую значительную роль сыграл племянник бывшего гротсмейстера ордена лейтенант-полковник Маньян, и укажу лишь на открытые выступления масонства после крушения Второй Империи и провозглашения коммуны».*

«Ни один государственный строй никогда не был таким таинственным, как Третья республика, — пишет Жак Бидеген, одно время бывший секретарем

ордена Великий Восток Франции. — *Учреждения, служащие ей фасадом, суть лишь лживые декорации, за которыми происходят вещи, неизвестные толпе.*

В официальном журнале Коммуны 27 мая сообщается о торжественном приеме в городской ратуше депутации масонов. *«Все сердца бьются в унисон»,* — сказано в отчете о приеме масонов. Член Коммуны масон Тирифок утверждал, что «масонство принимает Коммуну как базу всех социальных реформ». Член Коммуны и член масонской ложи 133 Ле-Франсе заявил, что он «давно увидел, что цели Коммуны те же, что и цели масонства». Член Коммуны Аликс сказал: *«Парижская Коммуна на практике и в новой форме проводит то, что масонство издавна провозглашало».* Торжество закончилось заявлением одного из масонов, что «Коммуна есть новый храм Соломона» и что цели Коммуны и масонства одинаковы.

В газете, издававшейся Коммуной, 24 мая было помещено следующее воззвание:

«К масонам всех ритуалов и всех степеней.

Коммуна — защитник наших священных принципов, призывает всех к себе. Вы ее услышали, и наши почтенные знамена были разорваны пулями и сломаны снарядами наших врагов. Вы геройски ответили на наш призыв, так продолжайте же при поддержке всех лож.

Воспитание, которое мы получили в наших почтенных ложах, продиктует всем и каждому тот священный долг, который мы обязаны выполнить. Счастливы те, которые восторжествуют, слава тем, кто погибнет в этой священной борьбе. К оружию! Все для республики! Все для Коммуны!»¹

---

¹ *Иванов В.В.* Цели и задачи преступных сообществ масонов // Былое и грядущее. № 10. Б.г. С. 33–48.

Начиная с 40-х годов западные социалистические идеи становятся вожделенным объектом подражания для многих российских интеллигентов. Соответственным образом реформируются и идеи цареубийства. Для новоявленных российских социалистов Царь — главное препятствие на пути к социализму и поэтому должен быть уничтожен во имя социального прогресса. Впервые в России эти мысли высказываются в 1844—1849 годах на заседании кружка, а впоследствии тайного общества, руководимого М.В. Петрашевским. Политическим идеалом петрашевцев была социалистическая республика или как минимум конституционная монархия с фиктивной властью Царя. Свержение Самодержавия должно было произойти путем восстания. Царю следовало либо подчиниться, либо погибнуть. Заговор петрашевцев был раскрыт. Все его участники во главе с самим Петрашевским арестованы 23 апреля 1849 года. По делу было привлечено 123 человека; 21 — приговорены к расстрелу, который Николай I милостиво заменил другими наказаниями.

Тайные социалистические общества, возникшие в России в 1840—1860-х годах, во многих своих проявлениях были идейно или даже организационно связаны с движением карбонариев.

Члены общества карбонариев набирались преимущественно из масонов и объединялись в «местные венты», подчинявшиеся нескольким «центральным вентам», которые, в свою очередь, выполняли указания «высшей венты», представляющей собой тайное правительство из сорока членов разных национальностей, преимущественно итальянцев и евреев. Во главе высшей венты в 20—40-е годы стоял человек, скрывавшийся под псевдонимом Нубиус,

финансовыми делами организации ведал еврей Пиколо Тигре¹.

Карбонарское движение в чистом виде просуществовало до конца 40-х годов, впоследствии преобразовавшись в революционную террористическую организацию, действуя в составе нескольких масонских орденов. Самыми крупными представителями их были Мадзини и Гарибальди, ставшие кумирами для многих поколений российских социалистов. Методы действия и цели карбонариев доводили до крайней степени жестокость и бесчеловечность масонской идеологии. В борьбе против Христианства и монархической государственности допускалось использование любых средств, и прежде всего убийств монархов. В 1840-е годы карбонарии приняли решение убить Императора Николая I, для чего под видом врачей в Россию были отправлены 18 членов этого общества². Подробности о подготовке этого покушения не сохранились.

История тайных контактов российских социалистов с карбонариями слабо изучена. Конспирация здесь соблюдалась очень строго. Единство масонов и социалистов воплощалось в появлении таких фигур, как М.А. Бакунин, находившийся в переписке с вождями карбонариев Мадзини и Гарибальди. Опираясь на идеи карбонариев, Бакунин в 1864–1865 годах создает за границей тайное общество «Интернациональное братство», оказавшее сильное влияние на развитие революционных идей в России в самых крайних, изуверских формах.

На карбонарских идеях осенью 1863 года в Москве создается тайная социалистическая организация под руководством Н.А. Ишутина, объединявшая

---

¹ *Фара*. Масонство и его деятельность. Харбин, 1937. С. 48–50.

² *Revue International des Societes Secretes*. 1926. № 28.

в своих рядах около 200 человек. Одной из главных задач организации было царевубийство. Внутри этой тайной организации создавалось еще более тайное общество заговорщиков, обладавших особыми революционными правами. Общество это именовалось «Ад». Член этой группы Д.А. Юрасов в своих показаниях сообщал: *«Общество это должно стоять не только отдельно от “Организации” и не быть ей известно, но его члены обязаны сделаться пьяницами, развратниками, чтобы отвлечь всякое подозрение, что они держатся каких-либо политических убеждений. Члены его должны находиться во всех губерниях и должны знать о настроении крестьян и лиц, которыми крестьяне недовольны, убивать или отравлять таких лиц, а потом печатать прокламации с объяснением, за что было убито лицо.*

...Кроме того, другие члены “Ада” должны были следить за действиями организации и в случае ее отклонения от пути, который “Ад” считает лучшим, издаются прокламации или [“Ад”] тайным образом предостерегает организацию и предлагает исправиться; если же члены организации не изменят образа действия, то “Ад” наказывает смертью. Если член, следивший за организацией, будет узан и арестован, то его место должен занять новый, а арестованный должен отравиться, чтобы не выдать тайны... Кроме всего этого “Ад” посылает члена для покушения на жизнь государя... В кармане его должны находиться прокламации, объясняющие причины преступления и требования, желания “Ада”»¹.

4 апреля 1866 года член тайной организации Ишутина, его двоюродный брат Д.В. Каракозов, осуществляет покушение на Александра II. При

---

¹ Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 397–398.

выходе Царя из Летнего сада заговорщик пытался его застрелить. Находившийся в толпе крестьянин Комиссаров толкнул руку стрелявшего. Покушение сорвалось. Все члены тайной организации во главе с Ишутиным были арестованы. Каракозова повесили, а все остальные преступники получили разные сроки каторги и ссылки.

Д.В. Каракозов

В честь спасения Александра II у выхода из Летнего сада была сооружена часовня из серого паросского мрамора с надписью «Не прикасайся к Помазаннику Моему»¹.

Карбонарские корни имела и другая тайная социалистическая организация — «Народная расправа». Она была создана С.Г. Нечаевым преимущественно из студентов московской Петровской сельхозакадемии. Нечаев тесно сотрудничал с М.А. Бакуниним, совместно с ним издал от имени «Всемирного революционного союза» ряд манифестов («Постановка революционного вопроса», «Начало революции», а также № 1 журнала «Народной расправы»). Скорее всего, при участии Бакунина Нечаев составил «Катехизис революционера», в котором с исчерпывающей полнотой формулировалось мировоззрение ца-

² Снесена еврейскими большевиками в 1930 г.

реубийц. Многие положения «Катехизиса» основывались на документах карбонариев.

В разделе первом об отношении революционера к самому себе «Катехизис» требовал полного отречения от всех форм личной и общественной жизни, презрения к общественному мнению, ненависти к общественной нравственности. *«Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему»*¹.

Раздел об отношении к товарищам по революции гласил: «Мера Дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к... товарищу определяется единственной степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции». Товарищи не все равны. У каждого посвященного «должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов», то есть «не совсем посвященных», на которых он должен смотреть как на часть «революционного капитала», отданного в его распоряжение.

Третий раздел был посвящен отношению революционера к обществу. Здесь объяснялось, что революционер живет в обществе, имея целью лишь его беспощадное разрушение. Имея в виду эту конечную цель, он должен притворяться для того, чтобы проникать всюду во все слои «высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в Третье отделение и даже в Зимний дворец». Все общество должно быть разделено на несколько категорий.

Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной

---

¹ «Катехизис революционера» излагается по: Пирумова Н.М. Бакунин или С. Нечаев // Прометей. Т. 5. М., 1968. С. 169–170.

зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие нумера убрались прежде последующих...

Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта...

К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов, или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергией, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силой. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями, опутать их, сбить их с толку и, овладев по возможности их грязными тайнами, сделать их своими рабами¹...

Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибирать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так чтобы возврат был для них невозможен, и их руками мутить государство.

Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздноглаголющих кружках и

---

¹ Это положение «Катехизиса» полностью корреспондируется с письмом (1822) известного итальянского масона еврея Пиколо Тигре, основателя тайной ложи карбонариев в Турине. «Верховной Венте (Ложе) угодно, чтобы вы под тем или иным предлогом вводили в масонские ложи возможно больше принцев и богатых людей. Всякий принц, не имеющий законной надежды получить престол с помощью Божией, стремится получить его с помощью революции. Некоторые из них даже лишены престола или сосланы. Лыстите этим искателям популярности, готовьте их для масонства. Верховная Вента впоследствии увидит, что можно будет сделать с ними во имя прогресса. Всякий принц без царства — хорошая для нас находка. Ложа поведет его к карбонаризму. Пускай они служат приманкой для глупцов, интриганов, пошлых обывателей и всякого рода дельцов. Они будут совершать наше дело, думая, что совершают свое».

на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих...

Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одни — пустые, бессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категорией мужчин. Другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфазного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно».

Вслед за этим шел последний раздел — об отношении к народу. Провозглашая конечную цель — «полнейшее освобождение и счастье народа», — «Катехизис» призывал соединяться «с теми элементами народной жизни», которые всегда прямо или косвенно выражали свой протест против государства и общества. «Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России».

В 60—70-е годы происходит окончательное становление идеологии социализма. В трудах ее крупнейших представителей Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Г.В. Плеханова, П.Н. Ткачева и др. так или иначе, подразумевается идея необходимости царубийства как определенного этапа на пути к социализму. Идея царубийства ста-

новится неотъемлемым элементом социалистической пропаганды, именно по ней оценивается степень «настоящей революционности» того или иного общественного деятеля. Под влиянием этой пропаганды в российском обществе постепенно складывается

Александр II

слоем людей, полностью лишенных Христианского монархического мировоззрения, воспринимающих Царя как врага, как препятствие на пути к светлому будущему.

Подготовка убийства Александра II началась еще в 60-е годы. Но задолго до его осуществления мученическая кончина Императора была предсказана монахом Авелем, юродивым Федором и старцем Илиодором.

«Не простят жиды Александру II великих деяний, — предсказывал Авель еще в конце XVIII века, — охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками»¹.

Когда Александр II родился в Москве в 1818 году, Императрица Александра Федоровна приказала спросить славившегося в Москве юродивого Федора о том, что ожидает новорожденного? Федор от-

---

¹ Предсказания Авеля пересказаны П.Н. Шабельским-Борком в его книге «Павловский гобелен».

вечал: *«Будет могуч, славен и силен, будет одним из величайших государей мира, но все-таки (произнес он с ужасом) умрет в красных сапогах».*

Трудно было предвидеть, что это относится к окровавленным и раздробленным ногам Царя-мученика. За 14 лет до мученической кончины Александра II в Сергиевской пустыни один послушник сошел с ума и был отправлен в дом умалишенных. Он скоро оправился и воротился в пустынь, но ненадолго: через несколько времени он снова обнаружил признаки ненормального состояния ума и был отвезен в тот же дом для излечения. Но и на этот раз он скоро оправился и, по ходатайству смотрителя дома умалишенных, снова был принят в пустынь. Архимандрит Игнатий (Брянчанинов) принял его очень неохотно и уступил только просьбам смотрителя, который дал о нем хороший отзыв. Действительно, послушник стал вести себя хорошо, усердно исполнял свои обязанности и только заметно избегал монастырского общества. Но вот однажды утром, во время заутрени, этот послушник пришел в хлебопечкарню, схватил кочергу, раскалил ее докрасна в печи и с какою-то необыкновенною решимостью прибежал в покои архимандрита к портрету Императора. Он бросился к этому портрету и раскаленною кочергою выжег ноги Императора до коленей. Потом он выбежал на монастырский двор, кричал и неистовствовал, повторяя одни и те же слова, что теперь с ним могут делать все что угодно. С этой минуты послушник этот окончательно сошел с ума и более уже не приходил в нормальное состояние. Замечательно, что этот сумасшедший выжег на портрете ноги Императора почти так же, как, спустя 14 лет, они были оторваны и разбиты взрывом динамитной бомбы в роковое 1 марта¹.

---

¹ Дьяченко Г. (сост.). Из области таинственного. М., 1990. С. 19.

Старец Глинской пустыни Илиодор во второй половине 70-х годов предсказал судьбу Александра II. *«Насилием сокращены будут дни его: убит будет Царь рукой освобожденного им раба среди бела дня, на стогнах верноподданной ему столицы».*

В начале 70-х годов в Петербурге возникло Большое общество социалистической пропаганды под руководством Н.В. Чайковского (впоследствии крупного масона). В общество «чайковцев» входило около 60 человек, среди них М.А. Натансон, С.Л. Перовский, П.А. Кропоткин, С.М. Кравчинский, А.И. Желябов, П.Б. Аксельрод, А.И. Зунделевич, многие из них были связаны с зарубежными революционными и масонскими организациями. Целью общества была подготовка революции для свержения Самодержавия. Большая часть членов общества открыто выступала за цареубийство. «Чайковцы» начали так называемое «хождение в народ» — попытку социалистической пропаганды в деревне, с призывами к революции и убийству Царя.

«Хождение в народ» позорно провалилось. Крестьяне сразу же увидели в «чайковцах» чужаков и государственных преступников, отказывались с ними говорить, а наиболее рьяных и наглых связывали и сдавали в полицию.

Новым этапом развития социалистических организаций стало создание в 1876 году «Земли и воли». В ее рядах вызрел целый ряд террористов, впоследствии совершавших покушения на убийство Царя.

На одной из сходов членов «Земли и воли» за право убить Царя стали бороться Г. Гольденберг (9 февраля 1879 года он убил харьковского губернатора князя Кропоткина) и А.К. Соловьев. Решили, что Гольденбергу как еврею стрелять нельзя. А Соловьева решили негласно поддержать, но от «Земли и

воли» официально не помогать; хотя «частным порядком» члены организации Михайлов, Квятковский и Зунделевич вызвались помочь Соловьеву. 2 апреля 1879 террорист подкараулил Александра II на Дворцовой площади. Преступник выхватил пистолет и начал стрелять. Однако Царь не растерялся, вспомнив старую армейскую тренировку, он бросился бежать, делая петли из стороны в сторону, чтобы помешать террористу прицелиться. Ни один из пяти выстрелов, сделанных Соловьевым, не попал в цель. Подоспевший стражник охраны Кох оглушил террориста саблей, хорошенько отделал его и передал в руки подоспевшей полиции. По приговору суда террорист был повешен.

ГЛАВА 8

«Народная воля». — Жажда цареубийства. — Пятьсот террористов. — Связь с международными иудейскими, масонскими и социалистическими организациями. — Подготовка покушения в Москве, Петербурге, Александровске и Одессе. — Взрыв в Зимнем дворце. — Убийство Александра II. — Еврейская доминанта социалистов-цареубийц

В 1879 «Земля и воля» распадается на две организации, одна из которых — «Народная воля» — становится центром российского терроризма. Главной целью народовольцев было убийство Царя. В этом они получали поддержку от международных иудейских, масонских и социалистических организаций, которые в значительной степени финансировали их преступную деятельность. С зарубежными подрывными организациями были связаны большинство руководителей и духовных вождей «Народной воли», и прежде всего В.Н. Фигнер, С.Л. Перовская, А.К. Пресняков, С.М. Кравчинский, Л.Н. Гартман. Последний считался официальным связным «Народной воли» с зарубежными тайными обществами. По-видимому, именно через него народовольцы получали иностранное золото для организации террористических актов против Царя и русской власти. Большая часть средств поступала народовольцам от иудейских банкиров, и прежде всего Ротшильдов.

Главным связующим звеном между мировыми антихристианскими антирусскими центрами и российскими цареубийцами служили социалисты-евреи. Уже в 60—70-е годы, еще немногочисленные, они составляли доминанту социалистического движения. В кружке будущего знаменитого масона и террори-

ста Н.В. Чайковского (1869), пожалуй, наиболее заметны были Марк Натансон и Анна Эпштейн. Последняя способствовала возникновению в 1874 году в Вильно (духовном центре иудаизма, местопребывании Синедриона и виленского гаона) революционного кружка, во главе которого стояли Арон Либерман и Арон Зунделевич. От этого

Г.М. Гельфман

виленского кружка и от первого «Еврейского социалистического ферейна», основанного в 1876 году тем же Либерманом в Лондоне, и ведет свою родословную всемирное еврейское социалистическое рабочее движение¹.

В организациях, примыкавших к обществу «Земля и воля» (1876), участвовало несколько десятков евреев, игравших значительную роль, особенно в южнорусских кружках.

По делу народовольцев на «процессе пятидесяти» (1876) проходили две еврейки — Геся Гельфман и Бетя Каминская. На «процессе 193-х» (1877—1879) на скамье подсудимых оказались уже восемь евреев: Соломон Аронзон, М. Кац, И. Павловский, Моисей Рабинович, Лейзер Тетельман, Соломон Чудновский, М. Эдельштейн и Э. Пумпянская.

¹ Шуб Д. Евреи в русской революции // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. II. С. 126—127.

К числу наиболее выдающихся еврейских деятелей «Земли и воли» и «Народной воли» относились Айзик Арончик, О. Аптекман, П.Б. Аксельрод, Григорий Гольденберг, Г. Гельфман, Л.Г. Дейч, А. Зунделевич, Савелий и Григорий Златопольские, Вл. Иохельсон, Николай Утин, Фаня Морейнис, Г. Фриденсон, Лазарь Цукерман. Среди

И.И. Гриневицкий

террористов-народовольцев, казненных русским правительством уже в 1870-х годах, известны два еврея — Арон Гобет и Соломон Витенберг¹.

Опираясь на финансовую поддержку из-за рубежа, вожакам «Народной воли» удалось сколотить достаточно мощную подрывную организацию, боевое ядро которой, непосредственно участвовавшее в подготовке террористических актов, составляло около 500 человек. Кроме того, до полутора тысяч человек входило в категорию сочувствовавших, то есть лиц, разделявших идеи цареубийства, но активно не участвовавших в его осуществлении.

Устав Исполнительного комитета организации цареубийц был составлен по образцу аналогичных документов масонских и карбонарских тайных обществ. Каждый член Исполнительного комитета

---

¹Шуб Д. Указ. соч. С. 126-127.

«Народной воли» мог состоять и в других тайных обществах, чтобы в духе ордена иллюминатов подталкивать их в направлении, выбранном «Народной волей». Каждый был обязан хранить тайну «Народной воли», а в случае нарушения объявлялся предателем и изменником и, следовательно, должен был умереть. Все

А.И. Желябов

причастные к подрывной деятельности Исполнительного комитета, в том числе и его члены, считались агентами Исполнительного комитета и разделялись, как в масонских ложах, на три степени.

Ниже приведен устав Исполнительного комитета «Народной воли»:

«§ 1. В Исполнительный комитет может поступать только тот, кто согласится отдать в его распоряжение всю свою жизнь и все свое имущество безвозвратно, а потому и об условиях выхода из него не может быть и речи.

§ 2. Всякий новый член Исполнительного комитета предлагается под ручательством трех его членов. В случае возражений на каждый отрицательный голос должно быть не менее трех положительных.

§ 3. Каждому вступающему читается этот устав по параграфам. Если он не согласится на какой-нибудь параграф, дальнейшее чтение должно быть

тотчас же прекращено, и баллотирующийся может быть отпущен только после того, как даст слово хранить в тайне все, что ему сделалось известно во время чтения, до конца своей жизни. При этом ему объявляется, что с нарушившим слово должно быть поступлено, как с предателем.

§ 4. Члену Исполнительного комитета может быть дан отпуск, срочный или на неопределенное время, по решению большинства, но с обязательством хранить в тайне все, что ему известно. В противном случае он должен считаться за изменника.

§ 5. Всякий член Исполнительного комитета, против которого существуют у правительства неопровержимые улики, обязан отказаться в случае ареста от всяких показаний, и ни в каком случае не может назвать себя членом комитета. Комитет должен быть невидим и недосягаем. Если же неопровержимых улик не существует, то арестованный член может и даже должен отрицать всякую связь свою с комитетом и постараться выпутаться из дела, чтоб и далее служить целям общества.

§ 6. Член комитета имеет право с ведома организации поступать в члены посторонних тайных обществ, чтобы по возможности направлять их деятельность в духе комитета или привлекать их к нему в вассальные отношения. При этом он имеет право хранить в тайне их дела, пока они не вредят целям комитета, а в противном случае немедленно должен выйти из такого общества.

§ 7. Никто не имеет права назвать себя членом Исполнительного комитета вне его самого. В присутствии посторонних он должен называть себя лишь его агентом.

§ 8. Для заведования органом Исполнительного комитета выбирается на общем съезде редакция,

Покушение на императорский поезд. Декабрь 1879 г.

число членов которой определяется каждый раз особо.

§ 9. Для заведования текущими практическими делами выбирается распорядительная комиссия из трех человек и двух кандидатов в нее на случай ареста какого-либо из трех до нового общего съезда. Комиссия должна лишь строго исполнять постановление съездов, не отступая от программы и устава.

§ 10. Для хранения документов, денежных сумм и т.д. назначается секретарь, который должен держать в тайне место, где они хранятся.

§ 11. Член Исполнительного комитета может привлекать посторонних сочувствующих лиц к себе в агенты с согласия распорядительной комиссии. Агенты эти могут быть первой степени — с меньшим доверием, и второй — с большим, а сам член Исполнительного комитета называет себя перед ними агентом третьей степени»¹.

Первую попытку убить Царя террористы предпринимают осенью 1879 года в г. Александровске Екатеринославской губернии. Заговорщики под

¹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932.

руководством А.И. Желябова и А.В. Якимовой решили взорвать царский поезд, следовавший из Севастополя. Под видом купца Черемисова Желябов приобретает участок земли рядом с железной дорогой якобы с намерением построить здесь кожевенный завод. Вместе со строительными материалами заговорщики привезли динамит и подложили под путями мину. В момент прохождения царского поезда 18 ноября 1879 года Желябов лично соединил провода батареи, ведущие к взрывному устройству. Однако мина не сработала, поезд с Императором благополучно проследовал в сторону Москвы.

Почти одновременно террористы организуют и другое покушение на Царя. В трех верстах от Москвы, также рядом с железной дорогой южного направления, С.Л. Перовская и Л.Н. Гартман под фамилией супругов Сухоруковых открывают лавку сыров. Из подвала дома террористы делают подкоп под железную дорогу и устанавливают под полотном мощную мину. На этот раз 19 ноября 1879 года мина сработала. Но преступники просчитались. Оказывается, состав, на котором ехал Император, проследовал раньше, а жертвой террористов стал поезд с царской свитой. К счастью, и здесь обошлось без жертв¹.

Сорвалось у террористов и еще одно покушение, которое готовилось в ноябре 1879 в Одессе. Как и в предыдущих случаях, преступники совершили подкоп под железную дорогу.

---

¹ После этого покушения Гартман был опознан полицией, объявлен в розыск и в декабре 1879 года бежал за границу. По настоянию русского правительства французская полиция 23 января 1880 года арестовала Гартмана в Париже. Иудейская, масонская и социалистическая печать развернула активную кампанию в поддержку преступника, покушавшегося на Царя. С требованием освободить Гартмана выступили самые крупные европейские масоны Д. Гарibaldi, В. Гюго и др. Преступник был отпущен на свободу и продолжил свою подрывную деятельность против России.

Взрыв в Зимнем дворце 6 марта 1880 г.

Следующее покушение на Александра II террористы организовали в Зимнем дворце в Петербурге. По заданию «Народной воли» столяром во дворец под фамилией С. Батышков устроился С.Н. Халтурин¹. С сентября 1879 года он сумел пронести в царскую резиденцию динамит и собрать там взрывное устройство. Взрыв был произведен 5 февраля 1880 года. Заговорщики планировали убить не только Царя, но и других членов Царствующего Дома, которые в это время собрались на торжественный обед по случаю прибытия герцога Александра Гессенского. По расчетам заговорщиков, мина должна была взорваться под царскими покоями. Но и здесь расчет цареубийц оказался неверен. Страшный взрыв вздыбил все пространство, но его основная сила обошла царские покои и пришлась на караульное помещение. Было убито и ранено несколько десятков солдат финляндского полка.

---

¹ Связь между руководством «Народной воли» и Халтуриным осуществлял другой видный террорист, А.А. Квятковский.

Весной 1880 года террористы готовят покушение на Александра II в Одессе. Сюда направляют С.Л. Перовскую, А.В. Якимову с двумя мужчинами-террористами. Мужчины готовят динамит и все что нужно для снаряжения мины. Во время одного из таких сеансов по неосторожности раздается взрыв и один из террористов остается без пальцев. Покушения в Одессе не произошло, потому что Царь через город не поехал. Удрученные заговорщики вернулись в Петербург.

В Северной столице террористы тем временем вели приготовления к покушению на Александра II под Каменным мостом по Гороховой улице. Сигнальщицей здесь предполагалась также Якимова. Завидев Царский выезд, она должна была дать знак Желябову быть готовым к взрыву. В воду под мост террористы опустили семь пудов динамита, уложенного в четыре гуттаперчевые подушки. Они соединялись проволокой и были подключены к батарее. План террористов был таков: когда Александр II из Царского Села поедет через Петербург в Ливадию, взорвать поезд. Покушение провалилось, потому что один из его главных участников проспал.

В конце 1880 года заговорщики устраивают динамитную мастерскую на Обводном канале. Отвечали за нее Кибальчич и Якимова. В декабре террористы поселились на Малой Садовой улице, где из сырной лавки был устроен подкоп и заложена мина под улицу.

1 марта 1881 года, в 9 часов утра, на одной из конспиративных квартир, где хозяйничала Гесья Гельфман, собрались все террористы, которые должны были принять участие в убийстве Александра II. Было принято окончательное решение совершить убийство именно сегодня. Террорист М. Фроленко

Убийство Александра II

отправился на Малую Садовую, чтобы привести в действие взрывное устройство. С. Перовская взяла на себя руководство метальщиками бомб. Террористы знали, что Царь в этот день едет на развод к Михайловскому замку. Если бы он направлялся по Малой Садовой, то его карету должны были подорвать из сырной лавки. Если царская карета миновала Малую Садовую, то террористы собирались напасть на Царя на обратном пути из Михайловского замка и забросать его карету бомбами.

Царская карета выехала из замка в начале третьего. Сигнал к убийству подала С. Перовская. Первым бомбу бросил Н. Рысаков. Взрыв разбил царскую карету и ранил нескольких случайных людей. Сам Царь остался невредим. Стараясь держаться спокойно, он подошел к схваченному охраной террористу и стал задавать ему вопросы. Потом вернулся к разбитой карете. Здесь его окружила толпа. Именно в нее бросил свою бомбу другой заговорщик, польский

Казнь царевичей

террорист И.И. Гриневицкий. Бомба поразила Царя и убила многих стоявших в толпе. Когда рассеялось облако взрыва, Александр лежал на панели, шинель и фуражка были сорваны взрывной волной, ноги обнажены и ручьем лилась кровь. Как констатировало медицинское заключение: *«Конечностей левой стопы совсем не было, обе берцовые кости до колен раздроблены, мягкие части, мускулы и связки изорваны и представляли бесформенную массу, выше колен до половины бедра несколько ран...»* Последними словами государя были: *«Во дворец... Там – умереть»*. Через час с небольшим Царь скончался.

Но и террористы пережили Царя только на месяц. По приговору суда все главные преступники – Желябов, Перовская, Кибальчич, Михайлов, Гельфман, Рысаков – были повешены на Семеновском плацу в Петербурге. Гриневицкий же умер в один день с Царем, смертельно раненный своей же бомбой.

ГЛАВА 9

Эксгумация «Народной воли» еврейскими революционерами. — Продолжение покушений на русского Царя. — Заговор террористической группы Ульянова (Бланка). — Смерть Александра III. — Версия отравления по приговору тайной иудейской власти

После казни цареубийц в России на несколько лет установилось относительное спокойствие. Остатки заговорщиков затаились в глубоком подполье. Множество ранее обманутых социалистической пропагандой русских людей отшатнулись от заговорщиков. Тем не менее, зарубежные покровители цареубийц не теряют надежды на эксгумацию «Народной воли» и продолжение ее антирусской деятельности.

Через Л. Гартмана в Россию текут деньги на восстановление (а фактически создание новой) организации цареубийц. Кадровый костяк новой «Народной воли» составили преимущественно евреи: Абрам Бах, Раиса Кранцфельд, Борис Оржих, Л.М. Залкинд, Софья Гинзбург, Михаил Гоц, М. Фундаминский, Осип Минор, Генриета Добрускина, Исаак Дембо, Моисей Кроль, Л. Штернберг, В. Богораз-Тан, П. Богораз.

В 1885 году в Екатеринославле собирается съезд южных народовольцев (состоявший почти из одних евреев), постановивший продолжать войну против русской монархии и охоту на русского Царя. В конце декабря 1886 А.И. Ульянов (по матери Бланк) и П.Я. Шевырев создают террористическую группу, поставившую своей целью убийство Царя.

1 марта 1887 года террористы решили повторить сценарий убийства Александра II. Была подготов-

лена группа бомбометателей, которую возглавил В.С. Осипанов. Террорист В.Д. Генералов готовился бросить бомбу в Царя на Невском проспекте. Террористы были схвачены с поличным незадолго до начала покушения. На суде преступники пытались выступить с политическими заявлениями, но выглядели очень жалко. По приговору суда все члены преступной группировки, включая организаторов (А.И. Ульянов и П.Я. Шевырев) и исполнителей (П.И. Андреюшкин, В.Д. Генералов, В.С. Осипанов), были повешены в Шлиссельбургской крепости.

В 1888 году С.М. Гинзбург, выполняя решение созданного за рубежом «Союзно-террористического кружка (центра)», приехала в Россию с целью собрать рассеянные остатки «Народной воли» и подготовить покушение на Александра III. К счастью, террористка была вовремя арестована¹.

Террористам не удалось убить Александра III. Однако сразу же после смерти Императора в Крыму от болезни стали распространяться слухи, что его отравили. Официально слухи эти подтверждены не были, и смерть Александра III считалась окутанной тайной. В 1921 году русская эмигрантская организация Союз «Единство Руси», располагавшаяся в Нью-Йорке, опубликовала брошюру «Кто убивал русских царей?», в которой давалась новая версия смерти Александра III, согласно которой Государь был отравлен еврейским врачом Г.А. Захарьиным по указанию тайной иудейской власти.

В брошюре приводилась обширная выдержка из книги Э. Салтуса «Императорская оргия»²:

---

¹ Заговорщица была приговорена к смертной казни, но Царь, на которого она покушалась, заменил эту меру бессрочной каторгой. Преступница содержалась в Шлиссельбургской крепости, где покончила с собой.

² Издана в 1921 году в Нью-Йорке. С. 212–215.

«Тем временем Израиль переживал агонию. В тех местностях, где другая охота была запрещена, русские князья травили евреев. Оставался один путь к спасению, это был Бог.

В тайных синагогах возжигались свечи и произносилось великое заклинание Шамата во имя того, что имеет сорок две буквы, во имя Тетраграмматона, во имя “Глобуса и Колеса”, во имя того, кто

сказал: “Я есмь тот, который есть и который будет”. Раввинов умоляли повторять проклятия. Моления воссылались к Иегове, чтобы Он послал все несчастья судьбы на Царя. Моления обращались к Всемогущему, чтобы он уничтожил Царя. На Востоке извека жила вера в действительность заклинаний. Россия же всегда была Азией. Заклинания, произносившиеся в тайных синагогах, вознеслись к престолу Всевышнего, и, должно быть, были им услышаны.

В Ливадии Император заболел. Заболевание было легкое, простая простуда, которая обыкновенно проходит в неделю, разве что больному не была оказана медицинская помощь, в каковом случае болезнь может принять затяжной характер.

Простуда у Царя осложнилась и перешла в плеврит.

В то время в Москве жил доктор-специалист, который лечил очень успешно. Это был Захарьин. Он был вызван в Крым, и, прибыв туда, поставил свой диа-

Исаак Герш (Григорий Гершуни), создатель и глава Боевой организации партии эсеров

Евно Азеф, глава Боевой организации с 1903 г.

Абрам Гоц, член Боевой организации

гноз. Было бы любопытно видеть его за тем, как он ставил диагноз.

Если бы он был террористом, он мог бы убить Царя, но тогда бы он немедленно был бы разорван на клочки. Захарьин не был террористом. Он был врачом. В качестве такового он прописал лекарство, которое он предусмотрительно привез с собою.

Без колебания августейший пациент принял это лекарство. Захарьин следил за Царем.

Еще интереснее было бы поглядеть, как Захарьин следил за Царем. Взгляд его, вероятно, выражал шекспировскую мысль: “наконец-то!”.

У постели больного стоял Захарьин. За ним стояла Дагмара. Позади нее находился Обер-Прокурор Святейшего Синода и офицеры Конвоя. В соседней зале были слуги. Далее стояли часовые. Снаружи дворца была расположена сотня казаков. Но несмотря на все

преграды, беззвучно, без доклада, никем не замеченная, без царских почестей, в комнату больного проникла царственная Тень.

Император, еще не зная об этом, но как будто что-то предчувствуя, кивнул Захарьину головой.

— Кто вы такой?

Захарьин, наклонившись вперед, прошептал:

— Я еврей.

— Еврей?..

Тогда Захарьин обернулся к присутствующим и сказал:

— Его Величество бредит.

А затем, опять повернувшись к Царю, он прошептал:

— Вы приговорены к гибели.

Чтобы подавить страх, Император Александр приподнялся на постели. Хотя голос его все еще был мощный, но яд был сильнее... Он опять откинулся назад. Заклинание подействовало.

Израиль победил там, где террор не увенчался успехом.

“Плачь, Россия!” — таков был заголовок в очередном номере официального органа “Новое Время” — “Император скончался”. Захарьин же был пожалован орденом Александра Невского с традиционными бриллиантами.

Насмешки ради он принял орден».

Гезя Гельфман, боевик

ГЛАВА 10

*Подготовка царевубийства «Боевой организацией» эсеров. —
Финансирование акций из-за рубежа. — Уличный вариант. —
Дворцовый вариант. — Ревельский вариант. —
План «Рюрик». — Участие в покушении высокопоставленных
лиц из окружения Царя*

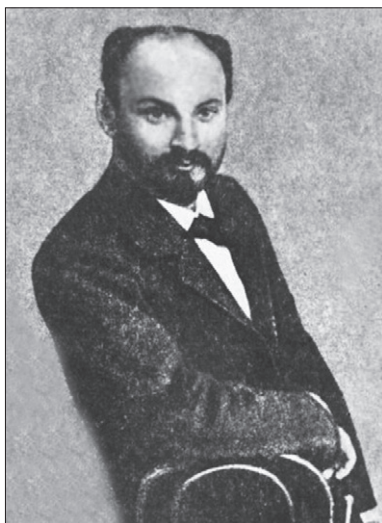
Новая волна заговоров против Царя связана с возникновением партии социалистов-революционеров (эсеров). Эта подрывная организация в числе своих первых задач ставила царевубийство. Основателями партии были в основном иудеи, большинство из которых впоследствии вошли в масонские ложи: М.Р. и А.Р. Гоцы, И.И. Фундаминский, Н.Д. Авксентьев, Г.А. Гершуни, В.М. Чернов, Б.В. Савинков, В.М. Зензинов. По вопросу о царевубийстве эсеры были солидарны с масонами, а некоторые акции против Николая II совершали вместе.

Патологические ненавистники Православной России, они организовали подпольную «Боевую организацию» (во главе — Гершуни, с 1903 — Е.Ф. Азеф, с 1908 — Савинков), подготовлявшую убийство Царя, осуществив ряд бандитских нападений на представителей русской государственной власти. В 1901 году террористы совершили убийство министра просвещения Н.П. Боголепова, в 1902-м — министра внутренних дел Д.С. Сипягина, в 1903-м — уфимского губернатора Н.М. Богдановича, в 1904-м — министра внутренних дел В.К. Плеве, в 1905-м — великого князя Сергея Александровича.

Деятельность политических бандитов финансировалась из-за рубежа такими известными иудейскими банкирами, как Я. Шифф, Ротшильды и Вар-

бурги. Какую-то часть денег террористы получали во время бандитских нападений на государственные финансовые учреждения.

С первых дней своего существования подпольщики готовят убийство Царя. Они устанавливают наблюдение за маршрутами Государя во время его поездок по Петербургу. Один из сценариев

Г.А. Гершуни

убийства должен был повторить открытое нападение на улице, как это было в случае с Александром II. Однако вскоре террористы поняли, что осуществить это нападение им не удастся, так как царская охрана во время поездок Царя предпринимала все возможные предосторожности.

Тогда эсеры разрабатывают и другие варианты. Их было множество. Подготавливались они в полной тайне и были известны очень ограниченному кругу лиц. Сведения о них скудны.

Интересные подробности некоторых вариантов готовившегося эсерами цареубийства приводит Б.И. Николаевский в своей книге «История одного предателя» (Берлин, 1931). Николаевский, социалист по духу и сам разделявший идею цареубийства, был лично знаком со многими террористами. В архиве Николаевского, хранящемся в Гуверовском институте (США), сохранились ценные материалы по истории революционного движения и Сионских

протоколов, а также по масонству. Большой пласт в его архиве занимает переписка с видными масонами и деятелями социалистической ориентации¹.

Как «свой своему» социалисты-цареубийцы предоставили Николаевскому ценную информацию, которая в известном смысле имеет характер документа. Ниже приводятся наиболее важные свидетельства из этой книги-документа²:

«У эсеров были планы проникнуть на прием во дворец в составе одной из многочисленных депутатий. <...> С большой горячностью ухватился Азеф за предложение одного молодого социалиста-революционера, который только что окончил курс в духовной семинарии; этот юноша — убежденный террорист — имел возможность, приняв сан, при помощи своих влиятельных родственников получить место священника где-либо недалеко от Царского Села. Он надеялся, что в рясе священника ему удастся как-нибудь найти возможность приблизиться к Царю и выступить в роли исполнителя приговора партии. Священник, убивающий Царя, — эта комбинация явно нравилась Азефу, и он настойчиво уговаривал юношу немедленно отстраниться от других революционных дел и целиком отдаться выполнению данного плана. Был целый ряд и иных планов и проектов.

Наиболее серьезными планами, для подготовки которых Азефом делались конкретные шаги орга-

---

¹ В 1996—1997 годах я работал с материалами Б.И. Николаевского в Гурьевском архиве. Знакомство с ними не оставляет никаких сомнений в тесной близости Николаевского к идеологам цареубийства. См., в частности, мою книгу «Тайная история масонства. Документы и материалы» (М., 2000. Т. 2. С. 239—399).

² В период, к которому относятся сведения, полученные Николаевским, террористическую организацию эсеров возглавлял Евно Фишелевич Азеф, который, как и целый ряд других революционеров, служил в полиции, в своих личных интересах стараясь одурачить ее, ловко лавируя между революционерами и полицией.

Яков Шифф, американский еврейский банкир русской революции

низационного характера, были два: покушение во время царской охоты и покушение во время поездки в Ревель. Для выполнения первого велась работа по устройству чайной в одной из деревень вблизи Царского Села, в районе царских охот. Владельцем чайной выступал Чернавский, который должен был играть роль старика-монархиста, члена “Союза русского народа”. Второй из указанных планов предусматривал взрыв царского поезда или нападение с бомбами на улицах Ревеля <...>

У членов Боевой организации имелось несколько проектов нападения на Царя: они должны были быть использованы в зависимости от того, каким путем поедет Царь к Ревелю — по железной дороге или морем, где он остановится в Ревеле и т.д. Задача Азефа и [начальника Охранного отделения] Герасимова сводилась к тому, чтобы передвижения

Царя не допустили применения ни одного из этих проектов и чтобы при этом у членов Боевой организации все время сохранялась твердая уверенность, что все неудачи объясняются случайными совпадениями обстоятельств, что полиция не осведомлена об их планах. Справиться с этой задачей удалось без больших затруднений: в одном случае условная телеграмма пришла с совсем небольшим запозданием; в другом — кто-то не успел попасть на нужный поезд. Кроме того, Царь отменил поездку в замок какого-то приближенного из эстляндских баронов, а именно на эту поездку Боевая организация возлагала особенные надежды. Все сошло как нельзя лучше: без сучка, без задоринки — Герасимов вспоминает, что во время проведения им с Азефом этой операции ему бросилась в глаза совершенно исключительная осведомленность Азефа относительно всех возможных передвижений Царя. Все передвижения, которые вносили в план царской поездки, в каком бы секрете ни держались, немедленно становились известны Азефу. Он даже бравировал этой своей осведомленностью и почти посмеивался над Герасимовым, который такого рода новости узнавал позднее Азефа. Однажды на этой почве между Герасимовым и Азефом вышло нечто вроде маленькой размолвки: в процессе обсуждения плана операций Азеф указал на необходимость принять во внимание какую-то деталь намеченного маршрута Царя. Герасимов возразил, что такой детали в маршруте не имеется, и ссылаясь на имеющиеся у него официальные документы. Азефа это не смутило:

— Это — новое изменение, которое до вас, очевидно, еще не дошло, — авторитетно заявил он. — Значит, вам сообщат завтра или послезавтра.

И сколько Герасимов ни старался убедить его в невероятности подобного допущения, Азеф уверенно стоял на своем:

— Наши сведения совершенно точны!

Велико было изумление Герасимова, когда на следующий день он получил “строго конфиденциальный” пакет с дополнительной надписью “лично в

руки”, в котором содержалось извещение о внесении в маршрут Царя той самой поправки, про которую ему накануне рассказывал Азеф.

Во время ближайшей встречи Герасимов, естественно, сделал попытку выяснить источник столь исключительной осведомленности Азефа, но последний решительным образом отказался удовлетворить любопытство своего полицейского патрона. <...>

Позднее Герасимов провел строго секретное расследование о том, кто именно мог быть информатором Азефа. Так как посвященных в детали разработки маршрута царской поездки было очень немного, то отрывочные указания, имевшиеся в рассказах Азефа, нить для расследования давали. Результаты этого расследования заставили Герасимова схватиться за голову: все говорило о том, что информатором Азефа был не какой-либо второстепенный

Барон Гораций Гинцбург, банкир, неофициальный представитель еврейских интересов перед Русским правительством

чиновник (именно на это надеялся Герасимов, начиная свое расследование), а лицо весьма и весьма высокопоставленное. Принимать какие бы то ни было меры против него на свою собственную ответственность Герасимов, конечно, не мог и решил сделать конфиденциальный доклад обо всем этом деле Столыпину. Последний долго отказывался верить. По его настоянию была проведена дополнительная проверка полученного результата, которая только подтвердила первоначальный вывод: означенное высокопоставленное лицо, судя по всему, действительно вполне сознательно оказывало содействие террористам в подготовке цареубийства... Казалось, правительство не имело ни права, ни возможности мириться с подобным положением. И, тем не менее, после долгих размышлений Столыпин дал указание не давать делу никакого движения:

– Выйдет слишком большой скандал, теперь мы не можем допустить себе подобную роскошь... Может быть, после... Да и роль Азефа в этом случае нам придется открыть, а он нам нужен... Лучше не будем трогать. Имейте только его в виду. <...>

В самый разгар подготовки “ревельской кампании” из-за границы пришло сообщение о том, что там намечается возможность организовать покушение на Царя совсем иным путем и с очень большими шансами на успех. Азеф немедленно отправил своего помощника, Карповича, для выяснения обстановки. Известия, которые приходили от Карповича, внушали радостные надежды, и Азеф спешил сам на место подготовки больших событий. <...>

Новый план состоял в следующем: в Глазго, на верфях Виккерса, строился крейсер “Рюрик” — один из тех, которые должны были заменить старый русский флот, нашедший столь печальный ко-

нец в волнах Желтого моря. Для надзора за ходом работ и ознакомления с самим кораблем в Глазго были присланы основные кадры будущего экипажа крейсера. С представителями этого экипажа революционерами были завязаны связи, и как социал-демократы, так и социалисты-революционеры вели среди них свою пропагандистскую работу. Работой социалистов-революционеров руководил [К.П.] Костенко, военно-морской инженер, входивший в центральную группу офицерской организации партии и имевший связи непосредственно с Центральным комитетом. Именно ему принадлежала мысль использовать для покушения на Царя тот торжественный царский смотр, который должен был быть устроен при приеме крейсера, когда он придет в русский порт.

Совершить покушение на этом смотре было возможно двумя способами: если бы за выполнение этого предприятия взялся кто-либо из членов экипажа, то он мог бы убить Царя из револьвера во время самого смотра или во время обхода Царем помещений принимаемого крейсера; если же такого добровольца из состава экипажа не нашлось бы, то предполагалось тайно провести на крейсер члена Боевой организации и дать ему возможность тайно прожить на крейсере до момента царского смотра.

Так как в начале подготовительных работ добровольцев из состава команды не имелось, то все внимание было сосредоточено на втором плане. Возможность пробраться на крейсер, пока он находится в Глазго, имелась полная. С помощью Костенко был найден и укромный уголок, в котором можно было бы прожить некоторое время, не будучи обнаруженным начальством: это были отверстия в румпельном отделении, за головой руля. Поме-

шение это было мало и неудобно. Человек, который взялся бы за выполнение этого акта, должен был бы все время полусидеть-полулежать, не имея возможности выпрямиться. Зато в других отношениях помещение представляло огромные преимущества: из него легко было попасть в центральную трубу вентилятора, по внутренней лестнице которого можно было подняться непосредственно к адмиральскому помещению и взорвать его во время царского завтрака.

Теодор Герцль — основатель сионизма

Этот план имел свои отрицательные стороны: время царского осмотра не было заранее известно и могло случиться, что террористу пришлось бы жить в своем закутке не несколько дней, а целые недели (на практике такой смотр действительно состоялся почти через два месяца после выхода крейсера из Глазго), а для такого испытания человеческих сил могло не хватить. Но считалось, что рискнуть все же имело смысл.

Азеф приехал в Глазго в середине июля [1908 года]. С помощью Костенко он получил, — конечно, под чужой фамилией — разрешение осмотреть крейсер и исследовал все помещения, в том числе и те уголки, в которых предполагалось спрятать террориста, вентиляционную трубу и пр. Вывод его был неблагопри-

ятен для плана: он считал его невыполнимым. Его отзыв был решающим, и план был отставлен. После этого вся надежда была на нахождение добровольцев из состава экипажа. После некоторых поисков такие добровольцы были найдены. Это были матрос Герасим Авдеев и вестовой Каптелович. Особенности надежды возлагались на первого — очень смелого, энергичного и весьма революционно настроенного человека. С ним были знакомы как Савинков, так и Карпович; позднее с ним встретился и Азеф. Оба они получили от Боевой организации револьверы и со своей стороны написали прощальные письма, в которых объясняли мотивы своего поведения: эти письма вместе с приложенными к ним фотографическими карточками взял с собою Азеф — они должны были быть опубликованы после совершения ими намеченного акта.

В середине августа 1908 года крейсер вышел в Россию. Уже в пути в личном письме к Савинкову Авдеев писал о своих настроениях: “Я только теперь начинаю понимать, что я такое. Я никогда не был и не буду работником-пропагандистом... Я теперь, глубоко, серьезно подумав, представляю себе выполнение порученной задачи... Одна минута разрешит больше целых месяцев”.

Только 7 октября состоялся царский смотр. “И Авдеев, и Каптелович встретили Царя лицом к лицу”, — сообщает Савинков. По рассказу Костенко, переданному Верой Фигнер, Авдееву пришлось даже по просьбе Царя принести ему бокал шампанского и в течение нескольких минут стоять в непосредственной близости от него. Покушение легко могло быть совершено, но Каптеловичу и Авдееву в решительную минуту не хватило смелости. По рассказу Костенко, который лучше осведомлен

о том, что происходило на крейсере, дело обстояло совершенно иначе: военная организация, существовавшая там, готовила вооруженное восстание. Количество было велико, и руководители организации надеялись, что успех будет на их стороне. Авдеев и Каптелович входили в состав этой организации, но не посвятили ее в свои планы.

Б.В. Савинков

Тем не менее, по их поведению руководители организации догадались, что ими что-то готовится, и потребовали объяснений. Пришлось рассказать — результатом явились бурные объяснения. Было ясно, что план цареубийства скрещивается с планом восстания: одно помешает другому, так как в результате покушения на Царя на крейсере, конечно, начнутся допросы и аресты, полиция неминуемо нападет на след организации и большой план захвата Кронштадта погибнет. В результате организация потребовала от Авдеева и Каптеловича отказа от их планов, и они должны были подчиниться ее решению».

В отличие от Б.И. Николаевского, масон Б.В. Савинков сообщает больше подробностей о подготовке цареубийства на крейсере «Рюрик», в частности, он приводит важный факт участия в этом деле известного иудейско-масонского конспиратора М.А. Натансона.

Из воспоминаний Б.В. Савинкова.

«До июня 1908 года я прожил в Париже, вдали от всех террористических предприятий. В июне я принял участие в покушении на цареубийство.

В гор. Глазго, в Шотландии, на кораблестроительном заводе Вилкерса строился русский бронированный крейсер "Рюрик". Один из корабельных инженеров, К.П. Костенко, был членом военной организации партии

П. Карпович

социалистов-революционеров. По его инициативе и под его руководством началась революционная пропаганда среди матросов строящегося крейсера. Пропагандистами были: бывший пехотный офицер Варшамов, бывший матрос с эскадры адм. Рождественского Затертый (псевдоним) и член российской социал-демократической партии рабочий Петр (псевдоним). Костенко весной 1908 г. известил центральный комитет, что на корабле есть несколько десятков матросов-революционеров и что среди них есть люди с террористическим настроением, готовые убить царя на предстоявшем по возвращении "Рюрика" в Россию царском осмотре.

М.А. Натансон сообщил мне это известие. Он спросил меня, желаю ли я поехать в Глазго и лично убедиться в возможности цареубийства? Я ответил, что ничего не могу иметь против этого: я мог только приветствовать каждую попытку террора.

Азеф в Петербурге был занят также приготовлением к царевубийству. Он знал о положении дел на “Рюрике”, и по его предложению за границу приехал член восстановленной Азефом боевой организации — П.В. Карпович. Он тоже должен был ехать в Глазго. Я встретился с ним в Париже»¹.

Во время подготовки покушения террористы долгое время жили в Англии, неоднократно посещали крейсер. Все это производилось при фактическом попустительстве английских спецслужб.

Савинков не упоминал о восстании, готовившемся на корабле. Скорее всего, здесь что-то напутал Б.И. Николаевский. Кандидаты в царевубийцы были сломлены простотой и моральным духом Царя. Встретившись с ним, они не осмелились выстрелить в Государя. Как вспоминал Савинков:

«В октябре 1905 в Кронштадте состоялся высочайший смотр “Рюрику”. И Авдеев, и Каптелович встретились с Царем лицом к лицу. Ни один из них не выстрелил. Я считаю несправедливым заподозрить Авдеева в недостатке мужества. Слишком быстро и слишком напряженно пришлось переживать ему все колебания террора. Нет ничего удивительного, что “пружина” сломалась». Так считал безбожник и враг России масон Савинков. Ему было не дано понять, что произошло Божье чудо и Господь не попустил совершить преступление, дав русскому народу шанс на спасение в его единении с Царем, хотя этот шанс русский народ не использовал.

Факты, приводимые Б.И. Николаевским и Б.В. Савинковым, говорят о многом. Во-первых, эсерам удалось создать хорошо законспирированную организацию царевубийства внутри самой «Боевой организации». О

---

¹ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991. С. 294–295.

планах подготовки убийства Николая II знал только узкий круг лиц. Во-вторых, организация не нуждалась в деньгах, получая от своих спонсоров все запрашиваемые средства без ограничения. В-третьих, в заговор против Царя были вовлечены высокопоставленные лица из его окружения. Они поставляли преступникам секретную информацию о всех передвижениях Государя. Имя высокопоставленного изменника из окружения Царя, которого Б.И. Николаевский не называет, было, по-видимому, С.Д. Урусов. С 1906 года он был товарищем (заместителем) министра внутренних дел, состоял в одной из лож Великого Востока Франции. Еще одним высокопоставленным изменником из окружения Государя, вероятно, был масон В.Ф. Джунковский, московский вице-губернатор, а позднее товарищ министра внутренних дел.¹

---

¹ Этот изменник впоследствии перешел на службу к еврейским большевикам, подал им идею проведения чекистской операции «Трест», представлявшей собой масштабную провокацию против монархического движения в России и за рубежом. (См.: Гладков Т. Награда за верность — казнь. М., 2000. С. 108—109).

ГЛАВА 11

Роль масонов в организации покушений на Николая II. — Совместные операции масонов и эсеров. — Проповедь идей царевубийства. — Подводная лодка и самолет как варианты покушения на Царя. — Вариант убийства на балу. — Вариант убийства на военном смотре. — Убийство великого князя Сергея Александровича. — Заговор Наумова (Пуркина). — Картечный выстрел на Иордане

Николаевский, по-видимому, сознательно не упоминает в своей работе варианты подготовки царевубийства, которые эсеровская партия осуществляла совместно с российскими масонами.

Для российских масонов начала XX века курс на насильственную ликвидацию православной монархии стоял первым среди их политических задач. Это, в частности, открыто декларировал один из главных руководителей Верховного Совета Великого Востока народов России Н.В. Некрасов¹. Другой масонский лидер, А.Я. Гальперн, вспоминал, что «очень характерной для настроения подавляющего большинства организаций была ненависть к трону и монарху лично»².

Зарубежные масонские ордены были готовы оказывать финансовую помощь российским соотечественникам, «доставлять им средства победить деспотизм» (из речи великого оратора Великого Востока Франции)³. 7 мая 1907 года масон Лейтнер сделал в ложе «Правосудие» доклад о своем посещении Комитета по оказанию помощи русским революционерам. В отчете русской разведки отмечается, что

---

¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М.: Терра, 1990. С. 91.

² Там же. С. 63.

³ ГАРФ, ф. 102, оп. 316, 1905, д. 12, ч. 1, л. 154.

«Великий Восток так или иным образом помогает русскому революционному движению»¹.

Масонские ложи помогают террористам в организации покушений на Николая II. От масонского подполья этой деятельностью руководили такие матерые государственные преступники, как Б. Савинков, М. Маргулиес, Н. Авксентьев, Н. Чайковский и др. Как сообщал еще в 1905 году агент Е. Азеф начальнику зарубежной агентуры Л.А. Ратаеву:

«КГоцу (руководителю партии эсеров-террористов. — О.П.) сюда приехал некий Афанасьев, в Питер. Живет на одной из Рождественских, сотрудничает в газете “Наши Дни”, близкий знакомый петербургского присяжного поверенного (масона. — О.П.) Маргулиеса, с предложением, чтобы партия с.-р. оказала нравственное содействие образовавшемуся в Петербурге кружку (человек 15–18) крупной интеллигенции в террористических предприятиях, направленных против Его Величества и еще некоторых лиц (не названы). Афанасьев — сам член этого кружка. Кружок состоит из литераторов, адвокатов и других лиц инт. профессий (это т.н. левое крыло либералов из “Освобождения”). Кружок обладает деньгами, Афанасьев говорил — 20000 рублей, и людьми для выступления. Афанасьев просил только, чтобы с.-р. оказали нравственное содействие, т.е. проповедовали эти акты»².

Конечно, роль масонов в организации царевубийства не ограничивалась только пропагандой «революционного подвига царевубийства». Личный друг одного из основателей российского масонства и «Союза освобождения» М.М. Ковалевского князь Д.О. Бебутов, в особняке которого собирался Кадетский клуб, в своих воспоминаниях рассказывает,

---

¹ ГАРФ, ф. 102, оп. 316, 1905, д. 12, ч. 1, л. 154.

² Былое. 1917. № 1. С. 29.

Убийца П.А. Столыпина – Мордка Богров. Фото из судебного дела

как передавал руководителям эсеровской партии 12 тыс. руб. для убийства Николая II.

Еще одно покушение на Царя с участием масонов готовилось эсерами в 1906 году. Разрабатывались планы, в которые входило приобретение подводной лодки для нападения на Николая II во время летнего отдыха. Одновременно масон Н.В. Чайковский для организации этого покушения передал чертеж специального самолета, с которого и собирались осуществить убийство. В 1907 году эсеровская партия проводит в Мюнхене опыты в области самолетостроения¹.

Масон Б.В. Савинков в своих «Воспоминаниях террориста» довольно подробно описал вариант покушения с помощью самолета, который сконструировал маньяк-террорист С.И. Бухало, помешанный на идее царевубийства. Самолет должен был

---

¹ Вопросы истории. 1993. № 8. С. 119, 137.

развивать скорость в 140 км в час и поднимать на любую высоту большой груз. Заговорщики пришли в восторг от открывшихся для них возможностей новых террористических предприятий с помощью аппарата Бухало. Террористы планировали произвести бомбардировку царских дворцов. «Скорость полета, — писал Савинков, — давала возможность выбрать отправную точку на много сотен километров от Петербурга, в Западной Европе: в Швеции, Норвегии, даже в Англии. Подъемная сила позволяла сделать попытку разрушить весь Царскосельский или Петергофский дворец. Высота подъема гарантировала безопасность нападающих. Наконец, уцелевший аппарат или, в случае его гибели, вторая модель обеспечат вторичное нападение. Террор поднимался на небывалую высоту»¹. Проект цареубийства путем бомбардировки царского дворца с самолета финансировали еврейские миллионеры-масоны М.О. Цейтлин (племянник миллионера Д. Высотского) и Б.О. Гавронский (зять Д. Высотского)².

Савинков рассказывает еще о нескольких эсеровско-масонских проектах цареубийства. В начале 1905 года планировалось убийство Царя на балу. Подготовкой покушения руководил М.И. Швейцер («Павел», «Леопольд»). Для этого в кругу близком к высшему свету Петербурга, была внедрена «девушка из хорошей семьи», дочь якутского вице-губернатора Т.А. Леонтьева, согласившаяся убить Царя.

Террористке удалось вкрасься в доверие организаторов придворного бала и получить почетное право подавать цветы на одном из балов, на котором будет присутствовать Николай II. Однако бал отме-

---

¹ Савинков Б.В. Указ. соч. С. 277–278.

² Тайная история масонства. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 418; Савинков Б.В. Указ. соч. С. 278.

нили. При подготовке этого покушения Савинков в разговоре со Швейцером высказал позицию эсеровского руководства в отношении цареубийства. «Вопрос об убийстве Царя, — заявил Савинков, — решен давно, что для нас это вопрос не политики, а боевой техники»¹.

Со своим предложением убить Царя выступил некто В.М.

Т. Леонтьева

Сулятицкий, жаждавший стать «героем революции». «Мечтой Сулятицкого, — писал Савинков, — было убийство царя. Он предлагал для этого план хотя и длительный, зато, по его мнению, верный. Он говорил, что нужно кому-нибудь из революционеров поступить в любое училище в Петербурге. Ежегодно выпускные юнкера производятся в офицеры лично царем. Каждый юнкер может убить царя на этой церемонии. Сулятицкий предлагал именно себя в такие исполнители. Я рассказал впоследствии об этом плане Азефу, и он одобрил его, но по причинам, мне неизвестным, никем и никогда не было сделано попытки привести этот план в исполнение. Я же думаю, что, быть может, Сулятицкий был прав: партия потратила впоследствии не менее времени и гораздо больше сил на цареубийство, но безрезультатно»².

¹ Савинков Б.В. Указ. соч. С. 81.

² Там же. С. 269.

Неоднократно планировали убийство Николая II и его близких и большевики. Соратник Ленина, известный большевик А.М. Игнатъев предложил изощренный план похищения Николая II из его резиденции в Петергофе.

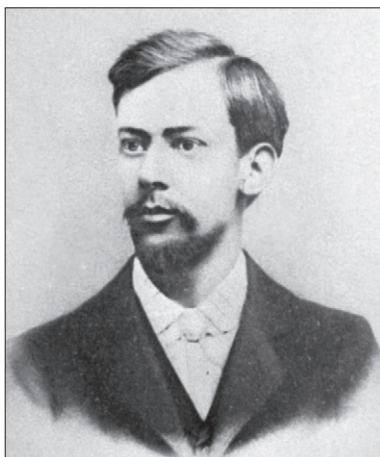
По признанию большевика В. Бонч-Бруевича, когда Семеновский полк вошел в Москву в 1905 году с приказом подавить декабрьское восстание, он предложил С.-Петербуржскому комитету партии немедленно захватить «парочку великих князей» в качестве заложников, спрятать их в тайное место и держать в постоянном страхе неотвратимой и немедленной казни, если хоть одна капля крови будет пролита на улицах Москвы. До этого боевой отряд большевиков в столице, стремясь поддержать декабрьское восстание, готовил взрыв поезда, перевозившего правительственные войска в Москву из С.-Петербурга. Взрыв, однако, не удался. Большевики также планировали в случае крупных беспорядков стрелять по Зимнему дворцу из пушки, украденной из двора Гвардейского флотского экипажа.

Масоны вместе с эсерами, социал-демократами и другими социалистами организуют ряд клеветнических кампаний для дискредитации верховной власти русского Царя. На событиях конца 1905 года масоны убедились в огромном авторитете Царя среди народа. Они понимали, что, пока народ верит в Царя, все их попытки захватить власть закончатся так же печально, как и в 1905 году.

Одним из главных организаторов подпольных акций кадетской партии против Царя был масон князь Д.О. Бебутов, в свое время финансировавший покушение на убийство Государя и организовавший на свои средства политический клуб, служивший центром разных клеветнических кампаний против

русского правительства.

Одной из таких подпольных акций масонов стало издание книги «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования Николая II». Объемистый том был выпущен специально к 300-летию юбилею царствования Дома Романовых и содержал

И. П. Калыев

массу клеветнических и выдуманных утверждений с целью дискредитации престижа Царской власти. Он был издан в Берлине, авторство его принадлежало масону В. П. Обнинскому, в выпуске участвовали масоны князь Д. О. Бебутов и В. М. Гессен, а по некоторым сведениям и П. Н. Милюков. Финансировал это предприятие тот же Бебутов.

С целью дискредитации деятельности русского правительства масоны создают среди своих единомышленников общество «Культурной борьбы с правительством». В январе 1909 года на квартире скандально известного банкира Митьки (Д. Л.) Рубинштейна масонские лидеры, в том числе кадетская фракция в Государственной думе, устроили концерт, а после него политическое обозрение, где в карикатурном виде изображались Царь и многие деятели царского правительства.

4 февраля 1905 года эсеровские террористы совершили убийство дяди Царя великого князя Сергея Александровича. Руководил преступлением масон Савинков. Бомбы приготовила иудейка Д. Бриль-

лиант. Бросил бомбу в великого князя И.П. Каляев. Произошло это в 65 шагах от Никольских ворот Кремля.

Взрывом, происшедшим от разорвавшейся бомбы, великий князь был убит на месте, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленные тяжкие телесные повреждения. Тело великого князя оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя часть груди, с левым плечом и рукой, были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломлена с раздроблением бедра, от которого отделилась его часть, голень и стопа. Силой произведенного злоумышленником взрыва кузов кареты, в которой следовал великий князь, был расщеплен на мелкие куски и, кроме того, были выбиты стекла наружных рам ближайшей к Никольским воротам части здания судебных установлений и расположенного против этого здания Арсенала.

Террористы ликовали. Они убили хотя и не самого Царя, но близкого его родственника. Сразу же после этого случая заговорщики ускоряют подготовку к убийству самого Царя. Однако все их многочисленные попытки не увенчались успехом.

В начале февраля 1907 года террористы пытаются убить другого дядю Царя – великого князя Николая Николаевича. Преступление сорвалось. Террорист, который должен был взорвать поезд великого князя, бежал, оставив снаряд большой взрывной силы. Руководил покушением крупный эсеровский функционер и иудей Л.И. Зильберберг¹.

Большая часть заговоров против Царя и его близких так и не была открыта. Но некоторые из них полиции удалось предотвратить.

---

¹ Савинков Б.В. Указ. соч. С. 304.

В марте 1907 года был открыт заговор против Царя и великого князя Николая Николаевича. Арестовано 28 человек, принадлежавших к сугубо законспирированной террористической организации эсеровской партии. Преступники предприняли попытки к изысканию способов проникнуть во дворец, но они не удались. Заговорщики собирали сведения о маршрутах следования Царя, подбирали кадры лиц, готовых совершить цареубийство посредством кинжала или разрывного снаряда. Цареубийство взялся осуществить некто Наумов (Пуркин), для чего его стали готовить к поступлению в придворную капеллу, планировалась также закладка бомбы под царским кабинетом. Три главных участника заговора Наумов, Никитенко и Синявский были казнены¹.

У цареубийц было много шансов умертвить Николая II, но, согласно предсказаниям русских святых, его до определенного времени хранил Сам Бог. Искупительная жертва должна была совершиться позднее. Государь духовным чувством осознавал это и был готов к ней.

По трагической случайности или в результате заговора² Царь мог погибнуть 6 января 1903 года. В этот день на Иордане у Зимнего дворца при салюте из орудий от Петропавловской крепости одно из орудий оказалось заряженным картечью, и картечь ударила только по окнам дворца, частью же около беседки на Иордане, где находились Николай II, духовенство и свита Государя. Спокойствие, с которым Государь отнесся к происшествию, грозившему ему самому смертию, было до того поразительно, что обратило на себя внимание ближайших к нему

---

¹ ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 297–299; Савинков Б.В. Указ. соч. С. 303.

² Случай этот не до конца исследован, так как Государь повелел прекратить расследование.

лиц окружавшей его свиты. Государя спросили, как подействовало на него происшествие. Он ответил: «До 18 года я ничего не боюсь». Командира батареи и офицера (Карцева), распорядившегося стрельбой, Государь простил, так как раненых, по особой милости Божией, не оказалось, за исключением одного городского, получившего легкое ранение. Фамилия же того городского была — Романов. Заряд, метивший и предназначенный злым умыслом царственному Романову, Романова задел, но не того, на кого был нацелен: не вышли времена и сроки — далеко еще было до 1918 года¹.

В самые опасные и тяжелые минуты Государь не терял спокойствия духа. «Я, — говорил он, — имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей Семьи — в руках Господа. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей»².

---

¹ *Нилус С.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 187.

² *Православная Русь.* 1967. № 10. С. 4.

ГЛАВА 12

*Иудейско-масонская провокация 9 января 1905 года. —
Вооруженные террористы готовят покушение
на Николая II. — Признание Гапона о намерениях убить Царя*

Крупнейшим мероприятием социалистов и масонов против Русского Православного Царства стала организация смуты в 1905–1907 годах. Она была устроена на иностранные (преимущественно еврейские и японские) деньги с целью свержения и убийства Царя и установления в России иудейско-масонского порядка. Американские финансисты-евреи перечислили на революцию в России многие миллионы долларов. Особенно крупный вклад сделал Яков Шифф — владелец банкирского дома «Кун, Лоеб и К°» в Нью-Йорке.

На иностранные деньги существовал сначала в Швейцарии, затем в России так называемый «Союз освобождения», возглавляемый в большинстве своем крупными масонами. «Союз освобождения» затратил огромные средства на организацию стачек, забастовок и других форм неповиновения власти. Объединившиеся вокруг «Союза освобождения» эсеры и другие антирусские партии призывают свергнуть Самодержавие и расправиться с Царем.

В своих целях масонам и социалистам удалось использовать созданную нерадивым священником Г. Гапоном организацию, так называемое Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга. Вначале малочисленная и никому не известная организация при поддержке «Союза освобождения» и антирусских партий становится мощным орудием в борьбе против Царя. Если в ноябре 1903 года в организации Гапона состояло 30 человек,

то в конце мая 1904 года — 750, а к осени этого же года — уже 1200¹. С самого начала рабочая организация находилась не столько под контролем полиции, сколько под контролем социалистов, и прежде всего группы супругов Карелиных. Социалисты, естественно, стремились использовать свои методы для намечаемых ими целей движения. Сложился круг единомышленников («группа пяти»), которые за спиной простых членов рабочей организации вынашивали план борьбы против существующего строя. В тайную пятерку вошли сам Гапон, А. Карелин, Д. Кузин, И. Васильев и Н. Варнашов.

Знаменитая петиция 9 января 1905 года разработана «Тайной пятеркой» еще в марте 1904 года. Как рассказывает один из членов этой пятерки Н. Варнашов: *«Сделав распоряжение, что его нет дома, плотно прикрыв дверь и предварительно обязав всех честным словом, что то, что будет обсуждаться, останется тайною, Гапон вынул лист бумаги, исписанный красными чернилами, и, предлагая обсудить содержание, прочел его. Это была петиция 9 января 1905 года, а в тот момент рассматривалась как программа руководящей группы “Собрания”. Разработав программу своей организации, “пятерка” решила “держаться ее в секрете и вести дальнейшую работу под флагом этой программы, не высказывая ее прямо, а постоянно при всяком удобном случае внедрять ее в сознание собиравшихся рабочих”»*².

К осени 1904 года деятельность гапоновской организации приобрела массовый характер. В Петербурге в Народном доме Паниной с залом на тысячу человек уже с утра толпились рабочие и разный революционный элемент, впрочем, еще не проявля-

---

¹ Кавторин В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992. С. 264.

² Там же.

ющий себя открыто. Днем в «Собрании» проходили деловые встречи и обсуждения. К вечеру народа становилось больше, играла музыка, работали буфеты, выступали артисты и литераторы.

В ноябре Гапон проводит встречу с ведущими представителями либерально-масонского «Союза освобождения» Кусковой, Прокоповичем, Богучарским. На

этой встрече согласовывается план общих действий. «Освободители» были очень обрадованы далеко идущими планами Гапона.

28 ноября собирается совещание гапоновских «штабных» («Тайной пятерки»), на котором в общих чертах принимается план «заговора на выступление». Ближайшим соратником и советником Г. Гапона был Пинхус Моисеевич Рутенберг, известный всем как Мартын Иванович, — один из видных деятелей сионистского и масонского движения. Собственно говоря, эта темная личность все время стояла за спиной Гапона. Рутенберг стал прототипом героя повести Горького «Все те же» Зейделя, который, по мнению Горького, «является могучим агентом модернизации и европеизации русского общества в противоположность консерватизму азиатского черносотенства». Зейдель высказывает мысль о «беспольности жизни среди пассивного русского народа».

Пинхус Рутенберг, еврейский националист и революционер, приставленный к Гапону

В конце декабря 1904 года по ничтожному поводу (увольнение четырех рабочих) вспыхнула многотысячная забастовка на Путиловском заводе (начальником мастерской здесь работал Рутенберг), которая потом перекинулась на другие предприятия. Организация забастовки велась опытными «революционерами». К 4 января бастовало 15 тыс. рабочих, к 6 января — 26 тыс., к 7-му — 105 тыс., к 8-му — 111 тыс. Была парализована работа значительной части оборонных предприятий, что с радостью отмечалось японской разведкой. Сколачивается стачечный комитет, создается большой денежный фонд помощи бастующим (большей частью — из тех же иностранных денежных средств; рабочие, конечно, об этом не знали), из которого им платили пособия не меньше заработной платы. Все нити забастовок тянулись к организации, которую формально возглавлял агент полиции Гапон, фактически она находилась в руках опытных «революционеров», подобных Рутенбергу. Они поставляли для этой организации специалистов и инструкторов. Гапон, хотя и стремился играть большую роль, на самом деле служил только ширмой, удобной и выгодной для настоящих хозяев положения. Незадолго до событий 9 января знакомый Рутенберга по Путиловскому заводу инженер М.К. Парадовский неоднократно беседовал с ним. «В это время, — пишет Парадовский, — я два или три раза виделся с Рутенбергом, и так как я знал, что он близок к Гапону, я, естественно, заговорил с ним об этом, и он поразил меня своим непониманием происходящего и только твердил, что чем хуже Царю, тем лучше всем его верноподанным. (В другом месте Рутенберг злорадствовал над Царем и выражал надежду, что война подорвет его авторитет в народе. — *О.П.*) Когда я сказал ему,

что верноподданные Царя — это русский народ и не Гапону быть представителем народа, Рутенберг рассмеялся и сказал: *“Гапон — это пешка, и весь вопрос, кто эту пешку двигает”*¹.

К началу 1905 года гапоновская организация стала серьезной силой. В нее входило 20 тыс. членов, среди которых много поляков, финнов, евреев. Общество имело свои читальни, клубы, чайные. Рабочим читали лекции: по истории культуры и экономическим вопросам — юрист М.А. Финкель; по истории литературы — редактор «Тюремного вестника» Ф.Н. Калинин; по вопросам текущего момента — Н. Строев (Сергей Яковлевич Стечкин).

Особая работа велась среди женщин. Организатором этой работы была старая социал-демократка Вера Марковна Карелина. И вообще, несмотря на утверждение о том, что гапоновское движение было представлено только рабочими, в нем участвовало большое количество социал-демократов-интеллигентов.

«К 7 и 8 января, — пишет исследователь деятельности гапоновской организации А. Шилов, — социал-демократы настолько овладели... массой, что уже стали говорить, что при гапоновском отделе состоят особые должностные лица, называемые социал-демократами, и Гапон предложил устроить совещание с ними, которое состоялось 7 января».

Именно этими должностными «социал-демократами» составлена прокламация, которая 4 января была широко распространена по всему Петербургу. В прокламации выставлены требования: 1) образование комиссии из представителей рабочих и администрации, в которой решались бы вопросы об

---

¹ Цит. по: Ардаматский В. Перед штормом. М., 1989. С. 285–286.

увольнении рабочих и о наложении штрафов; 2) повышение заработной платы; 3) 8-часовой рабочий день; 4) отмена сверхурочных работ; 5) ограничение детского труда; 6) вежливое обращение со стороны администрации; 7) политические свободы и созыв Учредительного собрания.

Как видим, петиция состояла из экономических требований, а в конце, как бы незаметно да и непонятно для рабочих, протаскивались и политические. Рабочие понимали свои требования чисто экономически и вплоть до 8—9 января были знакомы именно с ними, да другие они вряд ли бы и поддержали. Но в самый последний момент вместо принятых и поддерживаемых рабочими экономических требований появляется петиция, составленная якобы тоже от имени рабочих, но содержащая экстремистские требования общегосударственных реформ, созыва Учредительного собрания, политического изменения государственного строя. Все пункты, известные рабочим и реально поддерживаемые ими, переносятся в заключение. Это была в чистом виде политическая провокация революционеров, пытавшихся от имени народа в тяжелых военных условиях предъявить требования неугодному им русскому правительству.

Идея идти с петицией к Царю была подана Гапоном и его окружением 6—7 января. Но рабочих, которых приглашали идти к Царю за помощью, знакомили с чисто экономическими и, можно сказать, разумными требованиями. Собираясь к Царю, гапоновские провокаторы даже распространяли слух, что Царь сам хочет встретиться со своим народом. Схема провокации такова: революционные агитаторы якобы от имени Царя ходили и передавали рабочим примерно такие «его» слова:

«Я, Царь Божьей милостью, бессилён справиться с чиновниками и барами, хочу помочь народу, а дворяне не дают. Подымайтесь, православные, помогите мне, Царю, одолеть моих и ваших врагов». Об этом рассказывали многие очевидцы, например, большевичка Л. Субботина. Она же передала диалог с одним студентом-революционером:

«Ну, товарищ Лидия, вы вдумайтесь только, какое величие замысла, — говорит один студент, которого мы прозвали Огнедышащий, — использовать веру в Царя и Бога для революции...»¹

Сотни революционных провокаторов ходили среди народа, приглашая людей 9 января к двум часам на Дворцовую площадь, заявляя, что их там будет ждать Царь. Рабочие готовились к этому дню как к празднику: гладили лучшую одежду, многие собирались взять с собой детей. В общем, для большинства рабочих этот день представлялся большим крестным ходом к Царю, тем более что его обещал возглавить священник, лицо духовное, традиционно почитаемое.

Да и власти вплоть до 8 января еще не знали, что за спиной рабочих заготовлена другая петиция, с экстремистскими требованиями. А когда узнали — пришли в ужас. Отдается приказ арестовать Гапона, но уже поздно, он скрылся. А остановить огромную лавину уже невозможно — революционные провокаторы поработали на славу.

9 января на встречу с Царем готовы выйти сотни тысяч людей. Отменить ее нельзя: газеты не выходили. И вплоть до позднего вечера накануне 9 января сотни агитаторов ходили по рабочим районам, возбуждая людей, приглашая на встречу с Царем, снова

---

¹ На баррикадах. Л.: Лениздат, 1984. С. 46.

и снова заявляя, что этой встрече препятствуют эксплуататоры и чиновники. Засыпали рабочие с мыслью о завтрашней встрече с Батюшкой-Царем.

Петербургские власти, собравшиеся вечером 8 января на совещание, понимая, что остановить рабочих уже невозможно, приняли решение не допустить их в самый центр города. Главная задача состояла даже не в том, чтобы защитить Царя (его не было в городе, он находился в Царском Селе), а в том, чтобы предотвратить беспорядки, неизбежную давку и гибель людей в результате стечения огромных масс с четырех сторон на узком пространстве Невского проспекта и Дворцовой площади, среди набережных и каналов. Царские министры помнили трагедию Ходынки, когда в результате преступной халатности местных московских властей в давке погибло 1389 человек и около 1300 получили ранения. Поэтому в центр стягивались войска, казаки с приказом не пропускать людей, но оружие применять лишь при крайней необходимости. Стремясь предотвратить трагедию, власти выпустили объявление, запрещающее шествие 9 января. Но из-за того, что работала только одна типография, тираж объявления был невелик.

8 января Гапон направил письмо министру внутренних дел, из которого видно, что в угоду определенным силам он обманывал как рабочих, так и самого Царя. «Ваше превосходительство! — писал Гапон. — Рабочие и жители Петербурга разных сословий желают и должны видеть Царя 9 сего января, в воскресенье в 2 часа дня на Дворцовой площади, чтобы ему выразить непосредственно свои нужды и нужды всего русского народа. Царю нечего бояться. Я, как представитель “Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. СПб”, мои сотруд-

ники товарищи-рабочие, даже все так называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный Царь, с мужественным сердцем к Своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Это требует благо его, благо обитателей Петербурга, благо нашей родины. Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существовала между русским Царем и русским народом. Ваш долг, великий, нравственный долг перед Царем и всем русским народом немедленно, сегодня же, довести до сведения Его Императорского Высочества (так в источнике. — *О.П.*) как все вышесказанное, так и приложенную здесь нашу петицию. Скажите Царю, что я, рабочие и многие тысячи русского народа мирно, с верою в него, решили бесповоротно идти к Зимнему дворцу. Пусть же он с доверием отнесется на деле, а не в манифестах только к нам.

Копия с сего как оправдательный документ нравственного характера снята и будет доведена до сведения всего русского народа.

8 января 1905 г. Свящ. Гапон».

Очевидно, что Гапон, обманывая и Царя, и народ, скрывал от них ту подрывную работу, которая велась его окружением за их спиной. Он обещал Царю неприкосновенность, но сам прекрасно знал, что так называемые революционеры, которых он пригласил для участия в шествии, выйдут с лозунгами «Долой Самодержавие!», «Да здравствует революция!», а в карманах их будут лежать бомбы и пистолеты. Наконец, письмо Гапона носило недопустимо ультимативный характер — на таком языке разговаривать с Царем коренной русский человек не смел и, конечно, вряд ли одобрил бы это послание.

Гапон и преступные силы, стоявшие за его спиной, готовились убить самого Царя. Позднее, уже после событий 9 января, Гапона спросили в узком кругу:

«— Ну, отче Георгий, теперь мы одни и бояться, что сор из избы вынесут, нечего, да и дело-то прошлое. Вы знаете, как много говорили о событии 9 января и как часто можно было слышать суждение, что, прими Государь депутацию честь-честью, выслушай депутатов ласково, все обошлось бы по-хорошему. Ну, как вы полагаете, о. Георгий, что было бы, если бы Государь вышел к народу?»

Совершенно неожиданно, но искренним тоном, Гапон ответил:

— Убили бы в пол минут, пол секунд!»¹

Представители всех антирусских партий распределялись между отдельными колоннами рабочих (их должно было быть одиннадцать — по числу отделений гапоновской организации). Эсеровские боевики готовили оружие. Большевики сколачивали отряды, каждый из которых состоял из знаменосца, агитатора и ядра, их защищавшего (то есть тех же боевиков). Все члены РСДРП обязаны быть к шести часам утра у пунктов сбора. Готовили знамена и транспаранты: «Долой Самодержавие!», «Да здравствует революция!», «К оружию, товарищи!». Упомянутая мною большевичка Субботина рассказывала о ночи, предшествовавшей 9 января:

«Входит Самуил-шапошник:

— Товарищ Лидия, где вы были? Я бегал, вас искал. Флаги надо шить.

— Кто заказал — партия?

— Да мы на всякий случай сошьем, завтра чтоб были готовы.

---

¹ Максимов А. Признание Гапона // Двуглавый Орел. № 37, 20.3.1930. С. 1785.

— Ну, Самуил, ерунда, я сейчас оттуда, от собрания, прокламации кто-то бросил, так они (рабочие. — *О.П.*) закричали: не надо нам бунтовщиков с их бумажками, с их флагами, пускай завтра не сунутся, мы одни пойдем, чтоб Царь не подумал, что и мы — бунтовщики. Слышите, они нам места в рядах своих не оставляют. Пусть же одни, бараны, идут. Их вера в Царя — не моя вера, мои знамена — не их знамена. Слушает меня Самуил, ухмыляется». Диалог Самуила с Лидией кончается тем, что они, каждый по своему понимая задачу, принимаются за заготовку знамен.

9 января с раннего утра рабочие собирались на сборных пунктах. Перед началом шествия в часовне Путиловского завода был отслужен молебен о здравии Царя. Шествие имело все черты крестного хода. В первых рядах несли иконы, хоругви и царские портреты. Но с самого начала, еще задолго до первых выстрелов, в другом конце города, на Васильевском острове и в некоторых других местах, группы рабочих во главе с революционными провокаторами сооружали баррикады из телеграфных столбов и проволоки, водружали красные флаги. Поначалу рабочие на баррикады не обращали особого внимания, а замечая, возмущались. Из рабочих колонн, двигавшихся к центру, раздавались восклицания: *«Это уже не наши, нам это ни к чему, это студенты балуются»*.

Общее число участников шествия к Дворцовой площади оценивается примерно в 300 тыс. человек. Отдельные колонны насчитывали несколько десятков тысяч человек. Эта огромная масса фатально двигалась к центру и чем ближе подходила к нему, тем больше подвергалась агитации революционных провокаторов. Еще не было выстрелов, а какие-то

люди распускали самые невероятные слухи о массовых расстрелах. Попытки властей ввести шествие в рамки порядка получали отпор специально организованных групп.

Начальник Департамента полиции Лопухин, который, кстати говоря, симпатизировал социалистам, писал об этих событиях: *«Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных общеполицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения порядка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием...»*

Шествие от Нарвской заставы возглавлялось самим Гапоном, который постоянно выкрикивал: *«Если нам будет отказано, то у нас нет больше Царя!»* Колонна подошла к Обводному каналу, где путь ей преградили ряды солдат. Офицеры предлагали все сильнее напиравшей толпе остановиться, но она не подчинялась. Последовали первые залпы, холостые. Толпа готова была уже вернуться, но Гапон и его помощники шли вперед и увлекали за собой толпу. Раздались боевые выстрелы.

Примерно так же развивались события и в других местах — на Выборгской стороне, на Васильевском острове, на Шлиссельбургском тракте. Появились красные знамена, лозунги *«Долой Самодержавие!»*, *«Да здравствует революция!»*. Толпа, возбужденная подготовленными боевиками, разбивала оружейные магазины, возводила баррикады. На Васильевском острове толпа, возглавляемая большевиком Л.Д. Давыдовым, захватила оружейную мастерскую

Шаффа. «В Кирпичном переулке, — докладывал Царю Лопухин, — толпа напала на двух городских, один из них был избит. На Морской улице нанесены побои генерал-майору Эльриху, на Гороховой улице нанесены побои одному капитану и был задержан фельдъегерь, причем его автомобиль был изломан. Проезжавшего на извозчике юнкера Николаевского кавалерийского училища толпа стащила с саней, переломила шашку, которой он защищался, и нанесла ему побои и раны... Всего 9 января оказалось 96 человек убитых (в том числе околоточный надзиратель) и до 333 человек раненых, из коих умерли до 27 января еще 34 человека (в том числе один помощник пристава)». Всего было убито 130 человек и 299 ранено¹. Так завершилась заранее спланированная акция революционеров. В тот же день стали распускаться самые невероятные слухи о тысячах расстрелянных и о том, что расстрел специально организован садистом-Царем, пожелавшим крови рабочих².

Вечером 9 января Гапон пишет клеветническую подстрекательскую листовку: «9 января. 12 часов ночи. Солдатам и офицерам, убивавшим своих невинных братьев, их жен и детей, и всем угнетателям народа мое пастырское проклятие; солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику царю, приказавшему пролить неповинную кровь народную, разрешаю. Священник Георгий Гапон»³.

---

¹ ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 8.

² Впоследствии враждебная русскому правительству печать преувеличивала число жертв в десятки раз, не утруждая себя документальными подтверждениями. Большевик В. Невский, уже в советское время изучавший вопрос по документам, писал, что число погибших не превышало 150–200 человек (Красная Летопись. 1922. Пг. Т. 1. О. 55–57).

³ *Ардаматский В.* Указ. соч. С. 207.

Г. Гапон сразу же после трагических событий бежал за границу, где с помощью одного английского журналиста состряпал воспоминания, в которых частично приоткрыл свои связи, чем вызвал беспокойство сил, стоявших за его спиной. Он получал деньги от японского правительства, но не напрямую, естественно, а через некоего Сокова, японского агента, выдававшего себя за богача¹. После амнистии Гапон вернулся в Россию, поддерживал связи с полицией, хвастал, что обладает важнейшими документами, от опубликования которых может не поздоровиться многим. В марте 1906 года он был убит группой боевиков при личном участии Рутенберга, якобы по приказу эсеровского ЦК (в который тогда входил провокатор Азеф) за связь с полицией. Но ЦК эсеров после убийства отказался подтвердить это решение: выходило, что Рутенберг совершил это убийство из каких-то своих соображений. Что же касается связи Гапона с полицией, то она Рутенбергу была хорошо известна еще в 1904 году, а следовательно, эта связь — только повод для более важного шага: ликвидации опасного свидетеля. После убийства Гапона его документы были затребованы в Берлин адвокатом Марголиным, а после смерти последнего бесследно исчезли. Рутенберг утверждал, что Гапона убили ра-

---

¹ Былое. Новая серия. № 2. С. 54.

² Сам Пинхус Моисеевич Рутенберг, активный участник первой антирусской революции, после ее поражения уехал в Италию, где сразу же занял видное место в сионистских и масонских организациях, дружил с Горьким. В 1917 году вернулся в Россию. В октябре был помощником «диктатора» Петрограда Н.М. Кишкина, при благоприятных обстоятельствах мог сыграть при нем ту же роль, что и при Гапоне. В 1919 году уехал в Эрец-Исраэль, где получил концессию на строительство электростанции — первой в Палестине. В 1929 и 1940 годах был председателем «Национального Комитета» («Ваад Леуми») — фактически сионистского правительства еврейских поселений в Палестине. «Оказывал большое влияние на жизнь страны». Умер в 1942 году в Палестине. Еще один провокатор, соратник Рутенберга по эсеровской партии, Евно Фишель Азеф был публично разо-

бочие. Но, по данным «охотника за провокаторами» Бурцева, Гапона удавил собственноручно некто Деренталь, профессиональный убийца из окружения террориста Б. Савинкова².

блачен как агент полиции, бежал в Южную Америку. Умер в 1918 году в Берлине. В сионистской колонии в Палестине завершила свой жизненный путь и М. Вильбушевич, соратница Зубатова и Гапона.

ГЛАВА 13

Большевистская мафия. — Организация по типу карбонарской или масонской. — Три уровня посвящения. — Жестокость как норма поведения. — Готовность к цареубийству

Убийство Царя и уничтожение православной монархии были первым пунктом партийной программы еврейских большевиков — РСДРП(б). Механизм цареубийства был создан в недрах их партии за 13 лет до убийства Царской семьи. В 1905 году в Екатеринбурге на Урале возникла тайная революционная организация по образцу масонских и карбонарских лож. Возглавил ее один из крупнейших еврейских большевиков Янкель (Яков) Михайлович (Мовшевич) Свердлов¹, жесткий сторонник политического терроризма, бандитизма, насилия и шантажа. Он и его соратники с восторгом мечтали о будущем цареубийстве, считая это преступление высшим революционным достижением, восхищаясь бандитскими деяниями Желябова, Кибальчича и прочих цареубийц. Всех, кто не разделял этой кровавой точки зрения, еврейские большевики считали врагами, а «по отношению к врагу все средства хороши и его мнение о нас было для нас безразличным»². Членов Екатеринбургской организации РСДРП, возражавших против цареубийства и бандитских методов ведения революционной борьбы, Я. Свердлов осенью 1905 года учил, что «революцию в белых перчатках не делают», «революции не может быть “без крови, без выстрелов”», кто думает иначе, тому с нами не по пути»³.

---

¹ По документам Департамента полиции, он, например, проходил как Яков Мовшевич

² Урал. 1988. № 7. С. 148.

³ Городецкий Е., Шаранов Ю. Свердлов. (ЖЗЛ). М., 1971. С. 46.

Конечно, такие представления могли возникнуть только у монстров, духовно чуждых народу древней страны, для которых кровь русских людей — просто водица. Общество в понятии «революционеров» разделялось на «наших» и «не наших». К последним относились все, кто отказывался принимать как истину в последней инстанции лозунги и призывы революционеров. В их среде считалось, что каждый вступивший на путь «революции» получал своего рода индульгенцию как человек, «творивший великое дело на общее благо». Естественные для православного русского человека чувства — милосердие, сострадание, жалость, доброта, — по мнению таких революционеров, предрассудок обывателей, по отношению к врагам проявление этих чувств — преступная слабость. Такая идеология способствовала притоку в революционную среду людей с жестокими или даже садистскими наклонностями. Убить человека просто так — позорно и опасно, убить по политическим мотивам — почетно и даже выгодно. Один из будущих убийц Царской семьи П.З. Ермаков по заданию партии еще в 1907 году убил полицейского агента, но не просто убил, а отрезал ему голову. Революционер Илюша Глухарь, также специализировавшийся на истреблении полицейских агентов, убивал их обязательно одним методом — пулей в лоб между глаз. Другой революционер, И. Смирнов, которого выдала жена, после революции собственноручно расстрелял ее¹.

Уральский социал-демократ Николай Алексеевич Чердынцев просидел несколько лет в екатеринбургской тюрьме. В своем дневнике² описывает «ре-

---

¹ Государственный архив Пермской области (далее — ГАПО), ф. 65, оп. 5, д. 47, л. 242; ф. 145, оп. 5, д. 71, л. 3.

² Хранится в Свердловском партийном архиве (далее — СПА).

Я.М. Свердлов среди заключенных в Пермской тюрьме

волюционную атмосферу», и в частности встречи со Свердловым в 1908—1909 годах. Одна из неприятных сторон тюремной жизни — крысы. Социал-демократы в камере для борьбы с ними создали дружину, которую возглавлял Я.М. Свердлов. Конечно, рассуждает Чердынцев, с крысами надо бороться, но зачем с «бессмысленной жестокостью мучить крыс и наслаждаться этим». Дружинники хватали крыс, кидали их в парашу, чтобы они утонули, сапогами отталкивали крыс от краев, не давая им вылезти, и при этом от души смеялись. Другим развлечением дружинников было повешение крыс.

В тюрьме процветала бандитская групповщина. Главарями были Свердлов и Теодорович, которые поддерживали только своих, пусть они даже совершали любую подлость. Чердынцев отмечает, что поведение этих людей определялось не социалистическими идеалами, а жадной властью, жадной доминировать в революционном движении. «На воле... [эти]... товарищи держат себя так же, как сейчас в тюрьме... Теодорович — хулиган форменный, хотя и был членом ЦК РСДРП. По такому типу мож-

но определенно судить, могла ли существовать эта партия в качестве политической силы. “Раз не помоему, плюю на все и вся. А хорошо ли я делаю — это тоже никого не касается” — вот правило, которым он руководствуется».

Свердлов не гнушается вступать в дружеские отношения с отпетыми уголовниками. Шепчется с ними. О чем-то договаривается. Чердынцева коробят товарищеские контакты Свердлова с одним уголовником-евреем, который не стеснялся рассказывать, как он надувал русских крестьян. В тюрьме Свердлов ведет себя как власть имущий, через него другие заключенные могут получать деньги и передачи. Люди Свердлова на воле держат с ним постоянную связь. По отношению к товарищам Свердлов держит себя диктаторски. «Вся эта манера, — включает Чердынцев свои рассуждения о Свердлове и Теодоровиче, — изображать из себя что-то важное, имеющее силу и волю везде, могущее карать и миловать, я считаю за признак низости ума и сердца и поэтому так третирую всех этих людишек»¹.

Работая в уральских архивах и фондах музеев, я посмотрел десятки дел лиц, так или иначе причастных к убийству Царской семьи, и вскоре выявил важную закономерность. Все организаторы и ключевые исполнители убийства были боевиками боевой организации РСДРП, возникшей на Урале в конце 1905 — начале 1906 года под руководством Я.М. Свердлова. Я стал просматривать материалы, относящиеся к ней, и убедился, что это была всеохватывающая тайная организация. Да, у Свердлова имелись все основания изображать из себя персону, имеющую силу и волю везде, могущую карать и ми-

---

¹ Тем не менее, в 1917 году Теодорович станет наркомом по продовольствию в первом советском правительстве, о Свердлове я уже не говорю.

ловать, ибо он, говоря современным языком, руководил тайной организацией мафиозного типа, уральским кустом боевой организации РСДРП.

Формально уральский куст подчинялся боевому центру при ЦК партии, который возглавляли Моисей Лурье (кличка Михаил Иванович), Шкляев (Лазарь), Эразм Самуилович Кадомцев (Петр-Павел), Уринсон (Виктор), а позднее Миней Израилевич Губельман (Емельян Ярославский). Но в своей «епархии» Свердлов был единоличный владыка.

Как в классической мафии или в масонских орденах, были созданы несколько уровней посвящения в тайну организации. Полной информацией обладал только тот, кто находился на верху пирамиды, он согласовывал свои действия с боевым центром. На уровень ниже сидели тайное оперативное руководство и инструкторы боевой организации, на следующем, тоже тайном, уровне — исполнители различных грязных дел, они получали задания с предыдущего уровня и следовали точным инструкциям; в самом низу — «массовка», рядовые члены, которые привлекались к работе, но ничего не знали о характере деятельности высших уровней посвящения. На практике это было организовано так. При каждом

Я.М. Свердлов

уральском комитете РСДРП создавались три дружины. Одна — известная всем, куда входили рабочие, и две тайные. Они так и разбивались: на первую, вторую и третью¹. Собственно «боевая» работа велась второй дружиной, в состав которой входили так называемые десятки (отряды), укомплектованные молодыми людьми, не нашедшими себе другого дела в жизни и ставшими боевиками.

Каждая «десятка» имела свое специальное назначение: отряд разведчиков, отряд саперов (закладывать мины), отряд бомбистов (кидать бомбы), отряд стрелков; при второй дружине состоял отряд мальчиков-разведчиков (кстати, будущий председатель Уралсовета, небезызвестный Белобородов, начинал в этом отряде) и распространителей партийной литературы, а также мастерские бомб и другие подобные предприятия. Боевики второй дружины работали в подпольных типографиях, подделывали печати. Во главе каждого отряда («десятки») стоял десятский. Отряды, в свою очередь, разбивались на «пятки».

Что же делали боевики? Во-первых, совершали политические убийства полицейских, представителей власти, «черносотенцев», то есть всех неугодных партии лиц. Кинуть бомбу в квартиру, где за семейным столом сидел неугодный человек, было в порядке вещей. Некоторые боевики специализировались на убийствах полицейских и их агентов. Полицейских убивали на постах, устраивали засады в их квартирах. Делали фиктивные доносы и убивали пришедших на обыск стражей закона. Во время таких террористических актов гибло больше слу-

---

¹ Описание мафии дается по воспоминаниям боевиков Кадомцевых Э.С. и О.М., Накорякова Н.Н., Ефремова М.И. на вечере, состоявшемся в ноябре 1924 года. Сохранились в Пермском государственном архиве (ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3).

чайных людей, детей, родственников, близких, чем представителей власти.

Особой стороной деятельности боевиков были грабежи, или, как их называли, «экссы», экспроприации. Грабили кассы, конторы, нападали на транспорт с деньгами. Бомб и патронов не жалели, случайные люди, оказавшиеся рядом, гибли десятками. Легендарный боевик и наставник молодых людей Кадомцев любил повторять: «Не надо быть храбрым, — храбрым нужно быть тому, кто трус»; «всякое предприятие надо выполнять с тем спокойствием, с каким хлебаешь ложкою обед за столом»; «самое трудное дело — замести следы, а совершение акта — пустяки»¹. Боевики тщательно готовились к каждому убийству и грабежу — собирали сведения, чертили планы, готовили ключи, оружие, тщательно продумывали все организационные детали. Занимались боевики и рэкетом, то есть обкладывали богачей данью под угрозой смерти. Кроме того, осуществляли охрану партийных мероприятий и партийных лидеров.

Каждый боевик должен был руководить хотя бы одним грабежом («эксом»), уметь управлять лошадью, паровозом, а позднее и автомашиной, владеть огнестрельным и холодным оружием, знать анатомию человека, чтобы без шума при помощи холодного оружия убить врага, обладать ловкостью и проворством, а также уметь гримироваться. Боевиков постоянно тренировали, учили владеть оружием. От каждого требовали регулярных упражнений в стрельбе из револьвера во всех возможных положениях тела, упражнений в фехтовании и др. Молодых боевиков подвергали проверочным испытаниям. Так, например, переодетые в полицейскую форму

---

¹ ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3.

сотоварищи хватали своего «воспитуемого» и производили допрос с применением физических методов. Если испытуемый не выдерживал, его устранили.

Многие боевики были физически очень сильны и метки в стрельбе. Например, Шура Калинин выжимал руками до 7 пудов, Иван Кадомцев из браунинга поражал цель на 75 шагов.

Вот только несколько эпизодов из жизни одного из известных уральских боевиков — *Константина Алексеевича Мячина* (он же Яковлев, он же Стоянович): в 1905 году кидал бомбы в казаков; в 1906-м — подготавливал к взрыву казармы, метнул бомбу в квартиру руководителя «черносотенцев»; в 1907-м — бросил бомбу в помещение полиции, участвовал в захвате оружия, динамита, ограблении почтового поезда с деньгами (взято 25 тыс. руб.), ограблении самарских артельщиков (взято 200 тыс. руб.); в 1908 году участвовал в нападении на уфимское казначейство, первом миасском ограблении (взято 40 тыс. руб.), убил палача Уварова, участвовал во втором миасском ограблении (взято 95 тыс. руб.). *«Убито и ранено со стороны противника, — самодовольно отмечает Мячин, — только при втором миасском ограблении — 18 человек»*¹. Свою жизнь боевик Мячин закономерно закончил руководителем группы лагерей большевистского ГУЛАГа.

А вот пример деятельности Екатеринбургской организации. В августе 1907 года четверо екатеринбургских боевиков, среди которых был П.З. Ермаков, совершают вооруженное ограбление транспорта с деньгами, которые везли кассир и шесть стражников. Грабители были в черных масках. Рассказывает сам Ермаков: *«Разделились на две группы.*

---

¹ СПА, ф. 221, оп. 2, д. 964.

Прождали целую ночь, деньги повезли только утром... Начали беспорядочную пальбу по сопровождающим — ранили четырех человек, убили двух лошадей... денег взяли 12,4 тысячи рублей, спрятали их и на четвертый день передали в областной комитет партии»¹.

Вторые большевистские дружины работают в прямой связи с так называемыми лесными братьями, возглавляемыми известным бандитом А.М. Лбовым (по кличкам «Длинный», «Лещ»). Эти беспартийные грабители также занимались политическими убийствами и грабежами, творили самосуд, а получаемые деньги частично тратили на себя, а частично посылали в комитеты разных партий, в том числе большевикам. Кстати, из числа «лесных братьев» вышли несколько участников убийства Царской семьи. Одной из связей между большевистскими боевиками и лбовскими «лесными братьями» была жена руководителя боевиков во всероссийском масштабе Миняя Губельмана — К.И. Кирсанова. Прямую связь со Лбовым поддерживал Свердлов. Боевики РСДРП и «лесные братья» проводят ряд совместных операций. Дороги «лесных братьев» обогрены кровью. Чтобы понять их методы, приведем несколько примеров.

Летом 1907 года 12 вооруженных «лесных братьев» напали на пассажирский пароход «Анна Степановна Любимова», принудили поставить пароход на якорь, выстрелами убили матроса, полицейского, военнотружашащего, смертельно ранили пассажира, тяжело ранили капитана парохода и легко — двух пассажиров. Похитили 30 тысяч с небольшим рублей и два револьвера².

---

¹ СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774.

² Данные о «лесных братьях» предоставлены мне исследователем этого вопроса, сотрудником Пермского государственного архива В.Ю. Коробейниковым.

В этом же году «лесные братья» убили на глазах у рабочих директора Надеждинского завода Прахова и главного инженера за то, что в результате проведенной ими реконструкции завода часть рабочих пришлось сократить. «Лесные братья» занимались рэкетом богачей, а тех, кто отказывался платить, уби-

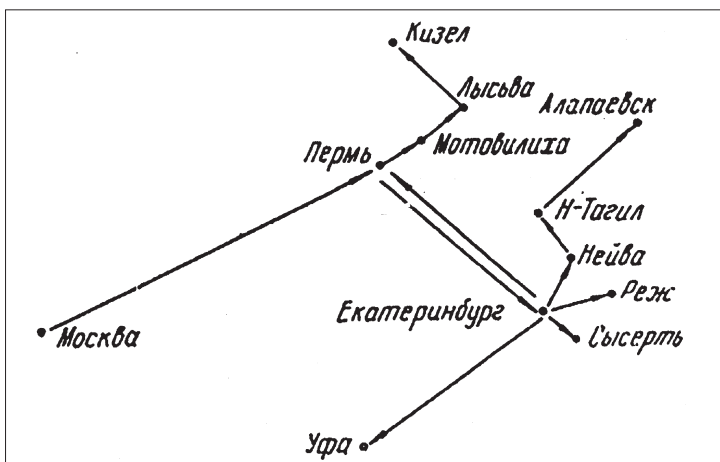

А.Л. Борчанинов

вали. Так был убит подрядчик Русских. И не удивлюсь, если когда-нибудь будут открыты документы, которые покажут, что «лесные братья» были строго законспирированным отделением вторых большевистских дружин.

Уместно подробнее остановиться на личном составе некоторых боевых дружин. В 1905–1907 годах екатеринбургскую дружину, состоявшую примерно из 50 человек, возглавлял Ф.Ф. Сыромолотов (один из главных организаторов екатеринбургского злодеяния).

В нее входили, в частности, П.З. Ермаков, Я.Х. Юровский (исполнители убийства). Тесно с ней были связаны Л.С. Сосновский и С.Е. Чуцкаев (будущие руководители Урал- и горсовета). Боевую дружину в Перми и Мотовилихе возглавлял А.Л. Борчанинов (будущий руководитель Пермской Губчека). В нее входили и будущие непосредственные участники убийства великого князя Михаила Александровича – Марков и Мясников. В банде

Места террористической деятельности Я.М. Свердлова на Урале в 1905–1906 гг.

«лесных братьев» состояли два других убийцы великого князя Михаила Александровича — Иванченко и Жужгов. А.Г. Белобородов был связан с боевиками на Надеждинском заводе, а позднее вместе с Иванченко вел подрывную работу на Лысьвенском заводе. В алапаевской боевой дружине состояли, в частности, организаторы и непосредственные участники убийства великих князей Е.А. Соловьев и В.Д. Перовский. У Свердлова со многими боевиками были тесные контакты. Так, приезжая в Екатеринбург, он останавливался у Юровского, в Перми и Мотовилихе — у Иванченко, в Алапаевске и В. Синячихе — у Соловьева и Перовского.

Над вторыми дружинами боевиков РСДРП стояли первые дружины, состоявшие из выборной и кооптированной частей (куда руководитель-диктатор мог ввести кого угодно по своему усмотрению). Выборных входило по одному члену из каждого отряда второй дружины плюс командующий всей боевой организацией тысяцкий, избиравшийся предста-

вителями 1-й и 2-й дружин совместно. В выборную часть 1-й дружины также входил постоянный представитель партийного комитета. Кооптированная часть первой дружины состояла из разных военных специалистов — инструктора, заведующего мастерскими по изготовлению бомб, заведующего оружием, казначея, секретаря. Выборная часть первой дружины образовывала совет боевой организации, кооптированная — ее штаб. Штаб разрабатывал устав, инструкции, стратегию и тактику «боевых» действий, руководил обучением и вооружением.

За вторыми шли третьи дружины, в состав которых входили «партийцы-массовики», члены парткомитета («комитетчики»), а также примыкающие к партии рабочие. Третьи дружины были школой военного обучения, которым занимались боевики вторых дружин, каждый из которых был обязан подготовить «пяток» из третьей дружины.

Как отмечалось самими боевиками, «такой структурой достигалась конспиративность и гибкость массовой военной организации, тысяцкий знал только десятских, десятские — только своих “пяточников”». Благодаря этому в течение 4 лет уральские боевые организации не знали ни одного случая провала»¹.

Подготовка и прием боевиков в первую и вторую дружины был обставлен чрезвычайно строго. За новичка ручались два старых члена организации. Поручители отвечали за своего «крестника» головой. В случае каких-либо серьезных отступлений от устава приговор совета приводился в исполнение над «крестником» его поручителями. И вы догадываетесь, конечно, что таким приговором была только смерть. Боевик даже со своими *«мог говорить только*

---

¹ ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 8.

то, что нужно, а не то, что можно». В уставе постоянно напоминалось, что «боевик имеет оружие не для того, чтобы скрывать его, бросать при опасности, а для того, чтобы убивать врага» (выделено мною. — О.П.), а враг был, как правило, безоружный русский человек, мыслящий иначе, чем боевик.

В случае крайней опасности устав рекомендовал живым не сдаваться. Конспирация охватывала все стороны жизни боевика. С недоверием смотрели даже на того, который проходил обучение в третьей дружине. «На случай если кто-то из руководителей будет убит или попадет в тюрьму, имели двух заместителей сотского, десятского, пяточника»¹. Боевики были хорошо вооружены, оружие получали из Финляндии и Бельгии. Так, П.З. Ермаков в своих воспоминаниях хвастался, что в 1907 году имел «маузер, 4 браунинга, военный наган с шестью сменными барабанами». У боевиков имелись свои мастерские по изготовлению бомб, взрывчатые вещества всегда были в запасе. Хорошо были вооружены и «лесные братья». Один из будущих организаторов и исполнителей убийства великого князя Михаила Александровича В.А. Иванченко заведовал в этой шайке оружием. «Оружие, — писал он, — получали из-за границы — бельгийские браунинги, маузеры, и в последний день (перед арестом. — О.П.) я получил 75 партизанских винтовок без ложа...»².

Куда же расходовались средства, добытые грабежом и убийством людей? «Деньги, — рассказывают бывшие боевики, — передавались парторганам для издания газет, содержания боевых школ, для отсылки в центральные учреждения партии. В течение

---

¹ ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 8.

² Пермский областной партийный архив (далее — ППА), ф. 90, оп. 2, д. И-3.

1906—1907 годов было отослано в областной комитет около 40 тысяч рублей, в ЦК партии (передано через А.И. Саммера) около 60 тысяч рублей». На эти деньги областной комитет на Урале издавал три газеты: «Солдат», «Пролетарий» и газету на татарском языке. Деньги поступали также на поездку делегатов на лондонский съезд, на содержание школы боевых инструкторов в Киеве, школы бомбистов во Львове, а также на «держание» границ (Финляндия и Западная Россия) для провоза литературы и провода боевиков, членов партии за границу¹.

Политика большевистского лицемерия проявлялась на примере грабежей («эксов») очень наглядно. Официально, на словах, большевики осуждали эти грабежи, а на самом деле поддерживали их и всячески поощряли. Очень интересно свидетельство А.Ф. Керенского, который был адвокатом на процессе по делу об экспроприации миасского казначейства. *«Официально Ленин и большевистская печать, — пишет Керенский, — заклеямили экспроприации как “мелкобуржуазную практику” левых социалистов-революционеров и максималистов. “Как же так, — спросил я Алексева (главаря миасского грабежа. — О.П.), — выходите, вы проводите экспроприации, хотя это противоречит взглядам вашей партии?” — “Очень просто, — ответил он. — По этому вопросу у нас в партии имеется специальная договоренность. Перед тем как проводить экспроприацию — примерно за две недели, — мы выходим из партии, заявляя о своем несогласии с ее политикой. Это дает нам полную свободу для проведения акции... Через две недели мы подаем заявление о восстановлении в рядах партии, “осуждая” свои ошибки, и нас немедленно восстанавливают»².*

¹ ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 24—25.

² Вопросы истории. 1990. № 8. С. 105—106.

Естественно, деньги, запачканные кровью, передавались в партийную кассу на содержание все того же административного и репрессивного аппарата.

Но деньги не были главным результатом тайных операций боевиков РСДРП и «лесных братьев». Главное было в том, что в процессе их проведения выковывались кадры людей, готовых выполнить любые приказы, способных убить человека так же спокойно, «как съесть тарелку щей». Сплоченные твердой дисциплиной, связанные кровью жертв, через которые они переступили, подчиненные одной воле, строго законспирированные, умевшие делать свою работу молча, боевики представляли собой силу с огромным потенциалом зла и разрушения. Нужны были условия для реализации этого потенциала. Они наступили в феврале 1917 года. Но и в условиях массовых арестов и провалов боевые организации продолжали существовать, только уходили в глубокое подполье. Сам Свердлов неоднократно сидел в тюрьмах и ссылках, откуда бежал при помощи своих боевиков. Все факты говорят о том, что эта мафиозная структура даже расширялась. В Нарымской ссылке Свердлов близко сошелся с Шайей Исааковичем Голощекиным, который стал его личным другом, а позднее представителем на Урале — ключевой фигурой, через которую шла вся подготовительная работа по убийству Царской семьи. Приезжая в Москву, Голощекин останавливался у Свердлова¹.

---

¹ Якова Свердлова и Шаю Голощекина, подтверждает в своих воспоминаниях жена Свердлова, «связывала не только общность взглядов, но и личная дружба».

ГЛАВА 14

*Масоны готовятся свергнуть Царя. — Подготовка
цареубийства. — План Гучкова. — Вариант Г.Е. Львова. —
Крымский заговор. — Морской план. — Образование
масонского правительства*

Вопрос о насильственном устранении Царя в 1915—1917 годах стал крае-угольным камнем масонской конспирации в России. В масонских кругах постоянно вынашивались планы цареубийства. *«В 1915 году, — рассказывает в своих воспоминаниях масон А.Ф. Керенский, — выступая на тайном собрании представителей либерального и умеренного консервативного большинства в Думе и Государственном Совете, обсуждавшем политику, проводимую Царем, в высшей степени консервативный либерал В.А. Маклаков (тоже масон. — О.П.) сказал, что предотвратить катастрофу и спасти Россию можно лишь повторив события 11 марта 1801 года (убийство Павла I)».* Керенский рассуждает о том, что различие во взглядах между ним и Маклаковым сводилось только ко времени, ибо сам Керенский пришел к выводу о «необходимости» убийства Царя на 10 лет раньше. *«И кроме того, — продолжает Керенский, — Маклаков и его единомышленники хотели бы, чтобы за них это сделали другие. Я же полагал, что, приняв идею, должно принять на себя и всю ответственность за нее, самолично пойдя на ее выполнение».* Призывы убить Царя со стороны Керенского продолжались и позже. В речи на заседании Государственной думы в феврале 1917 года он призывает к «физическому устранению Царя», поясняя, что с Царем следует сделать то же, «что совершил Брут во времена Древнего Рима».

Ведущая роль в подготовке заговора против Царя принадлежала таким высокопоставленным масонам, как А.И. Гучков, Г.Е. Львов, Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко. *«С самого начала, — вспоминал А.И. Гучков, — было ясно, что только ценой отречения Государя возможно получить известные шансы успеха в создании новой власти»*. Хотя заговорщики и не хотят думать о последствиях такого шага, но все же для успокоения своих собратьев, заявлявших о своем монархизме, берут свод законов Российской империи (этим занимается масон М.М. Федоров). Находят там закон, который, по их мнению, предусматривает отстранение носителя Верховной власти и установление регентства. Но по всему видно, что заговорщикам был нужен только благовидный повод для захвата власти, последствия же его они никак не рассматривали, хотя и очень боялись, как бы власть не захватила «улица». Возбужденная под влиянием их же пропаганды «улица» становилась опасным явлением, неуправляемым, как взрыв. Подлая дискредитация Царя, его правительства и окружения, проводимая как масонскими и революционными кругами, так и агентами германской разведки, связанными и с теми, и с другими, сделала свое дело.

По рассказу самого Гучкова, заговорщики прорабатывали несколько вариантов захвата власти¹. Первый вариант предусматривал захват Царя в Царском Селе или Петергофе. Этот вариант вызвал у заговорщиков сомнения, так как, если даже на их стороне будут какие-то воинские части, расположенные в Царской резиденции, все равно произойдет большое кровопролитие при столкновении с верными

---

¹ Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 204–207.

Государю частями. Второй вариант рассматривал возможность произвести эту операцию в Ставке, но для этого заговорщики должны были привлечь к делу членов Военной масонской ложи, в частности генералов Алексеева и Рузского. Однако Гучков и его соратники понимали, что участие высшего генералитета в акте государственной измены вызовет

Равин с жертвенным животным с головой Николая II (еврейская открытка)

раскол в армии и приведет к потере ее боеспособности. Решено было держать высших военных изменников в тени, чтобы не возбуждать общественное мнение. В конце концов, они больше могли сделать для заговора, влияя на события косвенным путем, не давая возможности верным военным частям прийти на помощь Государю (что в дальнейшем и произошло).

С генералом Алексеевым, сыгравшим роковую роль в отречении Государя, Гучков был хорошо знаком с Русско-японской войны, еще ближе они сошлись, когда генерал командовал Северо-Западным фронтом. Сам Гучков считал Алексеева человеком большого ума, но недостаточно развитой воли, разменивающим свой ум и талант на мелочную канце-

лярскую работу¹. В этой оценке Гучков был, безусловно, прав, она подтверждается воспоминаниями сотрудников генерала. Именно Гучков ввел Алексева в Военную масонскую ложу. Через Алексева Гучков пытается оказывать и оказывал влияние на военные действия. Он пишет письма со своими советами и тайно передает их Алексеву. Некоторые из этих писем становятся достоянием гласности и приобретают скандальную известность. В них Гучков клеветнически фальсифицирует события.

Алексеев получал также письма от Г.Е. Львова² и встречался с ним. Князь Львов рассказывал Милюкову, что вел переговоры с Алексеевым осенью 1916 года. У Алексева был план ареста Царицы в Ставке и заточения ее в монастырь. План не был осуществлен, потому что Алексеев заболел и уехал в Крым³.

О том, что офицеры Генерального штаба участвовали в заговоре, сообщал сам Гучков. *«Нужно признать, — сразу же после Февральской революции говорил он, — что тому положению, которое создалось теперь, когда власть все-таки в руках благомыслящих людей, мы обязаны, между прочим, тем, что нашлась группа офицеров Генерального штаба, которая взяла на себя ответственность в трудную минуту и организовала отпор правительственным войскам, надвигавшимся на Питер, — она-то и помогла Государственной Думе овладеть положением»*. Начальником штаба военной экспедиции генерала Иванова, направленного на подавление беспорядков в Петроград, был подполковник Капустин, стоявший на стороне заговорщиков⁴. Да и сам генерал Иванов, хотя и не был

---

¹ Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 200.

² Там же. С. 201.

³ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 92–93.

⁴ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 228–229.

масоном (?), принадлежал к кругу друзей начальника штаба Алексева и находился в личном знакомстве с Гучковым¹.

Наиболее реальным заговорщиками все же посчитали вариант с захватом царского поезда на пути из Петрограда в Ставку и обратно. Были изучены маршруты, выяснено, какие воинские части расположены вблизи этих путей, и оста-

Яков Шифф

новились на некоторых железнодорожных участках по соседству с расположением гвардейских кавалерийских частей в Новгородской губернии, в так называемых Аракчеевских казармах. Заговорщики верили в то, что гвардейские офицеры, усвоившие отрицательное, критическое отношение к правительственной политике, к правительственной власти — гораздо болезненнее и острее, чем в простых армейских частях, — станут их естественными единомышленниками. В целях исполнения третьего варианта к заговору привлекается еще один масон — князь Д.Л. Вяземский, сын члена Государственного совета, камер-юнкер, возглавлявший санитарный

¹ Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 200.

отряд великого князя Николая Николаевича. Через Вяземского заговорщики привлекли к делу гвардейских офицеров. Захват мыслился как боевая акция воинской части фронтового поезда. Схватив Царя, заговорщики надеялись вынудить у него отречение с назначением Наследника преемником. Готовились соответствующие манифесты, предполагалось все это выполнить в ночное время, чтобы утром Россия и армия узнали о двух актах, исходящих якобы от самой Верховной власти, — отречении и назначении Наследника. Хотя Гучков в 30-е годы утверждал, что речь о цареубийстве не шла, но трудно представить, что Государь мог добровольно отказаться от Престола. По-видимому, предусматривались еще какие-то методы воздействия на Царя, с помощью которых заговорщики хотели получить отречение. Скорее всего, предполагался заурядный рэкет — угроза жизни жены и детей, — негодьям было хорошо известно, как любил свою семью Царь! Дальнейшие события показали, что и этот метод был использован.

Предполагалась еще и высылка Царя за границу. Тот же Гучков откровенничал в узком кругу: *«На 1 марта был назначен внутренний дворцовый переворот. Группа твердых людей должна была собраться в Питере и на перегоне между Царским Селом и столицей проникнуть в царский поезд, арестовать Царя и выслать его немедленно за границу. Согласие некоторых иностранных правительств было получено»*¹. Таким образом, в заговоре были замешаны и представители других государств, по-видимому, прежде всего Франция, и, несомненно, через масонские связи.

О том, что готовится такая операция, знала также и германская сторона. Незадолго до февраля 1917

---

¹ Верховский А.И. Указ. соч. С. 228.

года болгарский посланник пытался выйти на контакт с русским правительством, чтобы предупредить его о готовящихся событиях. Со стороны германцев выход виделся в сепаратном мире. Однако для Царя, который держал свои обещания перед союзниками (не зная о той подлой игре, которую они вели с Ним), сепаратный мир с Германией был неприемлем.

Существовал и еще один план заговора против Царя. Его разрабатывал масон Г.Е. Львов. Предполагалось добиться отречения Царя и посадить на трон великого князя Николая Николаевича, а при нем сформировать правительство, в котором главную роль будут играть Львов и Гучков. Переговоры об этом с великим князем вел его друг — масон А.И. Хатисов. Причем при переговорах присутствовали жена великого князя, известная интриганка Анастасия Николаевна, и генерал Янушкевич. К плану такого переворота княжеская чета отнеслась сочувственно, а если и были сомнения, то только в технике его осуществления — последуют ли за заговорщиками армия и ее вожди, не вызовет ли это мятеж на фронте¹.

Самым кровавым был так называемый крымский заговор. Генерал А.М. Крымов, активный масон², предлагал осуществить убийство Царя на военном смотре в марте 1917 года³.

Генералу Крымову, пользовавшемуся репутацией решительного человека, отводилась большая роль и еще в одном варианте заговора. Как рассказывал масон Н.Д. Соколов, в феврале 1917 года в Петрограде, в кабинете Родзянко, прошло совещание ли-

---

¹ Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 213; Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931.

² Берберова Н. Люди и логи. Словарь.

³ Деникин А. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 36.

деров Государственной думы с генералами, на котором присутствовали генералы Рузский и Крымов. Присутствовавшие сошлись во мнении, что откладывать больше нельзя и в апреле, когда Царь будет ехать из Ставки, его в районе, контролируемом командующим фронтом Рузским, задержат и заставят отречься. Генералу Крымову отводилась в этом заговоре решающая роль, он был намечен в генерал-губернаторы Петрограда, чтобы решительно подавить всякое сопротивление со стороны верноподданных Царя. Заговор этот не был чисто масонским, ибо в нем участвовали не только масоны (например, Родзянко), хотя организующая роль здесь принадлежала тому же Гучкову. По сведениям Соколова, во главе этого варианта заговора стояли Гучков и Родзянко, с ними был связан Родзянко-сын, полковник (?) Преображенского полка, который создал целую организацию из крупных офицеров, куда, по некоторым данным, входил даже великий князь Дмитрий Павлович¹.

Наконец, существовал еще так называемый морской план. О нем говорил, в частности, Шульгин. Предполагалось пригласить Царицу на броненосец и увезти ее в Англию. Возможно, что заодно предполагалось увезти туда и Царя².

Готовясь устранить Царя, либерально-масонское подполье прорабатывает разные варианты его замены. Прежде всего, велась речь о передаче власти Наследнику при регентстве великого князя Михаила Александровича. Для некоторой части масонов была предпочтительней фигура великого князя Николая Николаевича. Существовал даже вариант установления новой династии — предполагаются

---

¹ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 95–97.

² Там же. С. 162.

и первые претенденты на Престол: Павел и Петр Долгоруковы-Рюриковичи, состоявшие в масонских ложах. Однако окончательно победила основная масонская точка зрения — полная ликвидация русского исторического строя и ликвидация монархии.

Обсуждение вопроса о захвате власти в 1915—1916 годы прошло во всех масонских ложах. Как пишет масон Кандауров, «перед февральской революцией Верховный Совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначить в Петрограде, на случай народных волнений, сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено, и революционным движением, без ведома руководимых, руководили в значительной степени члены лож или им сочувствующие»¹.

16 апреля 1916 года на тайном совещании на квартире масонов Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича представители прогрессистов, левых кадетов и правосоциалистических партий, тоже из числа масонов, еще раз обсудили опубликованные в газете «Утро России» списки кандидатов в министры. На этом совещании в качестве премьера был предложен все тот же руководитель Земгора масон Г.Е. Львов.

В конечном итоге новый состав правительства складывается в тайной конспирации либерально-масонского подполья, из заговорщиков-руководителей масонских лож, одновременно возглавлявших видные «общественные организации» — Земгор, Центральный Военно-промышленный комитет, Прогрессивный блок Государственной думы. Все было решено и оговорено заранее, хотя широкая общественность ничего не знала. Сговор прошел за

---

¹ ОА. ф. 730, оп. 1, д. 172, л. 30.

ее спиной. Кандидатуры были готовы и предложены с подачи руководителей «общественных организаций» — масонов.

«Не то чтобы составлялись списки будущего правительства, — проговаривается видный кадет-масон Н.И. Астров, — но неоднократно перебирались имена, назывались разные комбинации имен. Словом, тут работала общественная мысль: в результате этой работы слагалось общественное мнение. Получалось любопытное явление. Повсюду назывались одни и те же имена».

9–10 декабря 1916 года в Москве у масона Коновалова в который раз собрались представители Союза городов и выработали важные политические резолюции. Смысл их был один: низвержение правительства и установление правительства из числа «общественных деятелей». Резолюции содержали обычную леволиберальную риторику и были практически направлены на захват власти в стране лицами, принадлежавшими в своем большинстве к масонским ложам. Резолюции были подготовлены при участии масонов М.М. Федорова, Астрова, Челнокова, Третьякова, Прокоповича. За день до этого близкая по смыслу резолюция была принята Земским съездом в Москве и зачитана в помещении Земского союза. На квартире Коновалова также обсуждался и состав будущего правительства. В качестве кандидатур на должность председателя Совета министров наметили А.И. Гучкова и князя Г.Е. Львова, а в министры — М.М. Федорова, Коновалова, Кутлера (все масоны)¹.

Все резолюции было предложено размножить в возможно большем количестве и широко распространить по всей России, а также на фронте в

---

¹ ГАРФ, ф. 97, д. 27, л. 562.

войсках, «дабы создать в массах оппозиционное и даже революционное направление». На заседании Центрального Военно-промышленного комитета открыто говорилось (об этом сообщали секретные агенты), что если будет подходящее настроение в массах, которое должно быть подготовлено резолюциями, то Государственная дума должна провозгласить, что нынешний состав министров низвергнут, а затем составить временное правительство. При обсуждении масон Казакевич возразил, что для разрешения подобных задач потребуется помощь армии и потому необходимо к ней обратиться. На это масон Терещенко ответил, что «обращаться к армии не надо, а достаточно 2—3 полка, с которыми можно будет все выполнить»¹.

Либерально-масонское подполье использует все возможные способы, чтобы склонить Царя на создание угодного ему правительства. В 1916—1917 годах орудием масонской интриги становится некто А.А. Клопов, чиновник Министерства финансов, на которого еще в 1898 году Николай II случайно обратил внимание и разрешил писать ему лично, сделал его как бы информатором о настроениях в стране. Остается открытым вопрос, был ли Клопов сам масоном или только подпал под их влияние. Однако одно совершенно очевидно — в 1916—1917 годах он был тесно связан с масонами Г.Е. Львовым и генералом Алексеевым. Как справедливо отмечалось исследователями, в письмах, которые Клопов писал Царю, чувствовалось влияние масонов Коновалова, Некрасова и Керенского². За монархическо-верноподданнической словесной оболочкой протаскивались требования либерально-масонских кру-

---

¹ ГАРФ, ф. 97, д. 27, л. 563.

² Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 205.

гов о создании подконтрольного им правительства, руководимого князем Львовым. К одному из писем Клопова о создании правительства во главе со Львовым прилагалась чудовищная по своей лживости справка о последнем. Злейший враг Царя представлялся в ней как его друг.

ГЛАВА 15

Заговорщики торопятся. — Убийство Распутина. — Наступление германо-большевистского альянса. — Подготовка государственного переворота. — Ложный голод. — Начало антирусского восстания. Военный мятеж в Петрограде. — Образование Петросовета. Узурпация прав законной власти думским Временным комитетом. Арест русского правительства. — Цареубийство предрешено

В конце 1916 года механизм антирусской революции был полностью подготовлен к решительным действиям. Либерально-масонским подпольем разработаны планы устранения Царя, создано отрицательное общественное мнение о законной Русской власти как неспособной и преступной, подготовлены люди для будущего революционного правительства. Заговорщики торопились, ибо предстоящее весной наступление по всем прогнозам должно было закончиться окончательной победой русского оружия, а следовательно, еще большей славой русского Царя. Для них это означало крушение планов захвата власти. Более того, глубина измены и предательства, которые творились в обществе, пугало самих заговорщиков. Как и Гучков, они понимали, что ими сделано достаточно, чтобы быть повешенными за измену. Заговорщики отдавали себе отчет, что рано или поздно их планы будут раскрыты, а значит, им придется понести заслуженное наказание. Многим деятелям либерально-масонского подполья кроме ответственности за государственную измену грозило уголовное преследование за разные постыдные поступки. Ожидались серьезные судебные разбирательства по делам о денежных махинациях и взяточничестве в Земгоре и военно-

промышленных комитетах, в которых были замешаны лично Г.Е. Львов, А.И. Гучков, А.И. Коновалов, В.А. Маклаков, П.П. Рябушинский и множество других крупных «общественных деятелей».¹ Судебная ответственность за клевету ожидала и П.Н. Миллюкова.

Торопились и представители германо-большевистского альянса. Для Германии антиправительственное восстание в России было, пожалуй, единственным шансом остановить победоносное наступление русских.

Инструкции германской разведки большевистским лидерам настаивают на немедленной организации всеобщей политической забастовки, германский Генштаб выделяет на нее огромные средства для раздачи рабочим бастующих предприятий, содержание большевистских функционеров и ведение подрывной агитации.

И либерально-масонское подполье, и германо-большевистский альянс как бы наперегонки стремятся к исполнению своих преступных планов.

Первым решительным шагом против Царя становится убийство друга царской семьи Г.Е. Распутина. Зная его близость к царской чете, заговорщики таким образом хотели деморализовать Царя.

Последний раз Царь встретился с Распутиным 2 декабря. Как рассказывает Вырубова, Григорий Ефимович ободрил Царя, сказав, что главное — не надо заключать мира, так как та страна победит, которая покажет более стойкости и терпения. Ког-

---

¹ Например, масон В.А. Маклаков обманным путем получил от казны пособие в размере 10 тыс. рублей. Субсидии этот «вольный каменщик» добился под предлогом осушения болот в своем имении. Когда государственная комиссия произвела проверку, то выяснилось, что болота по-прежнему стояли, а деньги предприимчивый масон пустил в коммерцию. Разоблачение обмана вызвало у Маклакова новый взрыв ненависти против «прогнившего самодержавия» (Владимирский вестник. 1964, январь. С. 17).

да царская чета собралась уходить, Царь сказал как всегда: «Григорий, перекрести нас всех». «Сегодня Ты благослови меня», — ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал.

Идейным руководителем и организатором убийства был масон, кадет В.А. Маклаков. Заранее был разработан план и выбрано место ликвидации трупа и уничтожения вещей жертвы. В преступлении принимали участие представители всех общественных слоев, пораженных болезнью отторжения от России.

Представитель аристократической черни, высших правящих слоев общества, в силу западного воспитания и жизненной ориентации безнадежно оторванных от Русского народа, член масонского общества «Маяк», князь Ф.Ф. Юсупов, по характеру слабонервный неженка, хлыщ и фат, которого Распутин лечил от психических расстройств.

Представитель выродившейся части династии Романовых великий князь Дмитрий Павлович, связанный с масонством, двуличный, подлый, раздираемый политическими амбициями гомосексуалист.

Правый радикал, экстремист, позер и краснобай, один из тех, кто своей неумной, самодовольной деятельностью дискредитировал русское патриотическое движение, В. М. Пуришкевич.

Преступники заманили Распутина во дворец Юсупова, неудачно пытались отравить, а потом стреляли из пистолета, сначала в спину, затем куда попало, а потом еще добивали гирей по голове. Зверски замученный Распутин был брошен в прорубь возле Крестовского острова.

Похороны Распутина состоялись утром 21 декабря в полной тайне. Никто, кроме царской четы с дочерьми, Вырубовой и еще двух-трех человек, на

них не был. Почитателям Распутина прийти не разрешили. Царская семья тяжело переживала случившееся. Особенно удручало, что многие из ее окружения, даже близкие люди, радовались убийству. Особенно царскую чету поразили перехваченные полицией телеграммы, которые родная сестра Царицы великая княгиня Елизавета Федоровна послала убийцам Дмитрию Павловичу и Юсупову, поздравляя их с убийством и благодаря их за него. Эти постыдные телеграммы, пишет Вырубова, совсем убили Государыню — «она плакала горько и безутешно, и я ничем не могла успокоить ее». Благословляя «патриотический акт» убийц, Елизавета Федоровна поддалась общей социальной истерии, которая и опрокинула общество в 1917 году. Рукоплеща убийцам Распутина, Елизавета, по сути, рукоплескала и убийцам своего мужа, и своим будущим убийцам. Поддаваясь общему настроению нетерпимости, признавая убийство как способ решения социальных проблем, она, как и многие тогда, отступила от идеалов Православия.

Да что говорить, если Царь и Царица в известном смысле тоже поддались этому настроению! Ведь убийцы остались без возмездия. Против них не было возбуждено дело, не было справедливого разбирательства. Царь ограничился высылкой Юсупова в свое имение и переводом Дмитрия Павловича на Кавказ. Даже малолетний Царевич Алексей был удивлен, почему Царь справедливо не наказал убийц. Вырубова пишет: Их Величество не сразу решили сказать ему об убийстве Распутина, когда же потихоньку ему сообщили, Алексей Николаевич расплакался, уткнув голову в руки. Затем, повернувшись к отцу, он воскликнул гневно: «Неужели, папа, ты их хорошенько не накажешь? Ведь убийцу Сто-

лыпина повесили!» Государь ничего не ответил ему. На российское общество это произвело огромное впечатление — в общественном сознании возникло «право» на безвозмездное убийство — главный двигатель будущей революции.

После убийства Распутина в масонских ложах проходят заседания, на которых обсуждаются направления антиправительственной агитации. Новая волна клеветнических слухов, распускаемых либерально-масонским подпольем, еще более усиливает обвинение против Царицы о ее «связи» с германскими шпионами, «передаче» немцам военных планов. Само убийство Распутина объявляется «справедливым актом русских патриотов» против «шпионского гнезда темных сил». Центром распространения этих слухов становятся квартиры масонов Коновалова и Керенского.

Германо-большевистский альянс начал свое наступление 9 января 1917 года новой попыткой организации всеобщей забастовки. Полностью были мобилизованы большевики и эсеры-националисты. На забастовку в Петрограде удалось поднять 138 тыс. рабочих,¹ что было явно недостаточно для выполнения директив германского командования. Конечно, сказался тот факт, что в первых числах января русская полиция арестовала Петроградский комитет большевиков и захватила их подпольную типографию, в которой они собирались печатать листовки и брошюры. Тем не менее на ряде заводов прошли политические митинги, где заранее заготовленные пропагандисты вели пораженческую агитацию. В общем же выступление 9 января большого успеха не имело.

---

¹ ГАРФ, ф. 97, д. 37, л. 2.

Либерально-масонское подполье пытается взять инициативу в рабочем движении в свои руки. На день открытия заседания Государственной Думы 14 февраля 1917 года по инициативе руководителя Рабочей группы гучковского ВПК масона Гвоздева, членов Думы – масонов Н.С. Чхеидзе и Керенского, а также при поддержке Прогрессивного блока планируется проведение «мирной» рабочей демонстрации к Таврическому дворцу.

В ночь на 27 января 1917 года наряд полиции во главе с жандармским полковником произвел обыск в помещении Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, где обнаружен целый ряд документов, подтверждающих подрывной характер предстоящей рабочей демонстрации как подготовки к государственному перевороту. В ту же ночь арестовываются руководители Рабочей группы масон К.А. Гвоздев, Г.Е. Брейдо, Е.А. Гудков, И.И. Емельянов, И.Т. Качалов, В.М. Шилин, Н.Я. Яковлев, Ф.Я. Яковлев и секретарь группы Б.О. Богданов.

В масонских кругах подполья переполох. 29 января с соблюдением предосторожности собралось масонское совещание «общественных деятелей», на котором присутствовали многие видные представители (около 35 человек): А.И. Гучков, Коновалов, Изнар, Кутлер, Казакевич центральный ВПК; Переверзев, Девяткин, Черегородцев – московский ВПК; Керенский, Чхеидзе, Аджемов, Караулов, Милюков, Бубликов Государственная Дума; некто князь Друцкий – представитель Земгора.

В результате совещания было решено «избрать из своей среды особо законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности» и провести «мирную» рабочую демонстрацию.

Естественно, германо-большевистский альянс пытается использовать подготавливаемую масонами рабочую демонстрацию в собственных интересах, протаскивая при организации свои пораженческие лозунги. Однако совместное масонско-большевистское мероприятие проходит «вяло и неэффективно». Хотя 14 февраля 1916 года в Петрограде бастовали почти 90 тыс. человек на 58 предприятиях, особого подъема и энтузиазма не чувствовалось.

С утра прекратили работу рабочие Обуховского завода. Выйдя из цехов, они пытались устроить демонстрации, но были рассеяны полицией. Тогда они пошли на Императорскую карточную фабрику и чугунолитейный завод подбивать на забастовку их рабочих.

К полудню на Петергофском шоссе собралась толпа, человек 150, со знаменами и лозунгами «Да здравствует демократическая республика!», «Долой войну!» и пыталась организовать демонстрацию, но была разогнана полицией. Еще несколько попыток предпринято у Литейного моста и на Невском проспекте, но каждый раз все заканчивалось решительными действиями полиции.

Неспокойно было и в Петроградском университете, где собралась толпа студентов человек в 300, один из которых призывал присутствующих поддержать рабочих. Часть студентов поддержала предложение и начала собираться на демонстрацию на Университетскую набережную, но была разогнана.

На день раньше состоялась сходка 300 студентов Политехнического института, которая вынесла резолюцию: в знак сочувствия движению рабочих объявить трехдневную забастовку 13, 14, 15 февраля. 14 февраля студенты пытались вновь устроить сход-

ку, но из-за отсутствия желающих говорить сходка не состоялась. Вместе с тем лекции в институте шли своим чередом.

Вместе с выступлениями рабочих и студентов 14 февраля были отмечены беспорядки, которые произвели толпы новобранцев на Порховском шоссе и на Загородном проспекте. В первом случае они разбросали продукты из овощной лавки, в другом — разбили стекла в трех часовых магазинах и похитили оттуда часы.¹

В общем, массовую демонстрацию у Государственной Думы либерально-масонскому подполью провести не удалось. Собралась небольшая толпа в несколько сот человек, которые тотчас же были разогнаны полицией. Неудачу демонстрации Керенский объяснил происками большевиков.

Все свидетели событий февраля 1917 года отмечают удивительно организованный характер революционных беспорядков, начавшихся сразу же после отъезда Царя из Петрограда. 22 февраля они, как по мановению волшебной палочки, охватили столицу. Как считал Родзянко, подготовка революционных беспорядков осуществлялась в среде членов Исполнительного Совета рабочих депутатов, который имел, несомненно, определенные директивы и действовал по заранее тонко и всесторонне обдуманному плану, выдвигая вперед себя Государственную Думу как бы в виде народного революционного знамени. «Даже зданием и помещением Государственной Думы сразу же в первый день овладели вооруженные рабочие, чему воспротивиться было уже невозможно... Однообразие плана... складывалось и в деревне, и в провинции, и в городах,

---

¹ Там же, д. 39, л. 63.

что подтверждается целым рядом документальных данных».¹

Итак, председатель Государственной Думы не сомневался, что беспорядки были организованы по определенному плану и управлялись из единого центра. Но ведь Исполком Совета рабочих депутатов возник только 27 февраля, а организованные беспорядки начались с 23 февраля. Кто же руководил ими до 27 февраля? Ни большевики, ни эсеры, ни тем более кадеты или октябристы даже после отречения Царя, когда им, казалось, больше ничего не грозило, в этом не признались. Значит, существовали некие тайные силы, совсем не заинтересованные в огласке их причастности к событиям.

В то же время в России таких реальных сил было только две — либерально-масонское подполье и германо-большевистский (диверсионно-шпионский) альянс. Так как сам Родзянко принадлежал к либерально-масонскому подполью и даже участвовал в заговоре против Царя, его неосведомленность в этом вопросе свидетельствовала, что беспорядки, начавшиеся 23 февраля, были организованы не либерально-масонским подпольем (которое в это время готовило свой заговор), а германо-большевистским альянсом, поднявшим восстание против законной Русской власти. Однако, как показали дальнейшие события, либерально-масонское подполье с радостью поддерживало антирусское восстание, руководимое германскими агентами и большевиками, пытаясь использовать его плоды в своих интересах. Причем очевидно, что многие деятели либерально-масонского подполья совершенно ясно понимали характер и источники

---

¹ Архив русской революции. Т. 6. С. 64.

финансирования революционных беспорядков, сознательно закрывая на это глаза (собственно, на это и намекает сам Родзянко).

После 14 февраля германо-большевистский альянс проводит преступную операцию по организации массовых беспорядков в Петрограде. На этот раз поводом для беспорядков было решено сделать голод. По архивным документам совершенно очевидно, что Петроград был достаточно хорошо снабжен продовольствием и хлебом, но вдруг в ряде рабочих районов внезапно обнаруживается недостаток хлеба. Оказалось что хлеб у лавочников скупили по большим ценам какие-то темные личности и увезли из города. Другие подобные же личности появились среди рабочих и пытались подбить их на забастовки и демонстрации, предлагая деньги в забастовочный фонд и отдельным рабочим-активистам. Проведя такую подготовительную работу, германо-большевистский альянс начал новое выступление сразу же после отъезда Царя в Ставку 22 февраля.

Уже 23 февраля подрывные элементы провели очень действенную, хорошо организованную антиправительственную демонстрацию. Началась она утром и проходила в форме оживленного движения организованных толп с тремя главными пунктами сбора — Знаменская площадь, Невский проспект, Городская Дума. Люди в толпах как бы шли по своим делам, заунывно повторяя: «Хлеба, хлеба...» Так продолжалось целый день. По словам петербургского градоначальника, толпа как бы стонала: «Хлеба, хлеба...» Причем лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста».¹ Фор-

---

¹ Русское прошлое. 1991. № 1. С. 26.

ма демонстрации поставила в тупик полицию. И население, и полиция прекрасно знали, что хлеб и продовольствие в городе есть, голода не было, достать можно было все — к хвостам привыкли. В городских складах находился запас ржаной и пшеничной муки на 10—12 дней, кроме того, мука имелась еще и в пекарнях. «Военные запасы в счет не шли, и в крайнем случае можно было бы и ими воспользоваться».¹ Более того, в Петроград шли эшелоны с дополнительным количеством муки. Вместе со «странной демонстрацией» подрывные силы в Петрограде сумели поднять на забастовку 128 тыс. рабочих, большевики призывали к проведению всеобщей забастовки.

24 февраля подобная «странная» демонстрация продолжилась. Через Неву, обходя стороной наряды полиции, двигались непрерывные вереницы людей. На Литейном, Знаменской площади по Невскому от Николаевского вокзала и в других местах сосредоточились большие массы праздного народа, движением которых руководил невидимый дирижер. Кое-где виднелись красные флаги и лозунги «Долой войну!», «Долой Самодержавие!» Прекратилось движение трамваев, не ходили извозчики. В результате были вызваны войска, и поддержание порядка в столице перешло в руки командующего войсками Петроградского округа Хабалова, подчинявшегося непосредственно Ставке.

25 февраля началось хорошо. Работали магазины. Трудности со снабжением продовольствия не было. Хлеб имелся в достатке. Сенная площадь была переполнена продуктами. В изобилии продавались дешевые и вкусные колбасы.

---

¹ Русское прошлое. 1991. № 1. С. 28.

Однако характер выступлений изменился. По данным городских властей, во многих местах стали появляться «ораторы» с призывом низвергнуть «преступное предавшееся на сторону немцев правительство». Призывали войска обратить штыки на «изменников» и избивать чинов полиции. Состав толпы был уже иной, преобладали подонки и интеллигентская молодежь с немалым процентом молодых евреев.¹

25 февраля все продовольственное дело столицы решением правительства князя Голицына было передано городскому общественному управлению,² что в значительной степени ослабило государственную власть над городом.

Полицейские сводки тревожно констатируют рост беспорядков. Бастовало уже 240 тыс. рабочих. С 10 часов утра бастующие рабочие разных районов города направились на Невский проспект, где проводится демонстрация с красными флагами и пением революционных песен. Несмотря на попытки полиции разогнать демонстрацию, беспорядки были прекращены лишь вечером. Причем со стороны демонстрантов в полицию неоднократно стреляли из револьверов. Полиция стремилась навести порядок и отобрать красные флаги. В борьбе с толпой, подстрекаемой темными элементами, погиб ротмистр Крылов, получили пулевые ранения 3 полицейских. Кроме этого, толпа напала и избивала полицмейстера полковника Шалфеева и 4 полицейских.

К вечеру страсти накалились еще больше. Были вызваны войска и возле Гостиного Двора дан залп по толпе, после чего она разбежалась, оставив на

---

¹ Русское прошлое. 1991. № 1. С. 36.

² ГАРФ, ф. 97, д. 40, л. 6.

земле 2 убитых и 10 раненых (один из которых умер в больнице).¹

Министр внутренних дел Протопопов явно не владел ситуацией. 26 февраля он пытается убедить Царя, что положение в городе в целом контролируется и что 27-го числа часть рабочих собирается прекратить забастовку. Но даже по его рапорту видно, что положение критическое.

На Литовской улице, Знаменской площади, на пересечениях Невского с Владимирским проспектом и Садовой улицей образовалась огромная толпа, среди которой ходили подстрекатели — революционеры и немецкие шпионы. В некоторых местах из толпы летели камни, сколотый на улицах лед. Войска сделали залп в воздух, но это не оказало никакого воздействия на толпу, а только вызвало издевательские насмешки. Следующий залп был уже боевыми патронами, снова — убитые и раненые, большую часть которых толпа, разбегаясь, уносила с собой. А тем временем революционеры и германские шпионы, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские части, провоцируя их на использование оружия.

Охранное отделение производит свои последние аресты. Схвачены собравшиеся на запрещенное собрание в помещении Центрального военно-промышленного комитета, а также 135 разных партийных деятелей и революционных главарей.²

В борьбе с организованными силами революционной бесовщины и германской агентуры главной опорой властей, естественно, были полиция и воинские части.

---

¹ ГАРФ, ф. 97, д. 40, л. 7.

² Там же, л. 9.

Однако уже в первые дни смуты определилось, что полицейских явно не хватает. Оказалось, что и так малочисленные штаты полиции совсем недавно были ослаблены отправкой на фронт многих тысяч городских и нижних чинов. В результате на 2,5 млн. населения Петрограда силы поддержания порядка не превышали 10 тыс. человек.

Еще более серьезной проблемой стали войска. Уже в начале беспорядков власти с ужасом поняли, что они не надежны. Одна из главных причин ненадежности воинских частей в Петрограде состояла в том, что большинство из них еще не были собственно солдатами, а только мобилизованной, необученной, недисциплинированной массой запасных гвардейских батальонов. Трудно сказать, был ли это злой умысел, во всяком случае — не исключено, но концентрация в Петрограде десятков тысяч новобранцев, не ставших еще настоящими солдатами, была осуществлена по распоряжению бывшего военного министра масона Поливанова. Как рассказывает генерал Дубенский, эти будущие солдаты помещались в скученном виде в казармах, где люди располагались для сна в два, три и четыре яруса. Наблюдать за такими частями становилось трудно, не хватало офицеров, и возможность пропаганды существовала полная. В сущности, эти запасные батальоны вовсе не были преображенцы, семеновцы, егеря и т.д. Никто из молодых солдат еще не был в полках, а только обучался, чтобы потом попасть в ряды того или другого полка и получить дух, физиономию части и впитать ее традиции. Многие из солдат запасных батальонов не были даже приведены к военной присяге Государю. Вот почему этот молодой контингент так называемых гвардейских солдат не мог быть стоек и, выйдя 24, 25 и 26 февраля на

усмирение беспорядков, зашатался и затем начался бессмысленный и беспощадный солдатский бунт.¹

В этот же день произошел первый случай бунта со стороны солдатских частей против законной власти. Произошел он, скорее всего, случайно, по трагическому стечению обстоятельств, как акт самозащиты «мгновенного инстинкта, нервного подъема» измученных неразберихой и хаосом последних дней солдат. Как рассказывает член РСДРП Н. Суханов, дело обстояло следующим образом. Небольшой отряд конной полиции имел директиву разогнать толпу, скопившуюся на Екатерининском канале; ради безопасности городовые стали стрелять в нее с противоположной набережной, через канал. В это время на Екатерининском канале, по набережной, занятой толпой, проходил куда-то отряд Павловского полка. Видя картину расстрела, находясь сами в районе обстрела, павловцы открыли огонь через канал, по городovým. Завязалась перестрелка, после которой павловцы вернулись в казармы бунтовщиками.² В казармах произошла еще одна перестрелка между верной правительству частью полка и вернувшимися бунтовщиками. В результате чего последние, которым было уже нечего терять, ибо за бунт их ждала смертная казнь, бросились по окрестным полкам, призывая их присоединиться к бунту, говоря своим товарищам, что их вскоре если не расстреляют, то отправят на фронт. Активную помощь в этой агитации оказали и представители германо-большевистского альянса, а попросту, немецкие агенты, которые и не мечтали о таком успехе своей подрывной работы. Они ходили по казармам и убеждали солдат, что даже те, кто не

---

¹ Отречение Николая II: воспоминания очевидцев. Л., 1927. С. 48.

² Суханов Н. Записки о революции. Кн. 1. Петербург, 1919. С. 15.

участвовал в бунте, все равно будут отправлены на фронт, и уже лучше выступить сейчас и бороться за свободу. В общем, этот случай ознаменовал перелом в событиях. Если до 26 февраля законная власть контролировала события, то с 27 февраля процесс приобрел неуправляемый характер. 27 февраля восстали Литовский и Преображенский полки, в которых всю ночь работали большевистские агитаторы и германские агенты. Причем в последнем солдаты (а по другой версии, переодетый в солдатскую форму немецкий агент) убили своего командира Богдановича и вместе с павловскими бунтовщиками и революционными бесами двинулись в другие части, призывая присоединиться к бунту. Учебная команда Волынского полка также убила своего командира. Взбунтовавшиеся полки делились своим оружием с революционерами. Во многих местах Петрограда раздавалась стрельба.

27 февраля, когда события начинают развиваться в пользу подрывных сил, они решаются легализовать себя путем создания открытого органа руководства подрывной работы. Практически в один день возникают два таких органа, причем инициатором обоих из них выступили видные деятели либерально-масонского подполья.

Днем 27 февраля в здании Государственной Думы, в Таврическом дворце, на основе масонской Рабочей группы Военно-промышленного комитета при участии ряда депутатов Государственной Думы создается так называемый Временный исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих депутатов. Вечером при случайном составе лиц началось его первое заседание, на котором было избрано руководство, состоявшее только из членов масонских лож — Чхеидзе (председатель), Керенский и Ско-

белев (заместители). Первый состав Центрального Комитета Совета не включал ни одного русского, а три четверти его были евреи: Гурвич (Дан), Гольдман (Либер), Гоц, Гендельман, Розенфельд (Каменев). Были также один поляк и один армянин. Секретарем Петросовета стал связанный с немецкой разведкой масон Н.Д. Соколов, выполнявший те же функции при Верховном Совете российских масонов.

Петросовет принялся за организацию бандформирований для борьбы с законной Русской властью, при нем была создана военная комиссия, которую возглавил масон С.Д. Мстиславский (Масловский) (член Военной масонской ложи, тот самый, который в свое время предлагал убить Царя). Петросовет сумел установить реальный контроль над восставшими солдатскими массами и фактически руководил ими.

В ночь на 28 февраля в том же Таврическом дворце создается второй центр собирания антирусских сил – Временный Комитет Государственной Думы, присвоивший себе право правительства. Из тринадцати членов Комитета одиннадцать были масоны – Н.А. Некрасов (секретарь Верховного Совета масонов), князь Г.Е. Львов, М.А. Караулов, А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, В.А. Ржевский, И.И. Дмитрюков, С.И. Шидловский, А.И. Шингарев, Б.А. Энгельгардт, Н. С. Чхеидзе (председатель Петросовета). И только двое – Шульгин и Родзянко – не принадлежали к масонским ложам. Временный комитет назначил комиссаров во все министерства, отстранив от должности законных министров. Комиссар Министерства путей сообщения масон А. Бубликов (открыто заявивший, что мораль в политике только вредна) взял под контроль железные

дороги и телеграфную связь, прежде всего между Петроградом и Ставкой. Временный комитет, как и Петросовет, образовал свое военное руководство, которое возглавил масон полковник Б.А. Энгельгардт.

Таким образом, если до 27 февраля руководство антирусским движением осуществлялось подпольно, то с 27-го оно приобрело два «легальных» центра, посредством которых сознательно демонтировались учреждения законной Русской власти, была преступным путем разорвана связь между Русским народом и носителем Верховной Русской власти — Царем. Комиссар железных дорог Бубликов рассылает по ходу предполагаемого следования царского поезда своих эмиссаров, которые на узловых станциях насильно, под угрозой смерти отстраняют от выполнения обязанностей начальников станций и лиц, ведающих телеграфной связью, определяя на их места своих людей, которые полностью блокировали связь между Царем и русским правительством, между Царем и его семьей. Связь Царя с окружающим миром могла осуществляться только через Ставку, которая контролировалась заговорщиками.

Фактически уже 28 февраля Царь пал жертвой заговора и был отстранен от власти. Произошел государственный переворот, в котором участвовали прежде всего руководители либерально-масонского подполья, Государственной Думы и, что важнее всего, высшего военного командования. Царь, полностью изолированный в своем поезде от России, не мог уже сделать ничего. Цареубийство было пред-
решено.

ГЛАВА 16

*Еврейские большевики на Урале. — Бандитский террор. —
Грабежи. — Решение убить Царя. — Ленин и Свердлов*

В апреле 1917 года Свердлов приехал в Екатеринбург как представитель ЦК РСДРП и остановился на квартире у Я.Х. Юровского. Как отмечает сам Юровский, с этого момента началась настоящая большевистская работа. Пробыл Свердлов на Урале две недели, но за это время произвел полную перетряску большевистских организаций. Старая гвардия боевиков из подполья выдвигается на самые важные партийные должности. Членами Уральского областного комитета РСДРП избираются Свердлов, Белобородов, Крестинский и Сосновский. Позднее включаются Голощекин и Сыромолотов. На ключевые позиции расставляются Чуцкаев, Ермаков, Быков, Вайнер, Жилинский, Парамонов, Павлов, Юровский, Герцман.

С самого начала большевики формируют вооруженные отряды революционеров, устанавливая им неплохие по тем временам продовольственные пайки. Идет постоянная демонстрация силы. Так, 20 сентября 1917 года большевистская газета «Уральский рабочий» рассказывает о том, как невьянская организация РСДРП произвела смотр своих сил: по главной площади маршевым шагом со знаменами и музыкой шли отряды революционеров. Так устанавливался новый порядок. К концу 1917 — началу 1918 года на Урале сколачивается мощная организация РСДРП(б) численностью до 35 тыс. человек (в том числе в Екатеринбурге 3 тыс., в Перми 2,4 тыс.), ядром которой стали члены боевых организаций 1905—1907 годов. По силе своего влияния с

РСДРП(б) могла соперничать только эсеровская организация, но последняя не имела твердого боевого костяка и не обладала такими запасами оружия, как большевики.

Летом-осенью в Екатеринбурге собираются и другие действующие лица будущей трагедии. В ноябре 1917 года председателем городской думы становится Пинхус Лазаревич Войков (Вайнер), секретарем — Л.И. Вайнер, городским головой — С.Е. Чуцкаев. 8 ноября Уральский областной совет рабочих и солдатских депутатов объявляет о захвате власти. Председателем становится Белобородов, его ближайшие соратники — членами совета: Голощекин (комиссар юстиции, позднее военный комиссар), Войков (комиссар продовольствия), Сыромолотов (комиссар финансов). Важную роль при новой власти играли Быков, Жилинский, Юровский¹. Шаг за шагом большевики берут под контроль все ключевые позиции в городе и области. Оружие разрешается носить только большевикам и их сторонникам. Рабочие многих уральских заводов обкладываются данью в пользу совдепов. Например, в Таватуге в пользу совета отчислялось 2 процента фонда заработной платы рабочих. Они удерживались в кассе завода и передавались казначею совета. Рабочие, которые отказывались платить «дань», шельмовались как контрреволюционеры².

Новый этап укрепления власти Уралсовета наступил после разгона Учредительного собрания. Результаты выборов в Учредительное собрание на Урале показали, что большая часть населения про-

---

¹ Юровский, например, занимал должность комиссара юстиции Уральской области, с ноября 1918 — член коллегии Уралчека. В 1917—1918 он был также председателем следственной комиссии Уральской области, членом военного совета области, заведующим охраной Екатеринбургa.

² Уральский рабочий. 1917. 8 сент.

голосовала против большевиков — 61%. Большевиков поддержало 39%¹, эсеров — 40%, кадетов — 9%². По этим результатам было ясно, что большевики не имеют законного права находиться у власти. Однако любые выступления и протесты подавляются с помощью оружия. Начинает активно функционировать Уральская Чека. Ее первым председателем стал старый боевик М.И. Ефремов, позднее — Иван Бобылев, а потом, уже в июле 1918 года, — Федор Лукоянов. Юровский назначается заместителем комиссара юстиции Голощекина, а зачастую выполняет его функции. Арестовываются и расстреливаются активисты и руководители других партий, работники царского государственного аппарата, священники, купцы, предприниматели. Реквизируются оружие, транспортные средства. Под разными предлогами идет конфискация личного имущества, денег, домов состоятельных граждан. Осуществляется «добыча золота и драгоценностей» на нужды революции. Юровский в своих воспоминаниях рассказывает, как шло изъятие золота и драгоценностей в особняках богачей, в ювелирном магазине Берха, в особняке братьев Агафуровых (изъяли до двух пудов золота, массу бриллиантов, жемчуга, серебра). Управляющих банками арестовали и мучили до тех пор, пока они не отдали ключи от хранилищ золота³. Шло массовое ограбление церквей. Немало богачей, священников и представителей интеллигенции тогда арестовывались и исчезали бесследно (после прихода белых в Екатеринбурге было обнаружено много массовых захоронений расстрелянных граждан города). Кровь лилась рекой. Старики рассказывали мне, что

---

¹ Это больше, чем в среднем по России.

² Уральский рабочий. 1917. 11 дек.

³ СПА, ф. 41, оп. 2, д. 28, л. 26–27.

вокруг города много болот (глубиной до 6 метров) и шахт, и слишком «строптивные» граждане навечно исчезли в них. Например, на болотах делалось так: настилали длинные слеги по болоту, проносили связанную жертву и кидали, где глубже. Массовые расстрелы производили на «11 километре» Московского тракта. Старого боевика П. Ермакова, возглавлявшего военный отряд, нередко направляли на подавление восстаний. Руководителей этих восстаний, как повествует в своих воспоминаниях сам Ермаков, он расстреливал лично¹.

В глазах представителей новой власти человеческая жизнь была обесценена до нуля. Вот хотя бы такой факт, рассказанный Юровским². *«В связи с нашим требованием о проведении в жизнь выборности командного состава собралось все бывшее в Екатеринбургe офицерство... больше 2000 человек... я был тогда зам. председателя военного отдела... договорились с Филиппом Голощекиным пойти послушать, что они говорят и думают делать... Побыв полчаса, я вышел, меня тут ожидал Филипп, потолковали мы с ним, что нам делать и что предпринимать. И как будто не то полушутя, не то серьезно Филипп спросил: “А может, вызвать воинскую часть и пулеметы?” Я говорю, что можно, но, потолковав, решили, что этого делать не следует...»*³. С инакомыслящими разделявались так скоро, что «шлепнули» ненароком родственника Ленина — Виктора Александровича Ардашева. Правда, Ардашев как-то публично заявил, что хоть Ленин ему и родственник, но мерзавец он большой и много горя принесет России. Ардашева убили «при попытке к бегству».

---

¹ Там же, д. 79, л. 12.

² Здесь и далее в воспоминаниях старых большевиков сохранены орфография и стилистика подлинника.

³ СПА, ф. 41, оп. 2, д. 26, л. 37.

В июне Троцкий назначает командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом Берзина, вверив ему неограниченные полномочия. Берзин делится этими полномочиями с заведующим военной и политической контрразведкой товарищем Музыкантом. Составляются списки контрреволюционеров и агитаторов, куда попадает значительная часть населения Урала, голосовавшая против выбора большевиков в Учредительное собрание, отказавшаяся признавать законность их власти. Приказ № 1 грозит смертной казнью всем представителям этой части населения.

Такова была обстановка на Урале перед убийством Царской семьи. По сравнению с другими частями России позиции большевиков здесь были самыми прочными, сказывалась «квалификация» старых кадров боевиков. Свердлов лично следил за уральскими организациями и находился с ними в постоянном контакте. Его «наместник» Голощекин регулярно курсировал между Екатеринбургом и квартирой Свердлова в Москве. Все передвижки в руководстве уральскими организациями согласовывались со Свердловым. Связь между Екатеринбургом и Москвой осуществлялась ежедневно (по крайней мере, через Пермь). Все поручения центральной власти уральскими большевиками исполнялись в точности, поэтому версия о том, что решение об убийстве Царской семьи могло быть принято Уральским советом самостоятельно, не выдерживает никакой критики.

Вопрос о судьбе Романовых неоднократно поднимался на заседаниях Совнаркома и Президиума ВЦИК. Об этом свидетельствуют данные биографии жизни Ленина за первую половину 1918 года. Правда, там только констатируется рассмотрение этого вопроса, но мало говорится о его ре-

Л.Д. Троцкий, В.И. Ленин, Л.Б. Каменев

шении. Это и понятно, содержание вопроса было очень деликатное. Ведь речь шла о последних представителях законной власти в России. Пока жила Царская семья, руководители большевиков чувствовали себя узурпаторами. Они-то были реалистами и понимали, что власть захвачена военной силой, и их пребывание у руля великой страны совсем не отражает мнения народа. Это показали итоги выборов в Учредительное собрание.

Идея Царя, Царской власти еще была жива тогда у большей части крестьянства, и не только его. Да и вопрос принятия Царской власти великим князем Михаилом Александровичем Романовым был совсем не закрыт. Ибо после отречения Николая II за себя и за своего сына власть переходила к великому князю Михаилу. Он тоже отрекся от власти, но с одной существенной оговоркой, что оставляет окончательное решение вопроса на усмотрение Учредительного собрания. А раз Учредительное собрание

вопреки закону было распущено большевиками, то, значит, великий князь Михаил Александрович при поддержке патриотических сил мог поставить вопрос о возвращении власти.

Как известно, Временное правительство, а потом большевики готовили суд над Николаем II и его окружением. У большевиков обвинителем должен был выступить Лев Троцкий. Как рассказывал

Л.Д. Троцкий — палач русского народа

биограф Троцкого И. Дейчер, этот палач русского народа замышлял организовать «грандиозный суд-спектакль», по примеру суда над английским королем Карлом I и французским — Людовиком XVI. На этом судебном спектакле Троцкий хотел выступить «генеральным прокурором», покрасоваться перед публикой, демонстрируя ораторское искусство и неотразимость «революционных аргументов».

Но, разобравшись в материале, большевики поняли, что настоящий гласный суд над Николаем II не принесет им политического капитала, а напротив, подрвет их позиции. «Компромат» на царский режим, который собирала комиссия Временного правительства (он был в 20-е годы опубликован), показал слабость власти, борьбу амбиций и интересов в окружении Царя, но никак не позволял расценивать его как преступника.

Настоящие преступники, захватившие власть в России, судорожно вынашивают планы физического устранения представителей законной власти. Каждый день жизни Царя и его семьи служил узурпаторам одновременно и укором, и угрозой их существованию.

В докладе Свердлова ВЦИК, сделанном 9 мая 1918 года, этот еврейский большевик признается: «...*Должен вам сказать, что вопрос о положении б. Царя ставился у нас в Президиуме ВЦИК еще в ноябре и в начале декабря 1917 года и с тех пор поднимался неоднократно...*», и далее: «*Президиум ВЦИК решил перевести б. Царя Николая в более надежный пункт. Таким пунктом был избран центр Урала — г. Екатеринбург*»¹.

---

¹ *Свердлов Я.М.* Избранные произведения в 3-х томах. М., 1963. Т. 1. С. 195–197.

29 января 1918 года Совнарком рассматривал вопрос «О передаче Николая Романова в Петроград для предания его суду». 20 февраля Совнарком постановляет: «Поручить Комиссариату Юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете Народных Комиссаров. Место суда не преуказывать пока». На заседании присутствовали Ленин, Свердлов, Крыленко, Карелин, Сталин и другие¹.

С февраля 1918 года членов Царской фамилии начинают переводить на Урал под контроль Уралсовета. В феврале великого князя Михаила Александровича конвоируют в Пермь, в конце апреля в Екатеринбург из Тобольска также перевозят Николая II, его жену и детей, в мае в Алапаевск под охраной привозят великую княгиню Елизавету Федоровну (старшую сестру Императрицы), великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей и князя Владимира Павловича Палея. Вместе с ними в заключение едут их домочадцы. После «своза» всей Царской фамилии на Урал верховный режиссер трагедии Свердлов дал сигнал к первому акту. Следуя политической логике большевиков, им стало убийство самого законного в то время претендента на власть в стране — великого князя Михаила Александровича. Конкретные исполнители отдельных ролей знали только то, что им положено. Действовало старое правило уральских террористов, которое любил повторять Свердлов: *«Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно...»*²

---

¹ Хрусталеv В., главный археограф ГАРФ. Новые документы об убийстве царской семьи // Известия. 14.5.1993.

² Урал. 1988. № 7. С. 151.

ГЛАВА 17

*Убийство великого князя Михаила Александровича. —
Бандиты из Чека и советской милиции. — Торжество убийц*

Как отмечал следователь Соколов, за много лет до революции возник план убийства Царя и других членов Царствующего Дома, имеющий цель разрушение идеи монархии. Убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном, едином плане, причем самым первым из них по времени погиб великий князь Михаил Александрович.

Перед октябрьским переворотом губернский город Пермь, куда в феврале 1918 года конвоировали великого князя Михаила Александровича, был самым процветающим городом на реке Каме. В нем насчитывалось 877 торговых предприятий, жило множество купцов и богатых людей. Работали крупные заводы — судостроительный, механический, кожевенный, фосфорный. Существовала развитая транспортная связь по реке и железной дороге, были водопровод и электрическое освещение. В городе выходили свои газеты и журналы, имелось множество ученых, просветительных, религиозных, благотворительных и спортивных обществ, библиотек и театр.

Великого князя Михаила Александровича доставили в Пермь по железной дороге. Первое, что он мог здесь увидеть, — это красивое здание железнодорожного вокзала. Отсюда его привезли на Сибирскую улицу, в так называемые «Королевские номера» (на самом деле их правильное название «Королёвские» — по фамилии владельца, но за роскошь и удобства к ним пристало название «Королевские»).

По рассказам старого швейцара, работавшего здесь в то время, великого князя поселили на втором этаже. В угловой комнате с окнами, выходящими во двор, располагалась спальня, рядом — ванная, напротив — столовая. Всюду были ковры, портьеры, рассказывал старый швейцар,

Великий князь Михаил Александрович

горничные ходили в бархатных платьях, каждый служащий имел по несколько костюмов, говорили полушепотом. На этажах стояла мертвая тишина. Внутренний дворик утопал в зелени. В глубине его находился гараж, в котором стояла машина Михаила Александровича «роллс-ройс», на ней он выезжал через ворота-туннель, украшенные красивой решеткой.

В бывшем Свердловском партархиве сохранились дневники Михаила Александровича за период с 8 мая по 11 июня¹. Из них явствует, что в Пермь он приехал не один, с ним были его жена графиня Брасова (в дневнике — Наташа), полковник Знамеровский, личный секретарь англичанин Джонсон, камердинер Чельшев, повар Митривели. В дневнике рассказывается о встречах с жителями города, о прогулках по набережной, посещениях театра, даются

¹ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 215–225.

Королевские номера

оценки спектаклей. Иногда Михаил Александрович ходил в гости к некоторым жителям (после его гибели все они были расстреляны в Чека). Много места уделено сводкам погоды (когда скучно и не о чем писать, пишут о погоде).

Первые месяцы Михаила Александровича заставляют каждый день ходить отмечаться в милицию, а в мае — в Губчека. В конце мая по неотложным делам в Москву, а затем в Гатчину уезжает жена великого князя¹. «С отъездом Наташи, — пишет Михаил Александрович, — стало так грустно, так пусто и все как-то кажется по-другому и комнаты стали другими».

7 июня. «В чрезвычайном комитете я слегка сцепился с одним “товарищем”, который был очень

---

¹ Это, конечно, спасло ей жизнь. В дальнейшем ей удалось бежать за границу.

груб со мной». Последние записи в дневнике говорят о том, что великий князь был очень болен. И, наконец, последний день, 11 июня, вторник. «Сегодня боли были послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днем я на час прилеж. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы, после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицын зашел около 8 1/2. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь... Вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник, правовед Нагорский, проститься. Он сегодня же уезжает в Петроград». Это были последние слова, минут через двадцать-тридцать в Королевские номера пришли пятеро убийц — В.А. Иванченко, А.В. Марков, Н.В. Жужгов, И.Ф. Колпащиков, Г.И. Мясников.

Проводилась очередная чекистская операция, инсценировался побег великого князя Михаила Александровича. Организаторы убийства — лица,

Убийцы великого князя Михаила Александровича: А.В. Марков, Н.В. Жужгов, Г.И. Мясников, В.А. Иванченко, И.Ф. Колпащиков

Алапаевск в 1918 г.

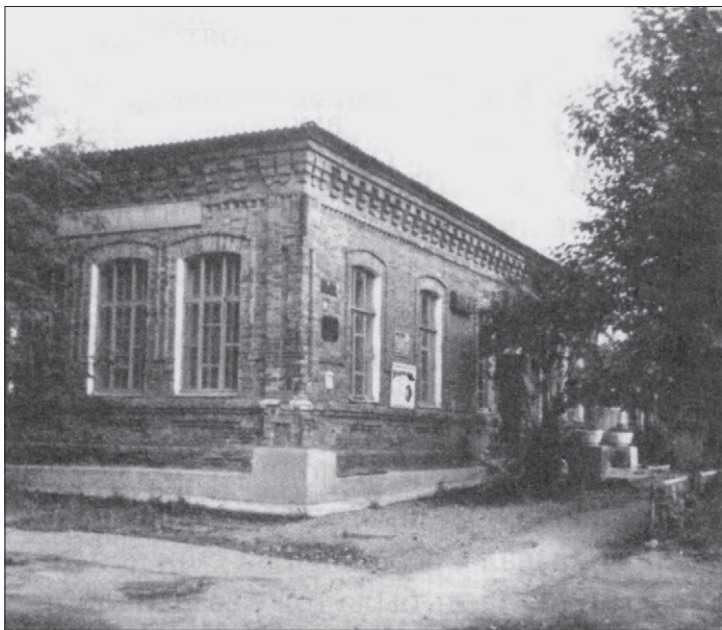
которые по своей должности призваны охранять порядок в городе: Иванченко, комиссар по охране Перми, начальник милиции; П.И. Малков, исполняющий обязанности председателя Губчека, заместитель Маратова-Лукоянова; В. А. Дрокин, начальник Административного управления Пермской городской милиции, помощник начальника г. Перми. И убийцы, и организаторы — все члены горкома РСДРП, члены партии с 1904—1907 годов.

Из воспоминаний старого большевика, члена партии с 1906 года А.В. Маркова:

«...Около 7 часов вечера на двух крытых фаэтонах направились в Пермь. Лошадей поставили во дворе ГубЧК и посвятили в это дело председателя ГубЧК П. Малкова... Здесь окончательно выработали план похищения Михаила Романова. Подготовили мандат о якобы срочном выезде Михаила Романова из Перми... Тов. Дрокину было поручено занять место тов. Иванченко по охране Перми и ждать указания от нас, заняв место у телефона, что им и было сделано. Тов. Малков остался в ЧК, тов. Мясников ушел пеш-

ком к Королевским номерам, а мы четверо: т. Иванченко с т. Жужговым на первой лошади, я (Марков) с Колпащиковым на второй, около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в закрытых фаэтонах к парадному. Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепления, так как Михаил Романов отказался следовать, требовал “Малкова”... чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой, коммунистом <так в источнике>, вошел в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно, как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону (оборвал провода), вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора и Малкова. Тогда

Напольная школа

я потребовал взять его, в чем он есть. На него накинули что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил — нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказал, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя бы его личного секретаря Брайана Джонсона, — это ему было пре-

Великая княгиня Елизавета Федоровна

доставлено, так как это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым. Я посадил с собой Джонсона, а Колпащиков за кучера, и таким образом в закрытых фаэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту.

Когда, по расчетам, мы должны быть уже за чертой города, тов. Дрокин звонил официальным тоном в милицию, что в Королевские номера явились неизвестные личности и увезли по неизвестному направлению Михаила Романова, и просит срочно направить по Сибирскому тракту и Казанскому конную милицию. Это же было сообщено и в Губче-

ка. Это же сообщил по телефону заведующий номерами в Губчека и в милицию. Пока все это происходило, мы уже были далеко от з. Мотовилихи.

Сначала похищенные нами вели себя спокойно и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их

Великий князь Сергей Михайлович

отправим дальше, причем я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом, проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что в 6 км от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада, — круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100–120, Жужгов кричит: “Приехали — вылезай”. Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал; Колпашиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но только ранил Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В то время у тов. Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся вследствие удлинения пули от первого выстрела, т.к. пули у него были самодельные). Мне пришлось

на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Мих. Романову, отчего он свалился тотчас же. Жужгов ругается, что его наган дал осечку. Колпашиков тоже ругается, что у него застрял патрон в браунинге, а первая лошадь, на которой ехал Иванченко, испугавшись первых

Великий князь Иоанн Константинович

выстрелов, понесла дальше в лес... Иванченко побежал ее догонять, и, когда он вернулся, все было кончено. Начинало светать. Это было 12 июня, но было почему-то очень холодно. Зарыть нам нельзя было, так как светало быстро и недалеко от дороги.

Великий князь Игорь Константинович

Мы только стащили их вместе в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху.. Зарывать ездили в другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером, кажется Новоселовым... Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко вместе, разговаривали по этому случаю, были очень хладнокровны...

Кроме самого Мих. Романова и его секретаря, с ними проживали два из его свиты. Одного я видел в форме моряка — пожилой, другого в штатском — тоже немолодой... В дальнейшем я узнал от т. Малкова, что они были тоже расстреляны чекистами. 15.11.24 года А. Марков»¹.

Немного погодя мы увидим, что «за-слугу» Маркова в убийстве Михаила Романова серьезно и с доказательствами оспаривает другой участник убийства.

Вместе с этими воспоминаниями, хранящимися в Пермском партийном архиве, имеется справка, написанная председателем Пермской Губчека Малковым, о том, что тов. Марков «был негласным сотрудником Пермской Губчека и выполнял отдельные поручения по борьбе с контрреволюцией»². О характере этих поручений свидетельствуют примеры, приводимые Марковым в своих воспоминаниях.

«Вспоминаю несколько фактов, как мы вчетвером: Колпашиков, Зенков и Сицилицын Алек-др и я увезли на маленьком пароходике 12 чел., арестованных бывших полицейских, вверх по Каме и на 2 островах расстреляли их там. Один крестьянин рассказал мне, что за рекой Гайвой в лесу в землян-

Великий князь Константин Константинович

¹ ППА, ф. 90, оп. 2, д. М — 6.

² Там же.

ке скрываются белые офицеры, дожидая прихода колчаковцев. Мы с Колпащиковым утром рано пришли туда, сняли их посты, а в землянку я бросил¹ бомбы, и всех находящихся там засыпало землей. Почти перед самым отступлением наших войск мы с Колпащиковым расстреляли быв. нач. 3-да Темникова, его сына-офицера (нашли у них пулемет) и еще инженера Иванова (зав. снарядного цеха № 3) как служившего в охранке. Все это мы делали по решению ЧК и мотовилихинского Ревкома».

Князь Владимир Палей

Марков родился в 1882 году в Мотовилихе, до 20 лет жил с родителями. Окончил железнодорожное техническое училище, работал машинистом. Был призван на военную службу, но в начале Русско-японской войны дезертировал. В 1905 году был боевиком в дружине А.Л. Борчанинова, куда также входил его соратник по «мокрым» делам Иван Зенков. В 1907 году женился на учительнице А.Н. Нечаевой², родился ребенок. В этом же году Марков был выслежен сотрудником полиции Бажиным, арестован и посажен в тюрьму. Вернулся он домой в Мотовилиху только в 1917 году. В марте-апреле Марков

¹ ППА, ф. 90, оп. 2, д. М – 6.

² Марков познакомился с Нечаевой в 1905(?) в селе Лузине Оханского уезда Пермской губернии, где у боевиков был один из опорных пунктов. Нечаева работала там помощницей учительницы и помогала боевикам.

и его подельщики разыскали бывшего сотрудника полиции Бажина (к тому времени он уже несколько лет был монахом) и убили его. «У нас на заводе и в гражданских учреждениях, — пишет Марков, — везде были расставлены свои люди. Большинство коммунистов и сочувствующих им были вооружены. Для охраны революционного порядка у нас в Мотовилихе создана была милиция из рабочих, куда входили мы, активисты по борьбе с контрреволюцией: тт. Зенков, Сицилицын, Жужгов, Марков, Колпашиков и др.»¹. В 1918 году Марков — комиссар по национализации имущества буржуазии и управлению культурно-просветительными учреждениями. Идут обыски и грабежи особняков, немало перепадает и нечистому на руку Маркову. В связи с национализацией церковных ценностей, рассказывает Марков, Чека принимает «крутые меры». Расстреливаются архиереи и священники, купцы, предприниматели, просто неугодные граждане, от которых порой добивались фантастических признаний. «Летом 1918 года, — пишет Марков, — мы с Колпашиковым по поручению Губчека ездили в г. Оханск, где объявилась некая раба божья Мария, когда мы ее привезли в Пермь, то потом оказалось, что она черногорская Марица, фаворитка бывшего Царя Николая². Пришлось расстрелять ее»³.

Звездный час Маркова — встреча с Лениным, во время которой он рассказывает ему об убийстве великого князя Михаила. *«Будучи в командировке по работе в Москве в 1918 году, я по делу пришел к товарищу Свердлову Я.М., он меня привел к В.И. Ленину, ко-*

---

¹ Дело Маркова в фондах Пермского краеведческого музея.

² Конечно, на самом деле это была никакая не фаворитка (у последнего русского Царя не было фавориток), а просто преданный идее Царской власти человек.

³ Дело Маркова в фондах Пермского краеведческого музея.

торый спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова, я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: “Ну вот и хорошо, правильно сделали”»¹.

Когда белые взяли Пермь, Марков и его жена с фальшивыми паспортами бежали в Иркутск, а затем во Владивосток. Животный страх возмездия за преступления преследовал его постоянно. Этот страх не покидал его всю жизнь. Передавая директору Пермского партархива Аликиной свои воспоминания в середине 1960-х годов, Марков взял с нее слово никому не рассказывать о них до его смерти, «добавив при этом, что он всегда, всю жизнь опасался расправы со стороны монархистов»².

Марков возвращается в Мотовилиху в начале 20-х годов и как герой Гражданской войны занимает разные руководящие должности местного масштаба. В начале 30-х он приезжает в Москву, работает домоуправом в Киевском районе и, судя по всему, сексотом в НКВД. В 1950-е в связи с 75-летием награждается орденом Трудового Красного Знамени за революционные и трудовые «заслуги». Персональный пенсионер союзного значения. Умер в 1965 году, похоронен на Новодевичьем кладбище. Кстати, после убийства секретаря Михаила Александровича Романова Марков взял себе его серебряные часы³.

А вот лицо другого убийцы — Василия Алексеича Иванченко. Своего сына, родившегося после совершения убийства, видимо, в память события он назвал Михаилом. В фондах Пермского краеведческого музея я видел фотографию со всей семьей Иванченко. Иванченко нежно обнимает своего

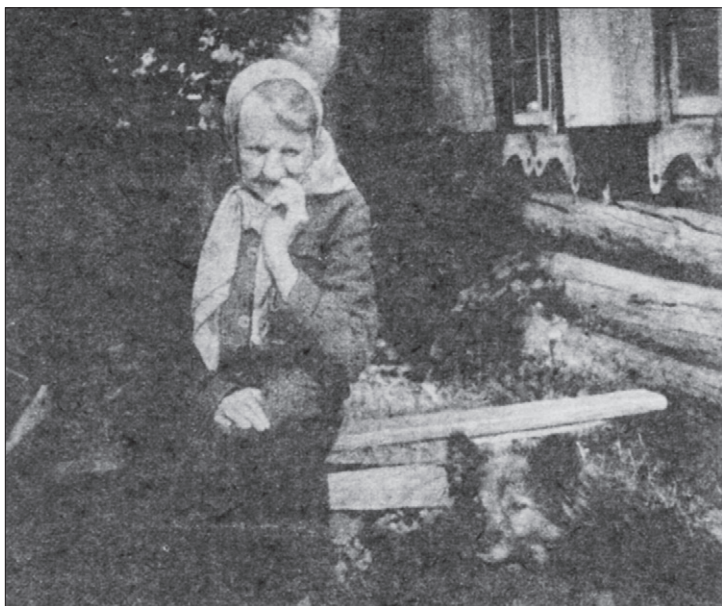
---

¹ Дело Маркова в фондах Пермского краеведческого музея.

² Вечерняя Пермь. 1990. 3 февр.

³ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210–214.

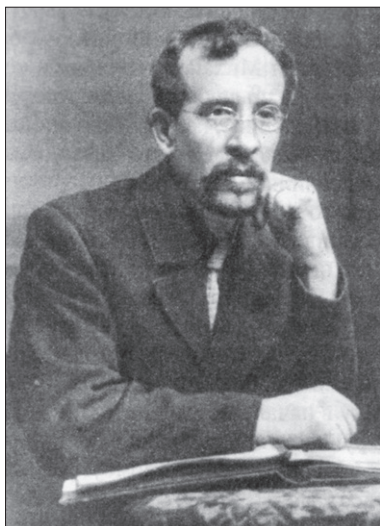
М.А. Чехомова

сына. Сам он появился на свет в 1874 году в семье высланного по суду контрабандиста из города Кишелевки Бессарабской губернии. Закончил три класса школы, работал на Мотовилихинском заводе. С 1902 года становится членом РСДРП, в 1905 году входит в состав революционной бандгруппы. В 1906 году выполняет поручение Свердлова по созданию кружков. Одно время Свердлов жил на квартире у Иванченко. В 1907 году Иванченко вступает в шайку «лесных братьев», где выполняет роль «начальника по оружию» (не исключено, что по поручению Свердлова). За эту деятельность получает пять лет тюрьмы и два года ссылки.

В 1916 году работает в Лысьве, где близко сходитесь с руководителем будущего Уралсовета Белобородовым. После 1917 года — комиссар по охране порядка Перми, начальник милиции (позднее, в начале

20-х, зампред. Пермской Губчека)¹. После убийства Михаила Романова Иванченко завладел его золотыми часами². Похоронен в Мотовилихе, на горе Вышка, у памятника борцам революции (ум. в 1938). Одна из улиц в Мотовилихе была названа его именем.

В.А. Иванченко

Несколько слов о жизни третьего убийцы — Николая Васильевича Жужгова. Родился он в 1877 году в семье мотовилихинского рабочего. После четырех классов училища поступает на Мотовилихинский завод. Сам он пишет, что революционной деятельностью стал заниматься в 1902 году, а в 1905-м принял участие в вооруженном восстании в качестве боевика. Эти сведения оспариваются исследователями³. Достоверно известно его пребывание в шайке «лесных братьев». В 1906-м во время пьянки Жужгов затевает со своими «лесными братьями» драку с перестрелкой, в которой были ранены он сам и один из «лесных братьев». В больнице во время допроса из чувства мести или из-за страха Жужгов донес на стрелявшего в него, который в результате был схвачен и повешен. Позднее Жужгов сдается в руки полиции и становится осведомителем⁴. На суде выясняется, что в шайке «лесных братьев» Жужгов

¹ ППА, ф. 90, оп. 2, д. И — 3.

² СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210—214.

³ Вечерняя Пермь. 1990. 4 апр.

⁴ Там же.

выполнял роль рэкетира, то есть лично ходил к состоятельным гражданам с письмом от шайки с требованием дать деньги, угрожая физической расправой. Отбыв наказание в Амурской области, Жужгов после Февральской революции возвращается в Мотовилиху героем. Близкая связь с Мясниковым, с которым они «работали» вместе в 1905 году, способствовала его назначению на руководящие должности. «В 1918 году,

*Е.А. Соловьев, комиссар юстиции
г. Алапаевска*

— пишет он в своей автобиографии, — занял место пом. начальника милиции Мотовилихинского завода, начальником милиции тогда был эсер — доверия ему было мало, и все важные дела поручались мне, как то: аресты провокаторов, контрреволюционеров, эсеров, а также расстрелы. Мною были лично арестованы и расстреляны Михаил Романов, Андроник и много других»¹. Как мы видим, Жужгов выступает вторым (хотя и не последним) претендентом на «историческую заслугу» собственноручного убийства Михаила Романова. Аресты, обыски, конфискации, расстрелы — вот стихия Жужгова. По мнению некоторых исследователей, Жужговым убиты десятки человек. Жужгов к своей «работе» подходил ответственно и даже изобретательно². Уместно привести его воспоминания, касающиеся убийства

¹ ГАПО, ф. 404, оп. 1, д. 40, л. 3.

² Вечерняя Пермь. 1990. 4 апр.

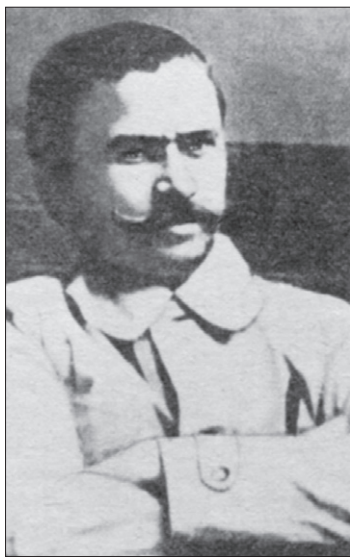
В.А. Иванченко и его банда

Пермского архиепископа Андроника (организаторами которого были Иванченко, Малков и Мясников): «Поехали по Сибирскому тракту за 5 верст, свернули в лес на левую сторону, отъехали сажень сто, остановили лошадей. Я приказал дать Андронику лопату, отвязали ее от пролетки и дали ему в руки. Я приказал ему копать могилу. Андроник выкопал сколько полагается (четвертей 6)... Затем я сказал: “Давай ложись”. Могилка оказалась коротка, он подрыл в ногах, лег второй раз, еще коротка — еще рыл — могилка готова. “Теперь дайте мне помолиться”, — я разрешил, он помолился на все стороны минут 10, я ему не мешал. Затем он сказал: “Готов”. Я сказал, что расстреливать не буду, а живым закопаю, пока ты не снимешь постановление (о забастовке. — *О.П.*), но он сказал, что это не сделает и не будет того, чтобы я не шел против большевиков. Затем мы его забросали землей, и я произвел несколько выстрелов»¹.

Жужгов, судя по всему, считался у большевиков специалистом по уничтожению священников.

¹ Вечерняя Пермь. 1990. 4 апр.

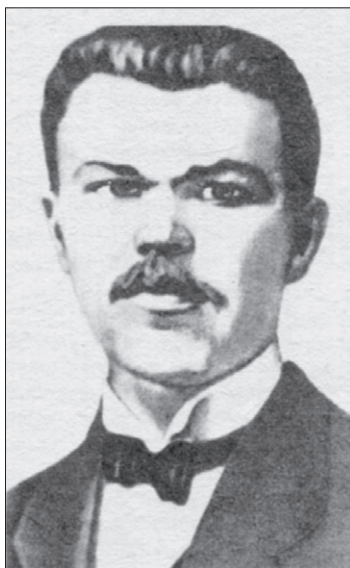
Охотно выезжал в разные командировки для совершения убийств. В списке убитых и замученных церковнослужителей и монашествующих Пермской губернии, опубликованном в № 1 за 1919 год «Пермских епархиальных ведомостей», немало и его жертв. Кроме Андроника в списке епископ Феофан (викарий Соликамский), после истязания и многократного погружения утопленный

Г.И. Мясников

в Каме, далее имена 10 протоиереев, 41 священника, 5 диаконов, 4 псаломщиков, 36 монашествующих Белогорского монастыря и Серафимовского скита. Против каждого имени — метод его убийства: «утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «задушен епитрахилью», «прострелен» и «заморожен», «изрублен саблями», а чаще всего «расстрелян», причем нередко встречается: «сам рыл себе могилу», «утоплен после долгих мучений»¹. После захвата Перми белыми Жужгов временно лишается работы и возобновляет ее в 1919 году уже с повышением в должности заместителя начальника губернской милиции. Тут он развернулся так ретиво, что даже среди своих готовых на все соратников был подвергнут острой критике «за неисполнение партпоручений, хулиганство», грубое обращение, использование служебного положения (воро-

¹ ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 140.

Серебряков А., участник убийства великих князей

Смольников, активный участник убийства великих князей

вал казенное имущество), пьянство. Было решено считать его из партии выбывшим¹ 3. Но из жизни он не выбыл. В Свердловском партархиве мне попало в руки уважительное письмо, адресованное ему Истпартом ВКП(б) с просьбой прислать свои воспоминания о расстреле великого князя Михаила Александровича, датированное 1928 годом. В конце 1928 года он даже пытается вступить в члены Общества старых большевиков, но тут-то и выясняется его роль как осведомителя полиции². Дальнейшая его судьба неизвестна.

Откуда же поступил сигнал убить великого князя Михаила Александровича? Совершенно очевидно, он пришел от Свердлова, через Белобородова на Иванченко и, возможно, Мясникова. И Свердлов,

¹ Крестный путь церкви в России 1917–1987. Посев. 1988.

² ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 140.

и Белобородов знали этих людей в «боевом» деле и доверяли им. Непосредственным исполнителям Жужгову, Маркову и Колпащикову, скорее всего, не было известно, откуда пришел сигнал. Все было представлено как инициатива Мясникова (о чем и написал в своих воспоминаниях Марков). Да, собственно, сам Мясников (известный в истории как руководитель «антипартийной рабочей группы») в 20-е годы понял, что был орудием в руках политических честолюбцев, стремящихся удержаться у власти любыми средствами, прежде всего подавляя всякое инакомыслие: *«Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист 15 лет... и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь-коммунист того же завода, то где же бы я был? В Чека или больше того, меня бы “бежали”, как некогда я “бежал” Михаил»*

Шахта, где были убиты великие князья

Великий князь Георгий Михайлович

Великий князь Павел Александрович

Великий князь Николай Михайлович

Великий князь Дмитрий Константинович

ла Романова, как “бежали” Люксембург, Либкнехта» (выделено мною. — О.П.). Здесь Мясников раскрывает метод. Чека было поручено «убрать» человека, и его убирали под видом «побега». Кстати, пришло время, и Мясникова все-таки убрали: в 20-е годы ему удалось бежать, но после войны его заманили в СССР и рас-

стреляли¹. За границей Мясников тщательно скрывал свою роль в убийстве великого князя Михаила Александровича. Не упоминает о своей роли в убийстве великого князя и Иванченко. В своих записках и автобиографии он об этом не сообщает ни слова. Как здесь еще раз не вспомнить правило боевиков: «говорить следует то, что нужно, а не то, что можно».

---

¹ Мясников Г. *Философия убийства и почему и как я убил Романова* // Сб.: *Минувшее*. № 18. М.; СПб., 1995.

ГЛАВА 18

Дезинформация. — Попытка представить убийство как побег. — Имитация розысков. — Расстрелы невиновных людей

Совершив убийство великого князя Михаила Александровича, его исполнители начинают замечать следы. Прежде всего, фальсифицируется дата преступления. Ведь все говорило о том, что оно совершено в ночь на 12 июня (и последняя запись в дневнике сделана 11 июня, и воспоминания Маркова говорят о том. И письмо милиционера Новоселова — о нем речь впереди). Официальная телеграмма, посланная 13 июня, разносит в несколько адресов большевистского синедриона радостную весть о смерти их врага. К этому сообщению они, видимо, были готовы. Скорее всего, текст передавался на условном языке, и искажение даты преступления носило какой-то определенный смысл. Позднее мы увидим, что и в телеграмме, сообщающей об убийстве Николая II и его семьи, дата была тоже смещена, только не на день вперед, а на день назад¹.

«13 июня 1918 г.

Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна. Зиновьеву. Копия. Екатеринбург. Облсводеп. Чрезком. Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры. Пермский округ. Чрезком».

Несмотря на заявления об энергичных мерах, никаких реальных шагов к поиску великого князя Михаила Александровича не предпринималось.

---

¹ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 152

Сотрудники пермской ЧК (второй справа Иванченко)

И вообще, как отмечали очевидцы, странной была вся обстановка вокруг этого дела. Удивляло, что не было сделано никаких обысков¹. А это означало, что и в центре, и в Перми прекрасно знали, как реально обстояли дела. Представьте себе, какой шум поднялся бы, если бы великий князь действительно сбежал. Ведь Михаил Александрович был опасен

---

¹ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 152

Коллектив пермской ЧК

прежде всего для центральной власти, и то, что она не всполошилась, свидетельствовало о том, что ей было прекрасно известно, что ее политический оппонент лежит, «надежно закопанный» в лесу между Мотовилихой и Левшином.

Пермские власти осуществляют целенаправленную операцию по дезинформации населения. В газете «Известия Пермского Окружного исполнительного комитета Совета рабочих и армейских депутатов» от 15 июня 1918 года публикуется сообщение, в котором датой «побега» называется ночь с 12 на 13 июня, а направление, куда убийцы увезли Михаила, намеренно указывается не к Мотовилихе, а к Обвинской. «Похищение Михаила Романова: В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После Романову было предложено отправиться с пришедши-

ми. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской. Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через минуту после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Производятся энергичные розыски»¹. И опять, несмотря на заявление об энергичных розысках, на самом деле меры не принимаются. Зато всюду распространяются разные нелепые слухи. Многие из них формируются большевиками целенаправленно, чтобы легализовать убийство великого князя Михаила Александровича. 18 сентября 1918 года один из организаторов этого убийства, руководитель Чека П. Малков, публикует в «Известиях Пермского уездного Совдепа» откровенную ложь о поимке «Михаила Романова и его секретаря Джонсона». Приводим ее полностью, потому что она прекрасно характеризует стиль работы царевубийц:

«После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по [Па]шийскому тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на [двоих] проходящих по направлению к Пашийскому заводу лиц,

---

¹ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 149.

которые держали себя довольно подозрительно. Один из них высокого роста, с русой бородой “буланже” особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документа. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности. После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были заgrimированы) им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим, что они сделать отказались. Оставаясь уверенными, что спрашиваемые нами лица заgrimированы, мы силой заставили их снять грим. После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану. По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы. Председатель Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии П. Малков»¹.

О том, что дезинформация в этой газете согласовывалась с центром, свидетельствует параллельное сообщение РОСТА, переданное 20 сентября 1918 года по прямому проводу в Киев: «Пермь 18 сентября. 12 [...] сентября 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского Губчрезкома задержаны Михаил Романов, его секретарь. Они препровождены в Пермь»². В 20-х числах сентября в Перми было расстреляно несколько человек, принадлежавших к прислуге великого князя и выданных за самого Михаила Александровича и его секретаря. Пермский чекист А. А. Шамарин в своей автобиографии,

---

¹ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 156.

² Там же. С. 158.

следуя этой чекистской легенде-дезинформации, пишет: «...в доме б/в Торгового банка, угол Сибирской и Монастырской улиц, по постановлению Пермского Исполнительного Комитета и Губчека, Михаил Романов был расстрелян. Могучие волны реки-матушки Камы навсегда похоронили остатки царского трона России Романовых (в операции участвовали тт. Малкин, Барандохин М., Шамарин А., Воробцев)». Как полагают некоторые исследователи, за великого князя Михаила тогда были выданы камердинер Челышев и шофер Борунов, а может быть, и другие лица¹. В общем, игра велась по-крупному, согласно зловещему плану, разработанному в центре, а жизни невинных русских людей для игроков не представляли ценности.

---

¹ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 158.

ГЛАВА 19

*Красный Лог. — Попытки найти место убийства великого князя
Михаила Александровича. — Свидетельства старожилов*

В 1989 году я пытался найти место убийства великого князя Михаила Александровича. Машина мчится по направлению к селу Левшино. По улице в основном одноэтажные, черные от старости, рубленые деревянные домики. Моя цель — разыскать примерное место, где было совершено убийство. Оказалось, что местным краоведам оно неизвестно. В записке Маркова указаны примерные ориентиры — верста после керосинового склада Нобеля, в лес от дороги направо. Несколько раз моя машина проезжает дорогу между Мотовилихой и Левшином. Рядом с шоссе тянется полотно железной дороги, ближе к Левшину дорога выходит на берег водохранилища, возле берега — десятки лодок. Вдоль всей дороги никакого леса, а только искусственные посадки чахлых тополей. Наконец останавливаюсь в Левшине (позднее я узнал, что это новое Левшино, а старое затоплено в начале 50-х) и начинаю расспрашивать стариков. Старожилов почти что нет, в основном приезжие. И только на Домостроительной улице знакомлюсь с настоящей старожилкой этих мест Анной Васильевной Кочевой (род. 1908). Расспрашиваю, как раньше шла дорога. «Примерно до завода “Кислотный” и даже немного дальше, — отвечает Анна Васильевна, — а потом на том месте, где шоссе проходит, под полотном железнодорожного пути, раньше оно шло ниже. Но место сейчас затоплено в связи со строительством КамГРЭС.

— А где здесь был нефтяной склад Нобеля?

— На том месте, где “Кислотный”. А не так далеко от него был Красный Лог. Страшное место. Там людей убивали и расстреливали и в революцию, и в 20-е годы. Через это место ездили большими компаниями, по одному боялись. Так и стояли возле лога, поджидая, что кто-то еще поедет.

— А что там было, почему Красный Лог?

— Там речушка текла, а через нее мост был, а бревна в красный цвет были покрашены, так и называли Красный мост, а место вокруг него Красный Лог. Родители мне всегда говорили: “Не ходи туда, там опасно, плохие люди встречаются”. В конце 20-х годов там убили моих дядю и тетку. Они с ярмарки возвращались ночью. На них напали, убили, все забрали, а тела сучьями закидали.

— А кто же занимался разбоем? Кого-нибудь поймали?

— Разное говорили. Рассказывали, что мотовилихинские — у них тут рядом покосы были — лихие люди. А место глухое, густой сосняк, только ближе к реке деревья были хилые и место болотистое.

— А насчет убийства великого князя Михаила разговоры среди крестьян были?

— Нет, не упомяну. Вот в годы революции у нас тут в Левшино в железнодорожный тупик загнали вагон с царским имуществом, говорили: его из Екатеринбурга пригнали, стоял он некоторое время без охраны. Начали грабить. Потом начальство отогнало его в Пермь».

После рассказа Анны Васильевны стало ясно, почему злодеи для убийства великого князя Михаила выбрали именно это место. Скорее всего, у них здесь была «наезженная тропка». Не первого человека привозили убивать. Окрестные крестьяне сюда ходить боялись, особенно ночью. Так что никто не мог помешать.

Возвращаюсь в Мотовилиху. Засекаю расстояние по спидометру машины. От Мотовилихи до «Кислотного» 6—6,5 километра. Здесь, по словам Анны Васильевны, и стоял склад Нобеля, да и сегодня на этом месте — склад нефтепродуктов и бензозаправка. Снова засекаю расстояние, торможу машину через километр с небольшим. В 1918 году здесь был лес, сегодня проходят две дороги: шоссейная (дорога, которая шла в 1918 году, была узкая, конная) и железная на высокой насыпи. Вокруг шоссе растут тополя. Между шоссейной и железной дорогами в отдельных местах посажена картошка. Если расстояние Марковым было указано правильно и Анна Васильевна не ошиблась в расположении склада Нобеля, то место убийства находится ориентировочно под насыпью новой железной дороги. Хотя ручаться за это я бы не стал.

ГЛАВА 20

Находка в Свердловском архиве. — Исповедь обиженного убийцы. — Рассказ о дележе вещей убитого великого князя Михаила Александровича

Об убийстве Михаила Александровича я слышал немало устных, легендарных рассказов. Со слов одного старика, великий князь, запершись в ванной комнате, некоторое время отстреливался через окно, убив нескольких чекистов. Тогда они привезли пулемет и уложили его пулеметными очередями. По другой версии, великого князя Михаила вместе с секретарем схватили и живыми бросили в плавильные печи Мотовилихинского завода. «Нет, — сказали третьи, — их убили в лесу, а тела сожгли на костре. А в печи кинули двух живых царских фрейлин». «Нет, — утверждали четвертые, — фрейлин не сожгли, а расстреляли и похоронили на кладбище, а Михаила Александровича убили в лесу под Левшином». Когда мне уже казалось, что ничего нового не узнаю, в Свердловском партархиве я столкнулся с потрясающими документами, проливающими свет на эту трагедию.

Привожу их с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

«В Московскую центральную редакцию газеты “Правда” ВКП (б).

Прошу поместить на страницах “Правды” под заглавием “Ищу правды”.

Я член партии ВКП (б) с 1918 года и участник расстрела великого князя Михаила Романова; в ночь с 11-го по 12 июня 1918 года Михаил Романов, после свержения с Престола его брата проживал в г. Пер-

ми, бывш. номерах, т.е. королевских номерах. По нелегальному постановлению Мотовилихинской организации ВКП (б), т.е. участниками, Михаил Романов был взят и расстрелян в пределах Мотовилихинского района Уральской области, т.е. участники, которые взяли из королевских номеров М. Романова 1) Иванченко Василий Алексеевич, 2) Марков Андрей Васильевич, 3) Жужгов Николай Васильевич, 4) Колпачников¹ Иван Федорович и доставив его в Мотовилихинский завод, а оттуда Романов был совместно со своим английско-подданным офицером увезен по шоссеиной дороге к селу Левшино на расстоянии пять верст, где был расстрелян, в расстреле Романова принимал участие 1-м Жужгов Н.В., и 2-м Я — Новоселов Иосиф Георгиевич, больше участия никто не принимал и труп расстрелянного Романова предали земле. Из участвующих никто не знает за исключением Николая Васильевича Жужгова в каком месте он закопан, это историческая могила хранится в моей памяти и тов. Жужгова. А те упомянутые участники расстрела Романова, Иванченко В.А.: был участником только на золотые часы шестиугольные, за что попал в историю, где имеется в печати о кончине Дома Романовых. Я неоднократно писал в Центральный Истпарт ВКП (б), а также в Уральский Истпарт ВКП (б) кроме того в Пермский и Тобольский Истпарт ВКП (б) о своем историческом подвиге, но мне нет ни откуда никакого ответа.

Таким образом, я все же решил искать правду, пусть будет на страницах нашей газеты “Правды” кто же действительно является прямым участником расстрела Михаила Романова.

Если это действительно расстрелял Иванченко В.А. и Марков А.В., Колпачников И.Ф. М. Романова,

---

¹ Правильнее Колпачников. — О. П.

то пусть они найдут и покажут могилу расстрелянного Михаила Романова и докажут то, что я действительно не принимал участие в расстреле М. Романова, но пусть эти товарищи чужими историческими подвигами не пользуются, а совершают их сами.

Я сын крестьянина, проработал десять лет на ответственных участках, три с половиною года моей работы при особом отделе ВЧК в должности уполномоченного по контрразведке при штабе 3-й армии.

Шесть с половиною лет моей работы на юридическом поприще должности старшего следователя Тюменского Ревтрибунала, а потом в должности народного судьи Дальнего Севера и упол. облсуда по Тобольскому округу.

Я отдал все для советского строительства, но потеряв свое здоровье в настоящее время живу одиннадцатый месяц совершенно безработным, словом выкинут на произвол судьбы со своим семейством и с потерянным здоровьем...

К сему подписуюсь

Член ВКП (б) Иосиф Георгиевич Новоселов

3 августа 1928 г.

с. Крестьяне Щадринского района и округа Уральской области»¹.

«Правда» и не подумала опубликовать это письмо, но зато Истпарт (которому она его переслала) попросил у Новоселова написать воспоминания об этом убийстве. Вот что он сообщил. В день убийства он, Новоселов, — тогда мотовилихинский милиционер — находился на дежурстве. Когда экипажи с жертвами проезжали через Мотовилиху, то Мясников остался и вместо него на третьем экипаже поехали Новоселов и А.И. Плешков. В первом экипаже везли Ро-

---

¹ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 208–209.

манова в сопровождении Жужгова и Иванченко, во втором — Джонсона, сопровождаемого Марковым и Колпачниковым, в третьем — Новоселов и Плешков. Отъехав около пяти верст от Мотовилихи в сторону Левшина, свернули вправо в густой лес сажен на 50. Первый выстрел в великого князя Михаила сделал Жужгов, но только ранил в плечо. «Михаил схватил Жужгова в охапку, и они стали барахтаться. Я же видел драму в темноте пасмурной ночи... <неразборчиво>... выстрелом в правый висок Михаил Романов был убит насмерть». Закопали в 10 часов на следующий день великого князя Михаила вместе с Джонсоном. «Когда мы закопали в землю, я на одном из сосновых деревьев над могилой Романова вырезал своим перочинным ножом четыре буквы. В. К. М. Р., что здесь расстрелян великий князь Михаил Романов.

Эту историческую могилу я в настоящее время *ище* низабыл»¹.

Не получив ответа, Новоселов пишет новое письмо, на этот раз в Истпарт. Он глубоко возмущен, что ему, настоящему убийце великого князя Михаила, нет никакого почета, а всю «честь» взял на себя тов. Марков.

«Истпарт. Ц. К. В. К. П.(б).

Копии: Уралоблестпарт ВКП (б). от

Новоселова Иосифа Георгиевича, проживающего в селе Крестовском Щадринского района и округа Урала.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Для меня только в настоящее время раскрылись глаза, в чем тут дело что здесь есть полная неспра-

---

¹ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 203.

ведливость, как наши члены партии ВКП (б) умеют говорить несправедливость нашему Истпарту ЦК ВКП (б).

Как они указывают, что я лишь только был приглашен на второй день для закрытия расстрелянных глубже. Это совершенно не верно, мне приглашение никто не делал, а я выполнил в силу партийной дисциплины свой долг коммуниста. Да я действительно совместно с тов. Жужговым Н.В. зарыл в землю расстрелянного Михаила Романова и его камердинера и мне хорошо известна эта могила в настоящее время.

Далее я как член партии ВКП (б), то я должен сказать всю истину, если из воспоминаний установлено один из активных участников расстрела Михаила Романова тов. Марков А.В. — это наглая ложь. В то время принимал самое активное участие в расстреле М. Романова тов. Жужгов Н.В. и в настоящее время расстрелянный белыми начальник Мотовилихинской милиции Алексей Иванович Плешков и я Новоселов а не чуть тов. Марков А.В.

Тов. Марков А.В., Иванченко В.А. и Колпачников И.Ф. принимали участие в расстреле камердинера английского подданного офицера а не Михаила Романова.

Для меня только в настоящее время стал ясен вопрос, что наши тов. участники расстрела М. Романова... <пропуск>... вопрос, что я не имел участие в ночь с 11-го на 12-ое июня 1918 г. в расстрел М. Романова.

Я прошу Истпарт Ц. К. ВКП (б) и Уралоблестпарт ВКП (б) обратить самое серьезное внимание на 3 основных вопроса.

1) Во время совершения расстрела Михаила Романова кто был из участников расстрела Романова — 1-м принимал участие тов. Жужгов Н.В. он первым выстрелом ранил Михаила Романова в правое плечо, а

когда не стал работать наган у тов. Жужгова, то в это время кто оказал содействие. Содействие оказал первым упомянутый начальник милиции Плешков А. Ив. и Новоселов. В этом сам тов. Жужгов Н.В. подтвердит.

2) После совершения расстрела Михаила Романова по возвращении управление Мотовилихинской милиции, когда производился раздел вещей расстрелянных между участниками, то 1-му Иванченко В.А. были отданы с расстрелянного Михаила Романова золотые шести угольчатые именные часы червонного золота, с надписью на одной из крышек Михаил Романов, которые в настоящее время у т. Иванченко. Это Вам будет 2-м доказательством. Как эти часы в настоящее время имеют ценность и должны сдаться в исторический музей.

3) С расстрелянного Романова также было снято золотое именование кольцо и пальто и штилеты — бывшему расстрелянному начмилиции А. Ив. Плешкову. А с расстрелянного камердинера вещи разделены между Марковым и Колпачниковым И.Ф. Вот на этих основаниях 3-х пунктах я ставлю полное опровержение на основе первых сведений, имеющихся в воспоминаниях и таким образом прошу Истпарт ЦК ВКП (б) который дал бы со своей стороны свое соответствующее распоряжение Уралоблпарту ВКП (б). Последний сделал бы между нами участниками расстрела М. Романова [очную ставку], ведь нас осталось в живых 4 человека, а все мы проживаем в пределах Уральской области. Тов. Марков А.В. и Иванченко В.А. проживают в г. Перми, где состоят на учете. Тов. Жужгов Н.В. проживает в Невьянском заводе свердловского округа по Тульской ул. ц 8.

Только при очной ставке Уралоблпарт ВКП (б) установит истину. Я пред лицом партии ВКП (б) не

только прошу очную ставку, а требую. Я ищу правду и должен найти, пусть те тов. участники докажут что я действительно принимал участие в расстреле Михаила Романова.

О Вашем решении прошу меня поставить в известность.

К сему Новоселов, член ВКП (б). Село Крестовское Щадринского района и округа Уральской области»¹.

Новоселов рассылает письма и в другие инстанции. Партийные органы не знают, как отделаться от своего соратника, который требует справедливости и возвращения вещей, украденных убийцами у своих жертв. Рассердившись, партийные руководители привычно переписывают историю. Они «отказывают» Новоселову даже в чести «зарытия» трупов, хотя об этом говорится в воспоминаниях Маркова. Нач. милиции эсер Плешков тоже считается недостойным разделить «честь» убийства с большевиками.

«Секретно.

Уралобком ВКП (б) Зав. истпартком тов. Моисееву.

Истпарт Отдел ОК ВКП (б) в отношении Новоселова сообщает следующее. С большим трудом, наконец, была выявлена роль его в деле убийства Михаила Романова. При похищении Михаила Романова проездом через Мотовилиху был захвачен с лопатой и дежурный в Мотовилихе милиционер Новоселов, который проездил напрасно до места расстрела, так как в тот день Мих. Романова не зарывали, а зарыли на другой день сами участники похищения без участия Новоселова.

Разрешение вопроса об отобрании именных вещей Романова Истпарт Отдел ОК ВКП (б) не может

---

¹ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210–214.

взять на себя, т.к. вещи Мих. Романова находятся, по рассказам, у многих работников, не только участников расстрела, живущих в разных местах СССР.

*Зав. истпартот ОК ВКП (б) Ольховская.
12 дек. 1928»¹.*

Летом 1964 года директор Пермского партархива Н. Аликина, будучи в Москве, встречалась с А.В. Марковым. Во время беседы она обратила внимание на его наручные серебряные часы необычайной формы, на ее взгляд очень древние. Они напоминали дольку срезанного круто сваренного яйца. На вопрос, откуда такие часы, Марков ответил ей, что принадлежали личному секретарю Михаила Романова англичанину Брайану Джонсону и он взял их себе на память, сняв с руки Джонсона после расстрела.

«С тех пор не снимал с руки, — сказал ей Марков и добавил: — Идут хорошо, не ремонтировал, только отдавал в чистку несколько раз». Сейчас эти часы, вероятно, перешли наследникам Маркова. Возможно, и у наследников Иванченко сохраняются золотые часы великого князя Михаила Александровича. «Крестник» убийцы Михаил Иванченко (род. 1918—1919), может, еще жив? Интересно знать, не жгут ли эти часы руки наследников?..

Имущество убитого великого князя Михаила Александровича было поделено чекистами между собой, но наиболее ценную его часть они все же направили в Москву. Там вещи великого князя разошлись между вождями еврейских большевиков. Великолепный фарфоровый сервиз, например, был присвоен А.В. Луначарским. В 60-х годах он находился в квартире его вдовы Луначарской-Розенель на Советской площади возле Моссовета².

---

¹ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 231.

² Вечерняя Пермь. 1990. 3 фев.

ГЛАВА 21

*Галерея цареубийц. — Иудейские корни организаторов. —
Уголовный интернационал. — От Ленина до Федыки
Каторжного. — Иностранные наемники*

Хотя Юровский соединял в себе ненависть к России с призванием палача, он был только первым (но далеко не самым главным) в галерее убийц Царской семьи. А она в 1918 году протянулась от Екатеринбурга до Москвы.

Янкель Хаимович Юровский, сорок лет, мещанин г. Каинска Томской губернии. Отец его Хаим был уголовником, сосланным за кражу в Сибирь, дед — раввином. Свое образование Юровский получил при местной синагоге в еврейской школе «Талматейро», закончив только первое отделение — два класса. В юности искал богатства и, по словам брата Лейбы, был богат. По характеру вкрадчивый, жестокий че-

Л.Д. Троцкий и его соратники: А.Г. Белобородов, К.Б. Радек, Л.С. Сосновский, Е.А. Преображенский и другие

П.Д. Хохряков, председатель Тобольского Совдепа

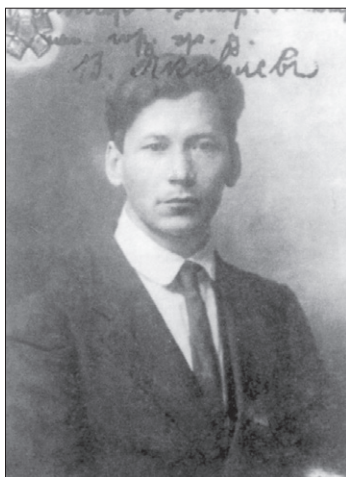
С.С. Заславский, уполномоченный Уралсовета

ловец. По сведениям Департамента полиции, в 1898 году Юровский совершил убийство в Томске и отбывал за него наказание. Как сообщает Юровский в своей биографии при вступлении во Всероссийское общество старых большевиков, убийство это он совершил нечаянно. Однако, узнав характер и последующие «подвиги» Юровского, в этом можно только усомниться. По-видимому, именно в тюрьме Юровский впервые знакомится с большевиками, а выйдя из нее, начинает посещать революционные кружки. Его квартира становится явочной для боевиков, в ней нередко останавливается и сам Я.М. Свердлов. Юровский распространяет подрывную литературу, изготавливает фальшивые документы для боевиков и, вполне вероятно, уже тогда участвует в их бандитских операциях. После разгрома восстания бежал в Берлин и там, изменив вере отцов, перешел в лютеранство, вероятно из-за каких-то выгод. Родственники его не любили. Родной брат Лейба говорил: «Он любит угнетать людей», а жена Лейбы — Эля Лея, добавляла: «Яков — деспот и экс-

плуататор». Историк Мельгунов характеризует его «самым отпетым преступником», а Сидней Гиббс — «хладнокровным палачом»¹.

В 1912 году Юровский открывает собственную фотографию в Екатеринбурге. Делает фотоснимки многих богатых жителей города, представителей администрации, духовенства. Позднее эти фотографии, как и адреса клиентов, становятся

основой картотеки Чeka. По ней чекисты совершают свои налеты на квартиры граждан города. Свердлов доверяет Юровскому, останавливается у него на квартире. Листаю личное дело Юровского в Свердловском партархиве². После убийства Царя Юровский назначается заведующим Московской районной Чeka и членом коллегии МЧК, а с 1919 года работает председателем Екатеринбургской губернской Чeka, знаменуя свое назначение десятками новых расстрелов. Ленин считает Юровского «надежнейшим коммунистом»³. В Екатеринбурге ему с семьей выделяется особняк⁴ 4 (сейчас Му-

В.В. Яковлев (Мячин), чрезвычайный комиссар ВЦИК и Совнаркома, особоуполномоченный по перевозке Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург

¹ Соколов Н.А. Указ соч.

² СПА. ф. 221, оп. 2, д. 497.

³ Ленин В.И. ПСС. 4-е изд. Т. 52. Письмо № 377.

⁴ Правда, жил в этом особняке Юровский недолго. Вскоре он переезжает в выделенную для него квартиру, в помещение бывшего Екатеринбургского окружного суда, переименованное большевиками в Первый Дом Союзов.

Д.М. Чудинов, командир отряда охраны, обеспечившего перевозку первой группы Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург

Михаил Кабанов, комиссар, помощник начальника тюрьмы № 2

зей комсомола) в трехстах метрах от Ипатьевского дома. С ним живут жена Мария Яковлевна (Маня Янкелевна), руководитель партийной организации города, и дочь Ребекка (Римма), руководитель комсомольской организации, прославившаяся акциями по разрушению православных храмов (ее именем позднее назовут улицу). В начале 20-х годов партия направляет Юровского на работу в Гохран, где он стал организатором распродажи за границу сокровищ царской короны на аукционах Амстердама и Антверпена. В 1923 году он был руководителем позорной акции переезда русской короны, державы и скипетра в японское представительство в Читу для продажи их в Америку или Европу через Маньчжурию. Совершенно случайно тайная сделка получила огласку, в результате чего советское правительство спешно вернуло русские сокровища в Москву и показало их на выставке в Колонном зале, а Юров-

А.Г. Белобородов

П.Л. Войков

ский был уволен¹. В дальнейшем партия направляет его на разные не очень высокие, но «хлебные» посты в Москве: «Резинотрест» (нач. отдела), завод «Красный богатырь» (зам. директора), секретарь партячейки Ру-саковского трамвайного парка и, наконец, директор Политехнического музея (это с образованием в два класса школы!)². В 1938 году умирает от прободной язвы желудка.

Голощекин Шая (Исай) Исаакович, сорокадвух-летний мещанин из Невеля Витебской губернии, ученик хасидской школы, закончил зубоврачебную школу, никогда не работал, в партии с 1903 года, личный друг Свердлова, шесть лет провел в ссылке. Историк революционного движения В. Бурцев, знавший Голощекина лично, характеризовал его так: «Палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации»³. С 1918 года — секретарь ЦК партии (т.е. первое партийное лицо) по Уралу и Сибири.

¹ Наше наследие. 1991. № 2. С. 40–41; № 3. С. 47.

² СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497.

³ Пагануци. С. 62.

Многие годы – член коллегии ЧК–ГПУ, член ЦК партии. С 1924 года Голощекин работает 1-м секретарем Компартии Казахстана. Приехав в Казахстан, провозгласил там «гражданскую войну» и «маленький Октябрь», в результате чего люди умирали целыми семьями, «а трупы штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому как не было у людей сил долбить мерзлую землю».

Екатеринбург. Президиум Уралоблсовета: Н.Г. Толмачев, А.Г. Белобородов, Г.И. Сафаров, Ф.И. Голощекин. 1918 г.

«Степняки называли его: Ку Жак. В переводе это: Голые Щеки. Голое рыло...»¹.

С 1933 года Голые Щеки — главный арбитр СНК СССР, «творит большевистскую справедливость» во всесоюзном масштабе до тех пор, пока не убит без суда во дворе Орловской тюрьмы 11 сентября 1941 года².

И.И. Родзинский

Войков (Вайнер) Пинхус Лазаревич, тридцати лет, мещанин города Керчи³, член партии с 1903 года, участник боевой организации, в 1907 году бежал из России, учился в Женевском университете, по профессии химик, впервые применил свои знания при уничтожении трупов. В 1917 году прибывает в Россию вместе с Лениным в «пломбированном вагоне», в июле 1918 года — комиссар продовольствия Уралсовета. При подготовке царевубийства отвечал за «хозяйственные вопросы». После убийства снял с одного трупа перстень с большим рубином и носил его, похваляясь. Убит в 1927 году в Варшаве.

Другой пассажир «пломбированного вагона», Георгий Иванович Сафаров, наряду с Голощекиным был партийным куратором этого убийства. Последние две недели только им разрешалось посещать этот дом. Двадцатисемилетний Сафаров (Вольдин) был близок Троцкому и во многом подражал ему.

¹ Михайлов В. Хроника Великого Джута. Алма-Ата, 1990.

² Вопросы истории. 1990. № 9. С. 81.

³ Отец Войкова был фельдшером на Надеждинском заводе, где начинал свою карьеру боевика Белобородов.

Поддержка Троцкого позволила ему стать одним из руководителей Коминтерна и позднее — вожаком советского комсомола. Но, как член «объединенной троцкистской оппозиции», в 1927 году был смещен со всех постов, прошел череду тюрем и лагерей и уничтожен в 1942 году¹.

Его друг и соратник по екатеринбургскому злодеянию Лев Семенович Сосновский, тридцатидвухлетний партийный публицист, сторонник Троцкого, прославился сборниками своих статей, проникнутых ненавистью к России, глумлением над русской историей (например, книга «Рассея»). В 1927 году разделил путь Сафарова (хотя и называл его мелким жуликом). В 1937 году уничтожен².

*Белобородов Александр Григорьевич*³, двадцати семи лет, образование начальное, в 1905—1907 годах мальчик на посылках у боевиков и «лесных братьев». В 1908 году арестован и судим за помощь боевикам. После разгона Учредительного собрания становится председателем Уралсовета. Пойман за руку на краже крупной суммы денег. Однако дело оставлено без последствия и он даже сохраняет свой пост⁴. Позднее становится членом ЦК партии. Вместе с Троцким организует трудовые армии. С 1923 года — народный комиссар НКВД, активно строит «новый правопорядок». В 1927 году вместе с коллегами по Екатеринбургу Сафаровым и Сосновским как троцкист лишается всех постов. В 1938 году уничтожен соратниками по духу.

Весьма характерно то, насколько подло и низко вели себя организаторы убийства Царской семьи,

---

¹ Минувшее // Исторический альманах. № 7. Париж, 1989.

² Там же. С. 285.

³ Существует версия, что настоящая фамилия Белобородова — Вайсброт. Однако разыскания в архивах ее не подтверждают. Белобородов — обыкновенный деклассированный элемент с уголовным прошлым.

⁴ Пагануци. С. 61—62ф.

Б.В. Дидовский, член Уралоблсовета, зам. Комиссара производства

Г.И. Сафаров (Вольдин), член Уралоблсовета, редактор газеты «Уральский рабочий»

когда в звериной борьбе за власть сами попадали в созданный ими зловещий механизм убийств и насилия. Сафаровы, сосновские, зиновьевы, белобородовы, голошекины, как и их соратники бухарины, каменевы, розенгольцы и прочие представители ленинской гвардии, залившие Россию морем крови, охотно давали показания, чтобы спасти свою

Ф.И. Голощекин, В.И. Зоф, Г.Е. Зиновьев, М.В. Васильев, С.В. Мрачковский, М.М. Лашевич. Ст. Кушва. Октябрь. 1918 г.

Ф.Ф. Сыромолотов, член исполкома Уралоблсовета, областной комиссар финансов

М.И. Ефремов, первый председатель Екатеринбургской ЧК

жизнь, соглашались подписать любую нелепость, любой вздор, лишь бы только выжить.

Партийный куратор убийства Царской семьи Сафаров, чтобы спасти себя, заложил всех, кого ему подсказали заложить, — виновных и нет. Он сообщил суду, далее цитирую, «многочисленные факты о подпольной контрреволюционной деятельности “московского центра” (сфабрикованная чекистами подпольная организация. — *О.П.*) и, в частности, Зиновьева...» Он же подтвердил «многочисленные попытки “московского центра” организовать в разное время контрреволюционный блок с различными антисоветскими группами в целях развернутой борьбы против Советской власти».

Хотя бы один из них показал стойкость, хотя бы один покончил жизнь самоубийством. Всеми ими владело господствующее чувство выжить любой ценой. Тот же Сафаров пишет под диктовку, например, такие слова: «Все наши мысли и идеи сводились к

идеологическому оформлению буржуазно-реставраторской реакции против социализма... Политически антипартийное подполье слило в одну сплошную реакционную массу все контрреволюционные, антипартийные группировки. Мы стали конденсаторами контрреволюционной злобы и ненависти остатков эксплуататорских классов...»¹

Ф. Н. Лукоянов, председатель Уральской областной ЧК

Как эта демагогическая фразеология похожа на ту, которую он использовал в своей статье «Николай Кровавый» в июле 1918 года.

Теперь о **Федоре Федоровиче Сыромолотове**. Этот боевик и руководитель боевой организации был одной из ключевых фигур, которые вершили темные дела в Екатеринбурге в 1918 году. Родился он в 1877 году. Отец сильно пил. Сыромолотову с детства пришлось заниматься мелкой торговлей, непродолжительное время работал рабочим, а затем на

¹ Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. М., 1935. С. 35, 42.

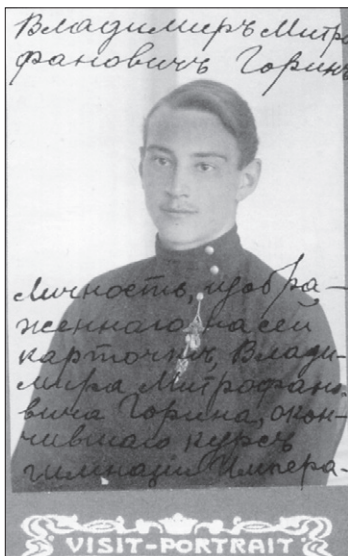
С.Е. Чуцаев, член исполкома

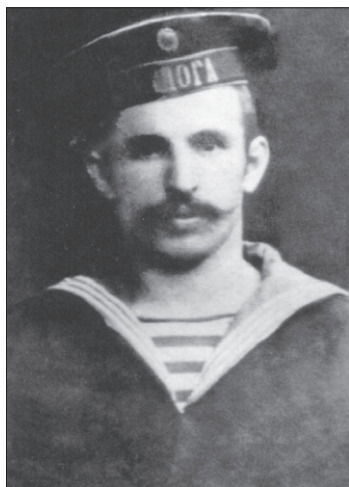
*И.И. Родзинский, член коллегии
УралоблЧК*

среднетехнических должностях (закончил горное училище). Близкий соратник Свердлова, в 1905—1907 годах — начальник сводной боевой дружины, куда входили большевики, эсеры и анархисты. Активно участвует в грабежах и убийствах. Часто живет на нелегальном положении, прерываемом кратковременными отсидками. Постоянно связан со Свердловым. В 1910 году подготавливает его бегство из тюрьмы. В 1912 году живет с женой Х.А. Троцкой в Екатеринбурге. Однако вскоре ее, как еврейку, выселяют вместе с ребенком по месту жительства родителей в Петербург. Сыромолотов едет вслед за ней. В 1917 году Сыромолотов возвращается в Екатеринбург, где становится одним из главных партийных боссов Урала, а позднее, уже в 1918 году, — комиссаром финансов. В советское время занимал крупные хозяйственные посты.

Наконец, самый молодой организатор убийства — **Федор Николаевич Лукоянов**, двадцатичетырехлет-

В.М. Горин, член коллегии УралоблЧК

Степан Вагонов — помощник военного комиссара Верх-Исетского завода, участник расстрела и тайного захоронения Царской Семьи

ний председатель Уралчека, из семьи чиновников, с юридическим образованием, любивший выступать в печати под именем Маратов. Фигура очень любопытная. С фотографии 1917 года (из фондов Пермского музея) на нас глядит совсем мальчишечка с круглыми щечками, а через два года — уже другое лицо с жесткими чертами. В 1917 году Лукоянов — редактор газеты «Пролетарское знамя», а в 1918-м, как он сам пишет в автобиографии, «создал на Урале ряд чрезвычайных комиссий и работал... сначала председателем Пермской Губчека (до июля 1918 года), а затем председателем Уральской Областной Чека (Екатеринбург). Был членом комиссии, судившей и руководившей расстрелом семьи Романовых»¹.

Какие же подвиги мог совершить Лукоянов, если в среде таких матерых пермских головорезов,

¹ ППА, ф. 90, оп. 2, д. Л-23.

как Иванченко, Жужгов, Марков, Колпашиков, Малков и Дрокин (о которых я уже рассказывал), он сумел стать главарем?! В бюллетене № 1 Пермского Окружного Чрезвычайного комитета, который он возглавлял (а бюллетень выпускала его жена К.А. Будрина), говорилось: «Пермский Окружной Чрезвычайный комитет предупреждает всех, кто будет вести агитацию против советской власти и распространять ложные нелепые слухи, что они будут преследоваться Чрезвычайным комитетом путем самых суровых мер и, в случае поимки на месте преступления, будут беспощадно расстреливаться»¹. В 20-е годы Лукоянов занимает множество разных постов по линии печати, подобно Юровскому постоянно перекидывается с одного места на другое. Одно время является председателем газетного объединения и Комитета по делам печати, служит в Наркомторге личным консультантом А. Микояна. Сын своего времени, по зову сердца пишет доносы на своих партийных товарищей,

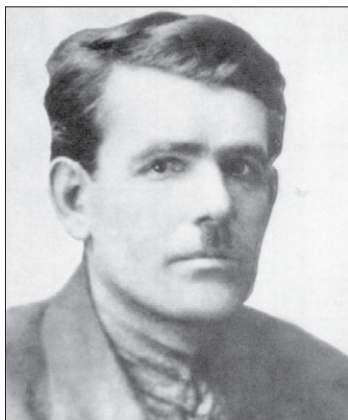

А.И. Парамонов, начальник штаба 3-й Уральской, комиссар 5-й Уральской дивизии

¹ ГАПО, ф. Р301, оп. 1, д. 11, л. 84.

П.Л. Войков

Г.И. Сухоруков, участник тайного захоронения Царской Семьи

о чем особо указывает в автобиографии: «...Имел ряд конфликтов с Бухариным и его ставленниками Цыпинным и Лямом. Подал 2 заявления на Бухарина в ЦК ВКП(б) и ЦК Союза работников печати и на ставленников его в райком ВКП(б)... Вредительское руководство “Известий” в лице Тяля отказалось использовать меня на производстве...»¹ По приходе в Отдел печати ЦК Мехлиса Лукоянов становится редактором журнала «Мукомолье». Умер в Москве в 1947 году.

В галерее убийц Царской семьи видное место занимают члены оперативного руководства акцией: **Сергей Егорович Чуцкаев** — соратник Свердлова, увезенный в ГУЛАГ с поста председателя Комитета по устройству трудящихся евреев; **Борис Владимирович Дидковский** — соратник Войкова, вместе учились в Женеве, уничтожен единомышленниками; **Михаил Иванович Ефремов** — старый боевик, один из первых руководителей Уралчека; **Павел Михайлович Быков** — «летописец» злодеяния, председатель Екатеринбургской Чeka; **Михаил Аронович Герцман**

¹ ГАПО, ф. Р301, оп. 1, д. 11, л. 84.

— хранитель оружия боевой дружины в 1905-м, один из партбоссов Екатеринбурга, уничтожен соратниками.

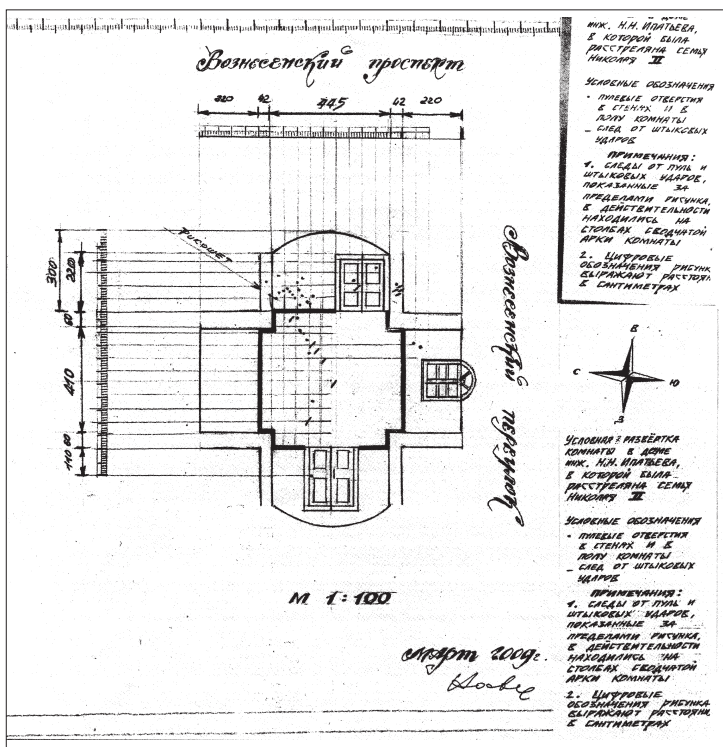
Теперь непосредственные исполнители. Самой зловещей, конечно после Юровского, фигурой здесь является тридцатичетырехлетний **Петр Захарович Ермаков**, своего рода прототип Федьки Каторжного из «Бесов» Достоевского. Уже когда смотришь

Ф.И. Голощекин, комиссар Уральского военного округа. Через него шли переговоры Центра с Уралоблсоветом об участии Царской Семьи

его фотографию в детском возрасте, возникает мысль о волчонке, готовом укусить руки родителей, стоящих вокруг своего «меньшенького». Второе фото — он в темной косоворотке, наглухо застегнутой, лежит на траве, длинные волосы, как у Махно, взгляд дикий, неприятный. Честная рабочая жизнь на Верхне-Исетском заводе, где трудился его отец, пришлась Ермакову не по нраву. Он начал прогуливать, пьянствовать, воровать. Сколотил шайку из себе подобных личностей и стал добывать деньги разбоем, отличаясь крайней жестокостью. В 1905 году он прибивается к большевикам, которые в своей работе делали ставку на уголовников и люмпенов с жестокими, садистскими наклонностями. Привлекать к большевистской партии, писал Ленин, «мы должны всех без исключения: и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босяков, и проституток»¹. Ермаков с са-

¹ Ленин В.И. ПСС. 4-е изд. Т. 9. С. 214–215.

Развертка «расстрельной комнаты» с указанием мест ударов и пулевых отверстий в стенах и полу. Реконструкция по документа следователей Сергеева и Соколова выполнена Игорем Носковым. 2009 г.

мого начала стал верным ленинцем. Его первым наставником была известная большевичка К.Т. Новгородцева, любовница, а позднее жена Я.М. Свердлова. Как отмечает генерал М.К. Дитерихс, деятельность Ермакова проявляется «сообразно своей совершенно испорченной натуре — выходит на большие дороги и начинает грабить, резать, душить, с хладнокровием и зверством... не останавливаясь ни перед чем»¹. В 23 года (в 1907 году) у него три пистолета, он уже убил, по крайней мере, одного человека, сотрудника поли-

² Дитерихс М.К. Указ. соч. Ч. 1. М., 1991. С. 287.

семьи руки Ермакова были обогрены кровью десятков жертв. Неудивительно, что именно ему поручили убийство Царской семьи и уничтожение тел.

На фотографии 1918 года у Ермакова бравый вид: гимнастерка с ремнями, галифе, офицерские сапоги, на боку маузер. Снимок сделан в солидной фотографии, на фоне декорации экзотических растений и камней. Взгляд дикий, бандитский, по-прежнему вызывающий. Волосы покороче, чем в юности, но и сейчас издали можно принять за Махно. В 20-е Ермаков служит милицейским начальником в разных городах, а с 1927 года становится одним из руководителей мест заключения в Уральской области — закономерная карьера легендарного боевика-террориста. Рассказывают, что в начале 30-х он лично казнил наиболее важных лиц, приговоренных к расстрелу. Тогда было арестовано более двух тысяч руководителей области, из них примерно треть расстреляна.

Кисловодск. Никулин и Юровский с женами на отдыхе. 1923 г. ЦДООСО

В 1933 году с Ермаковым встретился американский журналист Ричард Халибуртон. Как ему удалось получить разрешение встретиться с убийцей, до сих пор остается загадкой. Ермаков рассказал журналисту некоторые подробности злодеяния, в котором он участвовал. В частности, он подтвердил, что решение о расстреле всей Семьи было принято в Москве и что вся Семья была действительно расстреляна, а трупы сожжены, как это и раскрыл в своем следствии Н.А. Соколов.

В 20—30-е годы Ермаков охотно встречается с коллективами трудящихся, рассказывает о подробностях расстрела Царской семьи и о своей особенной роли в нем. Все, кто знал его, отмечают за ним страсть к алкоголю. Выпив, он становился особенно болтлив и хвастлив. Как рассказывал мне екатеринбургский старожил А.И. Антропов, лично встречавшийся с Ермаковым, тот говорил: «Я лично расстрелял Царя, Царицу и Наследника и впервые на Урале устроил крематорий». Говоря о крематории, он имел в виду сожжение тел представителей Царской семьи. На фотографии конца 30-х годов мы видим типичного чекиста-начальника тех лет, располневшего, в гимнастерке с ремнем, в сапогах, из гимнастерки торчит приличное брюшко. Вид самоуверенный, как и в юности, неприятный, отталкивающий¹.

Был он, если судить по его воспоминаниям, очень тщеславный, падкий на славу и похвалу. Любил, чтобы его отличали и награждали. Но вот что меня удивило: за такие «большие заслуги» он не был награжден орденами и медалями. Я просмотрел его личное дело — правительственных наград у него нет. Вот только в воспоминаниях Ермаков пишет, что в

---

¹ Фонды СПА.

1930 году рабочие Верхне-Исетского завода, профбюро и партбюро милиции преподнесли ему как стойкому ленинцу браунинг, а в 1931-м присвоили звание почетного ударника и выдали грамоту за выполнение пятилетки в три года¹.

К концу 30-х годов распоряжением свыше ему запретили выступать с рассказами о своих «подвигах». Родственники вспоминают, что перед самой войной в дверь к Ермакову постучались люди Берии, взяли его под руки, посадили на самолет, привезли в столицу, разместили в гостинице «Москва». Не разрешали выходить, и три дня он писал воспоминания о расстреле Царской семьи. Вернулся из Москвы радостным, так как не чаял остаться живым. Нравы своих соратников знал. Но язык с тех пор прикусил. Хотя, по свидетельству очевидцев, во время войны, бывало, выступал с рассказами в некоторых военных частях². Умер Ермаков в 1952 году, его именем названа улица Свердловска.

Ермаков имел большой отряд, состоявший преимущественно из деклассированных, уголовных элементов. Ближайшими сподвижниками Ермакова были: беглый кронштадтский матрос Степан Ваганов, Александр Болотов, Василий Леватных, Александр Костоусов³, Алексей Грудин, Александр Рыбников.

Ваганова впоследствии растерзали родственники и близкие тех людей, которых он зверски убивал и грабил. Такая же участь, конечно, ждала и главаря банды Ермакова, но он вовремя исчез.

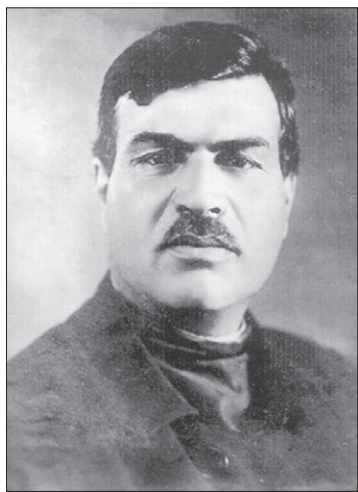
---

¹ СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 1–12.

² В 1941 году в Свердловск приезжала жена пламенного революционера Свердлова Новгородцева и встречалась с Ермаковым. На фотографии этого времени изображены два старых большевика после вечера воспоминаний своих «исторических заслуг» (СПА, ф. 221, оп. 3, д. 445).

³ Настоящее имя А.Е. Мокеев.

Зашел я в дом старых большевиков на улице 8 Марта, где с 30-х годов жил этот пламенный революционер. Когда-то здесь было спецраспределение и спецобслуживание. Но всему приходит конец. Дом, построенный в стиле конструктивизма, сильно обветшал, требует ремонта. В квартире Ермакова живут другие люди, его не знают. Не помнят Ермакова и в квартирах рядом. С час хожу по двору, расспрашиваю стариков. Нет, никто не помнит...

Я.М. Юровский, бывший комендант ДОНа, руководивший расстрелом Царской Семьи и их слуг

О Григории Петровиче Никулине — подручном Юровского — узнать удалось мало. Известно, что посылала его Чека на задание в качестве осведомителя в Академию Генерального штаба, которая в 1918 году находилась в эвакуации в Екатеринбурге. Никулин исправно сообщал в Чека обо всех делах. Добросовестно участвовал в расстрелах¹. Этим, видимо, и заслужил благоволение Юровского. Сильно «подружились» они; умирая, Юровский сделал его своим доверенным лицом². В Свердловском партийном архиве я видел фотографию — оба с женами на берегу моря, на курорте. В 20-е годы Никулин работал начальником Московского уголовного розыска, а позднее — в коммунальном хозяйстве столицы. По-

¹ Никулин даже имел кличку «Пулеметчик» за участие в массовых расстрелах.

² *Резник Я.* Чекист. Свердловск, 1972.

сле войны избирался депутатом местного Совета. В 60-е годы записал на магнитофонную пленку воспоминания. Умер в 1965 году как почтенный человек.

Активными организаторами и участниками царевубийства были чекисты **В.А. Сахаров, В.М. Горин, И.И. Радзинский, Павлушин (Полушин?), начальник милиции Екатеринбурга Алексей Николаевич Петров.** О последнем родственники говорили, что

Голощекин

он рассказывал о своем участии в убийстве Царской семьи. Со слов родственников, «жестокий был. В Вятке попов в проруби топил ночью». В архивном деле — фотография «коллектива» екатеринбургской милиции того времени. Подвыпившие, с бандитско-дегенеративным выражением лиц милиционеры наслаждаются своей властью над городом. Один из них вытащил пистолет и наставляет его на фотографа. Рядом с самым начальником Петровым — женщина в шикарном шубе с чужого плеча (может быть даже получила ее при дележе царского имущества). Петров состоял в ВКП(б) с 1905 по 1924 год. Выбыл по собственному желанию¹.

¹ ППА, ф. 90, оп. 2, д. Л-2.

Оперативные руководители злодейства: Толмачев, Белобородов, Сафаров, Голощекин

Особо следует рассказать о латышах и их командире **Я.М. Свикке**, носившем в 1918 году фамилию Родионов¹. До сих пор о нем было известно очень мало. Работа на ответственных постах в НКВД сделала его осторожным. Его революционная карьера началась в 1904-м. Пять арестов, эмиграция, учеба в Москве. В послужном списке 1917–1918 годов — должность комиссара рижской народной милиции. В 1918–1919 годах — военный комиссар дивизии, член высшей военной инспекции полевого штаба 3-й армии Уральского военного округа, резидент управления ВЧК республики, военный комиссар штаба Реввоенсовета и, наконец, командир отряда особого назначения, перевозившего в Екатеринбург из Тобольска царских детей, а с 4 июля фактически возглавлял внутреннюю охрану дома Ипатьева. В годы Второй мировой войны — сотрудник Особого отдела НКВД СССР. С 1945 по 1954 год — главный

---

¹ Фамилия Родионов была присвоена Свикке по рекомендации ВЧК перед перевозкой в Екатеринбург царских детей. Эту фамилию Свикке носил весь свой Екатеринбургский период.

редактор Госиздата, затем профессор Латвийского университета.

В архиве Свикке журналистка С. Ильичева нашла свидетельство Цельмса (Целмса), написанное в 1938 году: «Я.М. Свикке был членом Высшей военной инспекции и военным комиссаром отряда особого назначения. Часть этого отряда несла охранную службу внутренней охраны в доме, где содержался Николай Романов со своей семьей. В июле 1918 года при наступлении чехословаков и белогвардейцев эта часть отряда, руководимая Свикке, выполнила боевое задание по ликвидации (расстрелу) Николая Романова, его семьи и свиты. После отступления из Екатеринбурга Свикке командовал особым отрядом и выполнил ряд боевых заданий». После Екатеринбурга чекист Свикке организовал через своих агентов освобождение Федора Раскольниковца, замести-

Председатель Уралчека Лукоянов. Прославился массовыми убийствами мирных граждан, согласно его приказам любое неподчинение большевистской власти наказывалось расстрелом

теля командующего Балтфлотом, из английского плена¹.

Пламенный революционер, участвовавший, по его словам, не только в убийстве Царской семьи, но и в сожжении их тел, на закате своей жизни начал писать мемуары «Ясные дали великого пути», в которых уделил царской теме три страницы. «Я раскрыл три заговора», — писал он в своих воспоминаниях. Как представитель центра, он каждый шаг согласовывал с Москвой через своего шифровальщика Кованова, получая оттуда соответствующие инструкции, непосредственно от Ленина².

В своих воспоминаниях Свикке приводит список бойцов-латышей его отряда особого назначения, участвовавших во внутренней охране дома Ипатьева:

Цельмс Ян Мартынович — командир отряда внутренней охраны,

Каякс Янис — взводный,

Сникер Ян Мартынович,

Индриксон Янис,

Круминьш Николай Петрович,

Круминьш Карл Бертович,

Озолиньш Эдуард — заместитель Цельмса,

Сирупс Эдуард Францевич,

Цинит Петр Петрович — секретарь комиссара Свикке,

Пратниэк Карл,

---

¹ Ильичева С. Указ. соч.

² Свикке упоминает также, что консультировался с Лениным по каждому случаю, касающемуся содержания и охраны Царской семьи. «Стоит ли разрешать монахиням екатеринбургского женского монастыря, — спрашивал Свикке-Родионов у Ленина, — носить в дом Ипатьева обеды?» Ленин разрешил, но велел проверять приношения и пустую тару. Стали проверять, обнаружили однажды в буханке хлеба подробный план освобождения пленников. А за подкладкой сумочки, которую монахиня выносила обратно, оказался подробный план помещений дома Ипатьева.

Кованов Михаил Михайлович – шифровальщик и казначей,

Рубенис Эдвин Альфредович.

Семеро из этих латышей стали убийцами Царской семьи. Двое из них нашли в себе мужество отказаться участвовать в преступлении и на следующий день были расстреляны.

Мемуары, написанные Свикке, изобилуют многими неточностями и ошибками, прежде всего из-за желания преувеличить свою роль, представить себя самым главным царубийцей. Подобно Ермакову, Свикке чувствовал себя обиженным советской властью, которая не сумела оценить его великих подвигов. Тем не менее, в его мемуарах приводятся детали, которые невозможно придумать и которые легко проверяются по другим источникам. Рассказы Свикке позволяют закрыть белые страницы, повествующие об участии в царубийстве латышских бойцов.

Однако по-прежнему в галерее царубийц белые пятна присутствуют при исследовании участия в преступлении иностранных наемников. Единственный источник, опубликованный по этой теме, вызывает глубокие сомнения. Я имею в виду статью бывшего австрийского военнопленного большевика Ивана Леопольдовича Мейера, выдававшего себя за участника многих событий в Екатеринбурге в 1918 году¹. Наряду с бесспорными фактами в статье приводятся явно выдуманные сведения. Определенный интерес заслуживает приводимый им список иностранных наемников, часть из которых, вероятно, участвовали в убийстве Царской семьи. На самом деле это были австро-венгерские военнопленные,

---

¹ Перевод этой статьи был сделан графом П.А. Коновницыным и издан в 1956 году отдельной брошюрой журналом «Согласие» в Лос-Анджелесе (США).

записавшиеся в Международную бригаду 1-го Камышевского стрелкового полка. Солдат этой бригады часто использовали для выполнения особых заданий Чека по расправе с мирным населением. За это они получали повышенный паек.

В список иностранных наемных убийц, опубликованный Мейером, входят семь человек: *Андреас Вергази, Ласло Горват, Виктор Гринфельд, Имре Надь, Эмил Фекете, Анзелм Фишер, Изидор Эдельштейн*. Только одного из них — А. Вергази, можно документально считать участником убийства. Кто еще из этого списка мог участвовать в убийстве, неизвестно¹. Не исключено, что большая часть имен, приведенных в этом списке, вымышлена.

Иностранные наемники старательно отработывают свой паек. А после убийства первыми принимаются грабить трупы. В чекистских делах 1918 года немало документов, посвященных военнопленным, протоколы допросов, доносы. Военнопленные стараются вырваться на родину, а большевики им всячески препятствуют. Боятся пропустить их как через Сибирь, так и через Центральную Россию (а вдруг они выступят на стороне белых!). Среди военнопленных немало доносчиков, которые за плату регулярно сообщают в Чека о том, что думают и делают их товарищи по плену. Особенно усердствует некто Иоган Тийк. По его доносу Чека арестовывает некоторых военнопленных².

Кроме основных участников убийства было еще несколько десятков подручных из караульной ко-

---

¹ Весьма интересен вопрос о дальнейшей судьбе этих иностранных наемных убийц. Куда они делись, почему никто из них не оставил воспоминаний? Не исключено, что их товарищи-чекисты тогда сами устранили по крайней мере пятерых. В окрестностях Ганиной Ямы были обнаружены трупы пяти мужчин в форме австро-венгерской армии.

² ГАПО, ф. Р301, оп. 1, д. 11, л. 50–59.

манды, возглавляемой Павлом Спиридоновичем Медведевым¹. Вот фамилии некоторых из них:

Стрекотин Андрей Андреевич,
Летемин Михаил Иванович,
Попов Николай Иванович,
Талапов Иван Семенович,
Старков Иван Андреевич,
Зайцев,
Чуркин Алексей Иванович,
Садчиков Николай Степанович,
Добрынин Константин Степанович,
Орлов Александр,
Проскуряков Филипп,
Подкорытов Николай,
Черепанов,
Старков Андрей Семенович (инвалид),
Сабуров Александр Федорович,
Турыгин Семен Михайлович,
Сафронов Вениамин Яковлевич,
Котегов Иван Павлович,
Емельянов Федор,
Стрекотин Александр Андреевич,
Якимов Анатолий,
Нетребин Виктор Никифорович,
Клещев Иван Николаевич.

Расскажем немного о последнем. *Иван Николаевич Клещев* учился плохо, был исключен из училища, с детства воровал, перед Февральской революцией ушел из дома под предлогом поиска работы, жил среди босяков, приворовывал. В конце 1917 года он уже числился в красногвардейцах по «отобранию и реквизиции имущества» у частных владельцев. В

---

¹ СПА, ф. 221, д. 849, л. 18.

феврале 1918 года со своими товарищами ночью ворвался в дом к бывшему хозяину фабрики и, размахивая револьвером, потребовал денег и имущества. С апреля 1918 года Клещев служил охранником Дома особого назначения, приезжая на побывку домой, привозил разные ценные мелкие вещи, украденные у Царской семьи. Напившись, ходил по фабрике и бахвалился среди рабочих, что женится на одной из дочерей Николая II и что если она не пойдет за него добровольно, то он силою возьмет ее. После убийства Царской семьи Клещев служил в охране интендантских складов, украл сукно и при попытке его продать попался. Его судили и послали на 6 месяцев на принудработы¹.

Большая часть охранников были выходцы из города Сысерти. Я долго задавал себе вопрос: почему именно из Сысерти вышло столько подручных для этого зверского убийства? Какое-то значение, наверное, имел тот факт, что будущая жена Свердлова Новгородцева работала учительницей в народном училище. Она имела здесь учеников, которые потом были на партийной и государственной работе (правда, многие из них плохо кончили: Л.А. Гребнев выбросился в 1936 году из окна 4-го этажа, а А.И. Старков в этом же году был заключен в лагерь). По некоторым данным, бывал здесь и сам Я. Свердлов, его боевикам в Сысерти делали оболочки для бомб². В ноябре 1917 года отряд из сысертцев, не желавших работать, участвовал в подавлении крестьянского восстания в с. Багаряк, сопровождавшемся массовыми убийствами и грабежами. Добровольные каратели привезли из этого похода немало сельхозпродуктов, чем и похвалялись.

---

¹ *Дитерихс*. С. 401–403.

² Данные краеведческого музея в Сысерти.

Я был в этом городе, бродил по нему, разговаривал с жителями, работал в фондах музея. Интересовался историей. Рабочие до 1917 года жили здесь зажиточно, лучше, чем сейчас. Зарабатывали хорошо, имели справные хозяйства. Каждый двор — все равно что крепость. Высокие ворота, открываешь — замкнутое пространство, двор, замощенный большими гранитными плитами. Все в одном дворе — и дом, и клад, и погреб, и баня, и конюшня, и хлев. Задняя калитка ведет на огород. В общем, мой дом — моя крепость. В Центральной России такого не было. Задаю вопрос: почему все-таки сысертцы были в подручных у царских убийц? Мнутя старики, молчат. Некоторым вопрос не по душе, отвечать не хотят, некоторым, вижу, совестно. «Деньги у нас здесь здорово рабочие любили, да и в церковь редко ходили». Когда революция началась, управляющего заводом Макроносова в Екатеринбург увезли и там расстреляли. «А главное даже не в этом, — сказал мне один старичок, — я так понимаю, что их кровью повязали. Я-то запомнил то время, когда добровольцев скликали казнить Царя, всякие блага обещали, 400 рублей в месяц, паек хороший. Но вначале никто не шел. И тогда партийные другой разговор повели. Вспомнили нашим мужикам из отряда, особенно кто поактивнее был, как они ходили крестьян подавлять, которые были с советской властью не согласны, много человек поубивали. Вот, говорили они, если вернется старая власть, придется и нам, и вам — всем отвечать за эти дела, спросят, кто убивал?»

Кровью повязали — не здесь ли ответ на многие вопросы! И чтобы понять трагедию Царской семьи, надо еще раз перечитать «Бесов» Достоевского. Горстка нигилистов, без корней и без морали, сеет смуту в глухом провинциальном городе России. Верхо-

венские и шигалевы (свердловы и голощекины) с помощью деклассированных, уголовных элементов типа Федьки Каторжного (П. Ермакова или А. Маркова) создают систему террора и насилия. Придуманная Шигалевым новая система организации мира и есть практика большевизма. Политическим «новаторством» большевизма (отличием его от других политических движений) было смелое вовлечение в сферу политики деклассированных и бандитских элементов, активное использование уголовных и аморальных методов борьбы. Кровью Шатова нигилисты хотели скрепить круговой порукой кучку своих сообщников. А ведь и скрепили ряды своих боевиков еще в 1905–1907 годах, и кровью убитых повязали, попробуй выйти из организации, ведь ты тоже участвовал в убийствах! Убив Царя и Царскую семью, большевики теперь уже намертво скрепили кровью свою организацию.

Отражая мнение верхушки большевиков, Лев Троцкий писал в своем «Дневнике»: «...казнь царской семьи была нужна не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель»¹ (здесь и далее выделено мною. — О.П.).

Решение об убийстве Царской семьи было принято наверху, и Троцкий откровенно признается в этом. «Белая печать, — пишет он, — когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья... Постановление вынесено было в Москве. В один из коротких наездов в Москву я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы уско-

---

¹ Родина. 1989. № 5. С. 89.

рить процесс Царя. Я предлагал открытый судебный процесс. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но... времени может не хватить. Прений никаких не вышло. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

“Да, а где Царь?” — “Конечно, — ответил он, — расстрелян”. — “А семья где?” — “И семья с ним”. — “Все?” — спросил я, по-видимому с оттенком удивления. “Все! — ответил Свердлов. — А что?” Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил. “А кто решал?” — спросил я. “Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам их живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях”. *Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем...*»¹ Решающая роль Ленина в убийстве Царской семьи подтверждается и В. Молотовым. По его мнению, это настолько ясно, что иначе и быть не может. «Не будьте наивным... — говорил он Ф. Чуеву, — без Ленина никто на себя не взял бы такое решение»².

Говорят, что убийц всегда тянет на место преступления, особенно перед собственной смертью. Наверно, это правда. В апреле 1922 года Ленин рвется в Екатеринбург, точнее, в местечко Шарташ, в 4 км от Екатеринбурга, «местность, которую ему расхвалили уральские товарищи (большое озеро, сосновый

---

¹ Московские новости. 1990. 22 июля.

² Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 185.

лес)... Уральские товарищи, — пишет М.И. Ульянова, — наспех приводили в порядок домик, где должен был поселиться Владимир Ильич, а мы начали готовиться к отъезду»¹. Однако резкое ухудшение здоровья, а затем и смерть не позволили сбыться желанию иудейского вождя.

---

¹ Известия ЦК КПСС. № 2. 1991. С. 134.

ГЛАВА 22

*Гордость цареубийц. — Музей на площади Народной мести. —
Снос дома Ипатьева. — Поругание святыни*

Всю жизнь цареубийц переполняет гордость за содеянное. Они пишут воспоминания, спорят между собой, у кого больше заслуг в этом злодеянии. К десятилетию убийства готовятся юбилейные торжества. В 1926 году выходит книга П.М. Быкова «Последние дни Романовых», дававшая официальную трактовку событий. Художнику заказывают огромную парадную картину о передаче Романовых в руки Уралсовета¹. На ней в жалком виде представляют Царскую чету и победоносными героями — членов Уралсовета. Площадь перед домом, где было совершено злодеяние, получает новое название: площадь Народной мести. Однако юбилей отменяется свыше, а «героям» велят держать язык за зубами. Распоряжение исходило от самого Сталина. Почему? Да потому, что, как я уже говорил, многие организаторы и исполнители убийства были сторонниками Троцкого. Сафаров, Сосновский, Белобородов, Дидков, да и сам Голощекин пользовались симпатией Льва Давидовича. Именно в 1927 году, когда готовится юбилей, почти все поименованные лица снимаются со своих постов, некоторые даже исключаются из партии. На документах и в воспоминаниях, посвященных судьбе Царской семьи, устанавливается гриф «секретно». Можно, конечно, говорить о казни Романовых, но без злодейских подробностей и не упоминая организато-

---

¹ Весьма знаменательно, что сейчас эта картина находится в фондах бывшего Музея Свердлова в Екатеринбурге.

Екатеринбург. Дом Ипатьева – главный свидетель убийства Царской Семьи и их слуг

ров. В Ипатьевском доме размещают Музей Революции, одна комната (та самая, подвальная) в нем посвящена «казни» Царской семьи, даже выставлены некоторые вещи. Над лестницей, ведущей в подвальную комнату, вешают юбилейную картину. Старики рассказывают, что в 20–30-е годы их водили сюда, «как в зверинец». Посещение места убийства входило в программу воспитания подрастающего поколения, а почетными воспитателями были старые большевики, подобные Юровско-

большевиками. 1919 г.

му и Ермакову. На пионерских сборах после песни «Взвейтесь кострами...» выходил полупьяный Ермаков и с геройским видом рассказывал о своих «подвигах». Юровский на встречах со старыми большевиками раскрывал секреты чекистского мастерства. «Романтика» бандитских убийств, восхваление «товарища маузера» пронизывают рассказы большевистских палачей.

Осенью 1932 года в Ипатьевском доме побывал французский журналист Пьер Фредерикс. «Ипа-

Екатеринбург. Дом Ипатьева. Штаб Урало-Сибирской армии. 1919 г.

тьевский особняк, — писал он, — превращенный теперь в музей, размещается как раз напротив красноармейского клуба. Белый дом, под окнами которого растут ивы. В угловой комнате помещался арестованный Царь и Александра Федоровна. Великие княжны и доктор занимали соседние комнаты.

На том месте, где стояла кровать Николая II, теперь торчит большая статуя Ленина, протягивающего к посетителям руки... Комнаты не содержат ничего интересного. Мебель исчезла. Стены покрыты большевистскими фотографиями. Но подвал, в котором происходило убийство царской семьи, оставлен в том же самом виде, какой он имел в 1918 году.

Стены хранят еще следы пуль.

Когда я выходил из подвала, директор “музея” привел туда полдюжины школьников. И я слышал, как спокойным голосом он объяснял им:

— Царь послал на смерть множество людей. И советская власть покарала его...»¹

Злодейские «идеалы» палачей проходят через всю жизнь участников убийства Царской семьи, многие из которых, как мы уже видели, становятся руково-

¹ Последние новости (Париж). 28.12.1932.

Ганина яма. Следователь Соколов на месте одного из кострищ. Фото Р. Вильтона. 1919 г.

дителями разных карательных органов и ГУЛАГа, используя весь накопленный опыт. Вполне закономерным стало использование шахт как мест массовых расстрелов и захоронения людей. А для уничтожения следов этих захоронений шахты засыпают шлаком, заливают кислотой. Таким местом стала, например, шахта в районе Золотой (Лысой) горы на Южном Урале. Здесь в 30-е годы были умерщвлены многие тысячи человек. Предметы, найденные археологами, наталкивают на мысль, что жертвы не знали, что их ждет смерть. Позднее, чтобы скрыть место убийств, сюда завозили шлак, известь, сливали отработанную кислоту и щелочь¹. Во время рас-

---

¹ Использование большевистских методов уничтожения трупов с помощью кислоты и щелочи в дальнейшем распространилось и на самих «соратников Ленина» во время их кровавых разборок. Таким образом, например, было уничтожено тело еврейского большевика Л.П. Берии. Как рассказывал один из участников ликвидации трупа Берии, «кто-то предложил растворить труп в щелочи. Подходящая ванна была там же, в убежище (где был расстрелян Берия. — *О.П.*). Щелочь принесли. Вот так трупа Берии и не стало». (Власть. № 22. 2000. С. 47.)

стрелов шахта оцеплялась войсками НКВД. П.З. Ермаков, бывший в 20-е — первую половину 30-х годов заместителем начальника ГУЛАГа Уральской области, мог быть доволен — его опыт массовых убийств использовался на сто процентов.

В конце 50-х — 60-е годы по мере возрождения национального сознания все чаще поднимается вопрос о судьбе Царской семьи. Злодейство начинает осознаваться во всей его наготе и чудовищности. К местам убийства членов Царской семьи идет настоящее паломничество. Протаптываются тропинки туда, куда они, кажется, давно заросли. Люди идут не только к Ипатьевскому дому, но и к шахтам в Коптяковском лесу и в окрестностях Алапаевска.

В день убийства люди приносят сюда цветы, читают молитвы, склоняют головы в осознании трагедии поруганного Отечества, разрушенной Православной Державы.

Но наследники Свердлова, Голощекина и Юровского не собираются сдавать своих позиций. Ими задумывается еще одно убийство Царской семьи. На этот раз убийство памяти. Новому убийству предшествуют «письма трудящихся» в ЦК КПСС с просьбой прекратить монархические демонстрации возле Ипатьевского дома. Дети Юровского тоже пишут письма в высшие инстанции, требуя пресечь «подлую клевету» на светлую память их отца. Их возмущает распространение слухов, что их отец был репрессирован как троцкист. Эти письма сохранились в архиве. Я листаю их. Сын Юровского Александр, контр-адмирал, напирает на особые заслуги отца, подчеркивает, что он лично расстрелял Царя¹. Что же это такое, следует из письма, отец совершил

---

¹ СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 14–19.

геройский подвиг, а никак не увековечен? Чтобы восполнить этот пробел, друг Юровских Яков Резник пишет одну из самых фальшивых книг своей эпохи — повесть «Чекист». В ней палач, убийца и садист представлен в образе идейного, порядочного человека. Исторические события в повести сознательно фальсифицируются. Более тонкой, но не менее лживой фальсификацией событий стала книга М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Она была написана по указанию сверху и при поддержке КГБ. Цель книги — дать выгодную для наследников Свердлова, Голощекина и Юровского интерпретацию событий. Интерпретацию, более подходящую к новым историческим условиям. Книга Быкова для этого уже не годилась.

Современной интерпретацией большевистского отношения к памяти Государя стала созданная в жанре бульварного романа книга Э. Радзинского «Господи, спаси и умири Россию». Сначала удивляет, как в наше время широкой доступности ин-

Петр Ермаков на мостике из шпал в Поросенковом логу, где были сокрыты тела членов Царской Семьи и их слуг. 1924 г. СОКМ

Группа видных уральских большевиков у «могилы Романовых»: нижний ряд (слева направо): Д.Е. Сулимов, Г.с. Мороз, М.В. Васильев, В.М. Быков, Р.Н. Кабаков, П.З. Ермаков; верхний ряд (слева направо): А.И. Парамонов, (неизв.), М.М. Харитонов, Б.В. Дидковский, И.П. Румянцев, (неизв.), А.Л. Борчанинов. На переднем плане — маузер Ермакова. Поросенков лог. 1924 г. ГАРФ

формации может появиться такая информационно бедная, лишенная новизны, хотя и толстая книга. И только потом понимаешь, что в этой бедности была своя заданность, намеренная усеченность сведений. В искаженном виде представляется образ Государя и Государыни. Даже само название книги, в котором присутствует слово «усмири», т.е. «приведи к повиновению» (на самом деле подлинное слово Государя — «умири», то есть дай мира), является намеренной фальсификацией духовной личности Царя и продолжает большевистскую традицию «Николая Кровавого». Мусолятся старые, давно опровергнутые слухи о любовных связях Царя и его окружения. Как и в 20-е годы, безосновательно утверждается, что Царица находилась в сношении с врагом, переводя через Рубинштейна деньги своим немецким родственникам. Снова на полном серьезе выта-

скиваются фальшивое завещание Распутина и весь антураж бульварной либерально-большевистской «распутиниады» и заклинаний со словами «Святой черт».

Изверги-убийцы типа Юровского и Голощекина показаны с определенной симпатией, как борцы за идею, а Керенский (готовивший убийство Царя) и тюремщик Царя Панкратов (отсидевший 14 лет за убийство) представлены просто добряками, в «возвышенных душах» которых Государь просто «не разобрался». В общем, совершенно очевидно, что симпатии Радзинского явно на стороне извергов, и поневоле задаешься вопросом: а не был ли чекист Радзинский, участвовавший в уничтожении тел Царской семьи в 1918 году, родственником автору этой книги, убивающему настоящую память о Государе?

В 70-е годы в ЦК поднимается вопрос о судьбе Ипатьевского дома. Занимается им сам Суслов. В Свердловск командировается министр внутренних дел Щелоков, он осматривает дом, поднимает материалы об убийстве, хранящиеся в областном архиве. Вожак уральских большевиков Б.Н. Ельцин вместе с Щелоковым проводит закрытое бюро обкома, на котором принимается как бы инициатива снизу — решение о сносе дома Ипатьева¹. И именно на основе этого решения Политбюро издает секретное постановление о сносе. Подчеркивается, что к 60-летию убийства около дома могут быть демонстрации.

Иную интерпретацию событий дает непосредственный руководитель акции первый секретарь обкома Б.Н. Ельцин: «...по каким-то каналам ин-

---

¹ Информация получена от бывших работников Свердловского обкома партии.

формация о большом количестве паломников к дому Ипатьевых пошла в Москву. Не знаю, какие механизмы заработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее, скоро получаю секретный пакет из Москвы. Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске.

А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен на себя брать всю ответственность за это бессмысленное решение.

Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И через несколько дней ночью к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали».

Все в этом пассаже руководителя уральских большевиков 1977 года дышит политическим лукавством: нет упоминаний о приезде Щелокова, о решении бюро обкома, предшествующем решению Политбюро, события представляются так, как будто это произошло внезапно, в несколько дней, а ведь на самом деле этот вопрос прорабатывался много месяцев. (В Свердловском краеведческом музее нам рассказывали, что о сносе дома заговорили загодя, предложили, в частности, забрать из него некоторые предметы.)

И впрочем, главное даже не в этом политическом лукавстве, а в духе большевизма, который сквозит во фразе Ельцина: «Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно». А ведь то же самое имели в виду в 1918 году Белобородов и Голощекин. Без всякой натяжки можем сказать, что

в 1977 году Ельцин сыграл ту же роль, какую в 1918 году сыграли Белобородов и Голощекин, — все они стали безмолвными исполнителями преступного приказа, отданного богоборческой антирусской властью. Представьте себе тогда, что бы сделал Ельцин, если бы жил в 1918 году, получив приказ об убийстве Царской семьи, и что бы сделал Голощекин, если бы был первым секретарем обкома в 1977 году. «Время такое было», «так надо было тогда» — единственный аргумент подобных людей, исповедующих антирусский дух большевизма, какую бы тогу они на себя ни надевали. А суть его, повторяю еще раз, — использование в политической практике недопустимых, преступных, уголовных методов борьбы; присвоение себе права преступать любые человеческие законы ради достижения своих целей. И неправда, что иначе в то время было нельзя жить. Многие жили иначе, молча не принимая «правил игры» большевизма, часто с угрозой для жизни и благополучия противостоя его преступной практике. Но это уже вопрос морального выбора — каждый и в 1918, и в 1977 годах делал свой выбор.

Снос дома Ипатьева осуществляется за несколько дней, в сентябре 1977 года (сообщение краеведа И.П. Бизина). Место сноса заваливается камнями и щебенкой (а не асфальтируется, как утверждает Ельцин). По мнению старожилов, это делается для того, чтобы постепенно засыпать место убийства, до неузнаваемости изменив само окружающее пространство.

Закономерное «совпадение». Но в конце 70-х — начале 80-х годов принимается решение о «реконструкции» здания бывших «Королевских номеров» в Перми, где последнее время находилась театральная гостиница. В результате этой «реконструкции»

остаются только стены здания. При «реконструкции» выяснилось, что все перекрытия, балки, несущие конструкции были в отличном состоянии, и не существовало необходимости их уничтожать. Выломав внутренности здания, «реконструкторы» успокоились. Длительный срок здание стояло без крыши. Кирпичная кладка впитывала влагу и разрушалась.

И еще одно «совпадение»: примерно в то же время под Алапаевском в пятидесяти метрах от шахты, где были убиты великие князья, роется огромная траншея для закладки силоса. Землю из траншеи бульдозер сдвигает прямо к шахте, частично засыпав ее и воздвигнув рядом настоящую гору.

В здании бывшей Напольной школы в 80-е годы организовали развлекательный центр. В комнате, где была заключена великая княгиня Елизавета Федоровна, устроен видеосалон, там, где находились князья, — дискотека (для этого из двух комнат сделали одну, разобрав стену), еще в одной комнате оборудуется бар.

Почти одновременно с уничтожением памяти о Царской семье антирусские силы также старательно искореняют память о ее друге — Григории Ефимовиче Распутине. В конце 70-х годов, вслед за разрушением Ипатьевского дома, за одну ночь по бревнышку разбирается изба Распутина, а ее место застраивается одноэтажным зданием барачного типа.

Но как бы ни стремились враги русского народа уничтожить память о Царской семье, им никогда это не удастся. Образ Царя навсегда останется в русском народном сознании символом Родины и Государства. Злодейское царевубийство рассматривается русскими как удар в сердце Святой Руси, сознательное уничтожение тех начал, которые были и

будут всегда святы, хранятся в родовом сознании и психологии народа. Пока существует хоть один настоящий русский человек, суд и казнь над убийцами Царской семьи продолжают.

ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЦАРЕУБИЙЦАХ ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА Н.А. СОКОЛОВА

ПРОТОКОЛ

1919 года апреля 15–25 дня Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., проводил дополнительный осмотр дома Ипатьева.

По осмотру найдено следующее:

Дом Николая Николаевича Ипатьева, где держались большевиками в заключении Государь Император Николай Александрович и другие лица Августейшей семьи, находится в г. Екатеринбурге на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Дом имеет два жилых этажа: верхний и нижний, полуподвальный. Парадный ход в верхний этаж — с Вознесенского проспекта, парадный ход в нижний этаж — с Вознесенского переулка.

Дом каменный, штукатуренный, покрыт белой известковой краской, крыша — железная, зеленая. В каменной ограде со стороны Вознесенского проспекта находятся створочные ворота, окрашенные в коричневую краску. Вблизи их со стороны того же проспекта калитка, окрашенная так же, как и ворота; в калитке выполнено маленькое окошечко, обращенное во двор.

На самом углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка около стены дома — деревянная, уже старая будка, окрашенная такой же краской, как и ворота с калиткой.

Во дворе дома находятся каменные и деревянные службы с различными сараями для нужд хозяйства, погреб, баня и деревянные сараи-навесы.

При доме имеется небольшой садик, идущий вдоль Вознесенского переулка. Форма его почти квадратная; в длину он имеет 56 аршин, в ширину — 47. В садике растут простые тополя, несколько берез, несколько лип, одна ель, кусты акации и сирени. Дом своим внешним видом и хозяйственными службами оставляет довольно благоприятное впечатление в сравнении с другими зданиями. Садик же мал и однообразен.

Часть Вознесенского проспекта, на который обращен своим лицевым фасадом дом, переходит как раз против дома Ипатьева в площадь. На этой площади против дома Ипатьева находится церковь Вознесения. Почва земли от этой площади круто понижается к самому дому и имеет довольно значительно выраженный уклон чрез всю усадьбу Ипатьева.

При обследовании наружных стен дома и его служб усмотрена на стене дома, обращенной к Вознесенскому проспекту, надпись, вырезанная каким-то острым предметом, расположенная в нескольких строках следующего содержания:

«царь николай сидел на троне из народа пил он кровь торговал он водкой пивом был ленивый на все руки был готов».

Характера почерка эта надпись не передает.

<...>

Рядом с комнатой Великих Княжен находится комната, обозначенная на чертеже цифрой III. <...> В этой комнате — 4 окна, при чем два обращены на Вознесенский проспект, а два — на Вознесенский переулок. Все окна имеют двойные рамы. Окно, обращенное на Вознесенский проспект и ближайшее к гостиной, имеет снаружи частую железную решетку, покрывавшую все окно. Окно, обращенное на Вознесенский переулок и ближайшее к комнате

Великих Княжен, имеет фортки, такие же, как и остальные раньше.

На левом косяке окна, обращенного на Вознесенский проспект и не имеющего решетки (на левом косяке – если смотреть из окна на Вознесенский проспект), имеется знак и надпись, сделанные черным карандашом, принадлежащие, как свидетельствует Жильяр, Государыне Импераирице. Знак и надпись имеют следующий вид:

« 17/30 Апр. 1918 г.»

<...>

В комнате, обозначенной на чертеже цифрой VI, два окна, с двойными рамами, обращенные в сад. В этой комнате Сергеевым были найдены надписи: «Толстобров» и т. д. и циничные изображения. Надписи и изображения целы. Надпись, являющаяся одной надписью, сделана черным карандашом на стене, противоположной окнам: «Толстобровъ Петръ. А. Стрежневъ. 3/VI/ 18. А. Стрежневъ». Она расположена в виде нескольких строк и принадлежит, безусловно, одному лицу.

Циничное изображение находится на стене, отделяющей эту комнату от комнаты, обозначенной на чертеже цифрой VIII.

<...>

Опечатанная комната, обозначенная на чертеже цифрой II, и есть та, где произошло убийство Государя Императора Николая Александровича и Его Семьи.

Ее внешний вид соответствует описанию ее в акте Сергеева «л. д. 39 об. и след., т. I-й).

При настоящем осмотре отмечаются следующие обстоятельства:

а) в единственном окне этой комнаты, выходящем на Вознесенский переулок, две рамы; наруж-

ная рама заперта на шпингалеты; снаружи окно покрыто железной решеткой. Ширина подоконника от внутреннего его края до внутренней рамы в окне — 85 сантиметров, между рамами — 21 сантиметр; от решетки до края наружной стены дома — $17\frac{1}{2}$ сантиметров; таким образом, ширина всего подоконника — 1 метр 33 сантиметра;

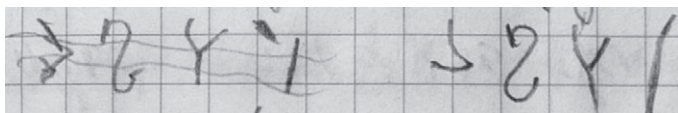
б) на лицевой стороне арки, ближайшей к правому косяку двери, ведущей из этой комнаты в кладовую, обозначенную на чертеже цифрой III (к правому косяку, если обернуться лицом к кладовой), снята часть деревянной обшивки, покрывающей арку, вместе с обоями. Над этой выемкой имеется сделанная черным карандашом надпись: «Рисовал А. А...», подпись фамилии неразборчива;

в) под этой выемкой в штукатурке арки имеется в толщу штукатурки углубление, конусообразной формы, несомненно, пулевого характера; его глубина — $2\frac{1}{2}$ сантиметра, диаметр с краев — 1 сантиметр; от пола оно находится в расстоянии 1 метра 6 сантиметров. Этот пулевой отпечаток не отмечен в акте Сергеева;

г) на стене, обращенной к Вознесенскому переулку, имеются три надписи, сделанные черным карандашом, не отмеченные Сергеевым: «Прашу не курить», «Борзна», «Кародоковъ»;

д) на самом краю подоконника чернилами черного цвета весьма толстыми линиями сделаны одна под другой три надписи: «24678 ру. Года», «1918 года», «148467878 р.», а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком «87888»;

е) в расстоянии полуаршина от этих надписей на обоях стены такими же чернилами и такими же толстыми линиями написаны какие-то знаки, имеющие следующий вид:

ж) в стене, отделяющей комнату убийства от кладовой, произведены выемки штукатурки с обоями и дерева, как о том значится в акте Сергеева от 20 августа 1918 года (л. д. 55, том 1-й); некоторые пулевые удары в этой стене Сергеевым были приняты, видимо, сначала за штыковые удары, так как против номеров, указанных цифрами 1—6 включительно, имеются карандашные отметки: «шт.»; на обоях этой стены в непосредственной близости с выемками по направлению к косяку двери, ведущей в кладовую, замечается множество кровавых брызг, почерневших уже от времени; но некоторые из них сохранили еще характерный для крови окрас: красновато-желтый; все они идут по направлению от места выемок, т. е. снизу пола вверх и слева от выемок; характерна самая форма брызг: совершенно явственно видно, что некоторые из брызг дали характерную для кровавой брызги при полете ее «ковычку»; самая высокая от пола брызга отстоит от него на 1 метр 80 сантиметров; эти брызги не отмечаются в актах Сергеева;

з) в стене, обращенной к Вознесенскому переулку, имеются три вырезки дерева с обоями; две из этих вырезок вполне соответствуют кускам дерева, описанным в протоколе осмотра их от 17—18 февраля 1919 года (пп. 20—21, л. д. 55—55 об. т. 3-й), где было попадание пули; в непосредственной близости с выемкой куска дерева, описанного в п. 20-м упомянутого протокола, т. е. того именно, в котором и засела пуля, наблюдается также множество таких же кровавых брызг; они идут в непосредственной близости

от самих краев выемки, так что одну из брызг покрывает карандашная линия, которой Сергеев, видимо, обозначал площадь для выемки дерева с пулей; некоторые из брызг имеют такую же характерную для кровяной брызги «ковычку»; направление брызг от выемки вверх и направо, вниз и налево; эти кровяные брызги также не отмечаются в актах Сергеева;

и) в этой же стене имеются две вырезки кусков дерева и обоев, описанные в п. 22-м протокола 17–18 февраля 1919 года (л. д. 55 об., т. 2-й) и в п. 2-м протокола 24 февраля 1919 года (л. д. 82 об., т. 2-й);

к) в полу комнаты имеются выемки дерева в соответствии с актом Сергеева от 18 августа 1918 года (л. д. 42, т. 2-й);

л) ясно видимых штыковых ударов нигде в комнате убийства не усматривается, но обращает внимание, в этом отношении, на себя арка, о которой упоминается в сем протоколе выше в п. «б». На расстоянии $1-1\frac{1}{4}$ аршина от пола как раз на той высоте, где вырезана обшивка, на той стороне арки, которая ближе всего к правому косяку двери из комнаты убийства в кладовую (если смотреть на эту дверь из комнаты убийства), усматриваются продолговатые в 1-2 миллиметра разрывы обоев: получается впечатление, что по этой стороне арки как будто бы скользило острое штыка;

м) в комнате убийства имеются принадлежности для освещения ее электричеством.

<...>

В комнате, обозначенной на чертеже цифрой IV, имеется два окна, с двойными рамами, обращенные в сад, из коих одно окно также находится под террасой. Из надписей, усмотренных в этой комнате Сергеевым, уцелели: сделанная черным карандашом в несколько строк надпись: «повсей по деревне погас-

ли огни гришка ссашурою спать полегли», сделанная также черным карандашом, но весьма слабым оттиском, возможно, и каким-либо острым предметом, надпись: «Карташов Иван», не передающая почерка писавшего. Остальные надписи уничтожены, причем на стене имеются и следы их стирания.

<...>

Из столовой верхнего этажа имеется выход на террасу, каковая, видимо, не осматривалась и не описывалась в актах ни Наметкиным, ни Сергеевым.

Терраса идет вдоль стены дома, обращенной в сад, и оканчивается, с одной стороны, между дверью из столовой на террасу и окном из столовой в сад, с другой стороны — на уровне стены дома, выходящей к Вознесенскому проспекту. Терраса на деревянных столбах; обнесена перилами и верхними столбами, доходящими до крыши, покрывающей террасу: стойками. Ее длина — 7 сажен, ширина — 5 аршин. Вниз с террасы идет лестница в сад.

Верхние столбы — стойки покрыты надписями; ими же покрыта и вся стена дома, обращенная на террасу. Все эти надписи полны цинизма.

При осмотре стены дома, выходящей в сад, усматриваются многочисленные кровавые капли и брызги. Эти капли занимают по стене пространство до 4 аршин. Они расположены под окном, выходящим в сад из столовой, и имеют направление вниз от этого окна и справа налево, если смотреть из этого окна в сад. Некоторые брызги, сохраняя такое же направление, т. е. вниз от окна и справа налево, расположены под террасой. Две большие капли находятся у самого края второго от Вознесенского переулка окна нижнего этажа дома между этим окном и первым окном этого же этажа к Вознесенскому переул-

ку. Капли эти сохраняют такую же форму, т. е. сверху вниз и справа налево, если смотреть из верхнего этажа столовой из окна. Между вторым и третьим окнами нижнего этажа и между третьим и четвертым окнами того же этажа, считая от Вознесенского переуллка, находятся круглой формы кровавые пятна, в диаметре 2 сантиметра, напоминая как бы хватание окровавленными пальцами стены дома. Все эти кровавые пятна, брызги и пятна весьма бледного цвета, как будто бы кровь была разбавлена водой, попадая в этих местах на стену. Начинаются капли и брызги под окном из столовой в сад в расстоянии от подоконника этого окна в $1\frac{1}{2}$ аршина и идут ниже. Пятна же расположены между самыми окнами, находящимися почти на уровне почвы.

Начат был осмотр дома в период таяния снега, когда еще снег покрывал землю в саду. После освобождения земли от снега при осмотре сада под кустом сирени, под слоем прошлогодних листьев, было найдено написанное чернилами черного цвета на части листа белой писчей бумаги, сильно измятом, письмо, видимо, на мадьярском языке. Под этим же кустом сирени и под такими же листьями найден клочок бумаги, писанный карандашом. Этот клочок является частью той самой рукописи о «новой школе», клочки которой были найдены Сергеевым в печи комнаты нижнего этажа, обозначенной на чертеже цифрой V.

<...>

Для присутствования при осмотре был приглашен служащий дома Ипатьева Василий Терентьевич Тюляев. Он дал следующие при осмотре объяснения:

а) раньше весь верх дома занимал сам владелец Ипатьев; он же занимал и комнаты, обозначенные

на чертеже нижнего этажа дома цифрами VII, IX, X, XIV, в каковых помещалась кухня и прислуга, а все остальные комнаты нижнего этажа занимала контора Ипатьева;

б) сообщение верхнего этажа с нижним производилось или по лестнице, которая идет сверху вниз из комнаты, обозначенной на чертеже верхнего этажа цифрой VI, и выходит вниз в коридорчик между комнатами нижнего этажа, обозначенными на чертеже нижнего этажа цифрами VI и VII, или же по лестнице, которая идет сверху вниз от уборной из проходной комнаты, обозначенной на чертеже цифрой XIII, и выходит в сени, обозначенные на чертеже нижнего этажа цифрой XIV; лестница же, которая из этих сеней ведет наверх в вестибюль и которая была найдена в момент осмотра забитой и заклеенной, всегда была в таком виде.

После оставления дома большевиками, по объяснению Тюляева, двери в коридорчик как из комнаты, обозначенной на чертеже нижнего этажа цифрой VII, и самая лестница в этом коридорчике были найдены забитыми. Таким образом, сообщение верхнего этажа с нижним, если не принимать во внимание сообщения через парадное крыльцо и двор, при большевиках могло производиться только через лестницу, ведущую вниз от уборной и выходящую в сени, обозначенные цифрой XIV;

в) весь дом при большевиках был обнесен двумя заборами. Первый забор начинался в Вознесенском переулке от границы, образованной стеною дома и забором сада, и, загибаясь здесь под прямым углом к стене дома или забору сада, шел по Вознесенскому переулку и далее по Вознесенскому проспекту вблизи стен дома и оканчивался у парадного крыльца в верхний этаж дома со стороны Вознесенского

проспекта, оставляя это крыльцо свободным. На самом углу Вознесенского переулка и Вознесенского проспекта к этому забору был пристроен другой забор, который шел вдоль Вознесенского проспекта, оставляя свободной часовню, находящуюся перед домом со стороны Вознесенского проспекта. В этом наружном заборе было двое ворот: одни были обращены к Вознесенскому переулку, а другие находились в стене, прямо противоположной, против них, недалеко от ворот самого дома. Таким образом, благодаря первому забору из парадного хода нижнего этажа нельзя было выйти на улицу: забор этот оканчивался перед парадным крыльцом в верхний этаж и замыкал путь следования.

Таким образом, путь следования Августейшей Семьи в ночь на 17 июля 1918 года в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа дома, где она подвергалась злодеянию, цифрой II, был таков: из проходной комнаты верхнего этажа, обозначенной на чертеже цифрой XIII, она проследовала по лестнице, идущей из этой комнаты от уборной, в сени нижнего этажа, обозначенные на чертеже нижнего этажа цифрой XIV. Из них она проследовала через дверь во двор и отсюда в дверь, ведущую со двора в сени, обозначенные на чертеже цифрой XIII. Представляется мало вероятного, чтобы Августейшая Семья из сеней, обозначенных цифрой XIV, следовала в сени, обозначенные цифрой XIII, чрез маленькую дверь, соединяющую эти сени: слишком высок порог этой двери от пола этих последних. Из сих сеней она следовала к комнате, обозначенной цифрой II, чрез комнаты, обозначенные цифрами VIII, VI, IV и I. После свершения над ней злодеяния в комнате, обозначенной цифрой II, трупы ее, видимо, выносились убийцами таким же

путем, т. е. чрез комнаты, обозначенные цифрами I, IV, VI и VIII, в сени, обозначенные цифрой XIII, и отсюда во двор к автомобилю. Дом Попова, где находилась команда красноармейцев-охранников, находится против дома Ипатьева по Вознесенскому переулку.

В момент осмотра дома Ипатьева весь его верх был занят Управлением Начальника инженеров армии. Была занята и комната, где имел пребывание Государь Император с Государыней и Сыном. Во время посещения дома судебным следователем он застал в доме много праздных людей, осматривавших дом, трогавших руками надпись и знак Государыни на косяке их комнаты. Надпись эта постепенно стиралась и становилась все менее заметной. В целях ее сохранения она была покрыта стеклом, вделанным в особую рамку, и опечатана печатью судебного следователя.

По требованию судебного следователя, обращенному к Начальнику Штаба Командующего Сибирской армией Генерал-лейтенанта Гайды Генерал-лейтенанту Богословскому, согласно распоряжению последнего, эта комната была освобождена Управлением Начальника инженеров армии, заперта на ключ, оставленный у себя судебным следователем, и опечатана его сургучной печатью.

Комната, где произошло убийство Августейшей Семьи, была также опечатана той же печатью.

<...>

Судебный следователь Н. Соколов

ПРОТОКОЛ

Допроса свидетеля

1918 года, августа 15—16 дня (2—3), член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев в камере

своей в городе Екатеринбурге допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., причем показал:

Я, Терентий Иванович Чемадуrow, 69 лет, православный, грамотный, под судом не был, по происхождению крестьянин Курской губ., Путивльского у., Крупецкой в., села Крупча, в 1913 пожалован званием почетного потомственного гражданина, временно проживаю в г. Екатеринбурге по Фетисовской улице в доме № 15.

1 декабря 1908 года я поступил на службу в дворцовое ведомство, по гофмаршальской части, в качестве камердинера при особе бывшего Государя Императора Николая Александровича и состоял в этой должности до последнего времени. Ранее я служил в течение 19 лет камердинером у великого князя Алексея Александровича и находился при нем до дня его смерти. Камердинеров при б. Государе было трое: я, Петр Федорович Котов и Никита Кузьмич Тетереvятников; каждый из нас дежурил при б. Государе поvнедельно. В круг обязанностей дежурного камердинера кроме обычных входили: исполнение всех личных приказаний Государя и доклад о всех особах, имевших к нему личный доступ; без доклада камердинера никто, кроме супруги Государя и его детей, не имел права входить в кабинет Государя. За время моей почти 10-летней службы при Государе я хорошо изучил его привычки и наклонности в домашнем обиходе и по совести могу сказать, что б. Царь был прекрасным семьянином. Обычный порядок дня был таков: в 8 час. утра Государь вставал и быстро совершал свой утренний туалет; в 8 $\frac{1}{2}$ пил у себя чай, а от 8 $\frac{1}{2}$ до 11 часов занимался делами: прочитывал представленные доклады и собственноручно налагал на них резолюции; работал Государь

один, и ни секретарей, ни докладчиков у него не было; от 11 до 1 часу, а иногда и долее, Государь выходил на прием, а после часу завтракал в кругу своей семьи; если прием представлявшихся Государю лиц занимал более положенного времени, то семья ожидала Государя и завтракать без него не садились. После завтрака Государь работал и гулял в парке, причем непременно занимался каким-либо физическим трудом, работая лопатой, пилой или топором; после работы и прогулки в парке — полуденный чай, от 6 до 8 вечера Государь снова занимался у себя в кабинете делами, в 8 час. вечера Государь обедал, затем опять садился за работу до вечернего чая (в 11 час. вечера). Если доклады были обширны и многочисленны, — Государь работал далеко за полночь и уходил в спальню только по окончании своей работы. Бумаги наиболее важные Государь сам лично вкладывал в конверты и заделывал; для отсылки бумаг по принадлежности Государь приглашал дежурного камердинера. Перед отходом ко сну Государь принимал ванну. Кроме того, Государь аккуратно вел дневник и писал иногда до глубокой ночи. Тетради дневников тщательно сохранялись, и таких тетрадей накопилось очень много. В семейном быту Государь не допускал никакой роскоши; и в столе, одежде и домашнем обиходе Государь и его семья придерживались скромных и простых привычек.

Отличительной чертой всей Царской семьи была глубокая религиозность: никто из членов семьи не садился за стол без молитвы, посещение церкви было для них не только христианским долгом, но и радостью. Отношения между членами семьи были самые сердечные и простые, как между Государыней и Государем, так и между детьми и родителями. После Февральской революции, когда отрекшийся

от престола Государь был доставлен в Царское Село, домашняя жизнь Царской семьи протекала в общем так же, как и до переворота: никаких стеснений и ограничений в привычной обстановке сделано не было; отношение офицеров охраны было вполне корректное; не было каких-либо грубых выходов и со стороны солдат, несших охранную службу при дворце.

Во второй половине июля минувшего года Государю было объявлено распоряжение правительства о том, что ему с семьей предстоит выезд из Царского Села. Распоряжение это было объявлено дней за 10 до отъезда, так что дворцовые служащие имели возможность упаковать и уложить необходимые для Царской семьи и сопровождающих ее придворных и служителей вещи. Сначала предполагалось, что Государя с семьей отправят на юг, но перед самым отъездом, 1 августа м. г., выяснилось, что местом жительства назначен будет один из северных городов. На вокзале Царскую семью встретил председатель Совета министров А. Ф. Керенский; отношение Керенского к Государю и его семье было вполне благожелательное и корректное. Для проезда по железной дороге были предоставлены вагоны международного общества — просторные и удобные, так что путешествие было совершено с полным комфортом; отряд военной охраны помещался в особых вагонах. В пути стало известно, что Государь с семьей будет проживать в Тобольске. По прибытии поезда в Тюмень к пристани был подан пароход, на котором и был совершен дальнейший переезд до Тобольска. К нашему приезду в Тобольск приспособление предназначенного для жительства Царской семьи Губернаторского дома закончено не было; по этой причине Государь с семьей и сопровождавшими его при-

дворными и служащими в течение 6 дней пребывал на пароходе. Иногда, по желанию Государя, на этом пароходе совершались по реке небольшие прогулки. По окончании в Губернаторском доме работ все поселившиеся в нем члены государевой семьи разместились достаточно удобно; доставленная из Царского Села обстановка дала возможность устроить некоторый комфорт, и жизнь Царской семьи протекала в Тобольске почти в таких же условиях, как и в Царском Селе. Начальник военной охраны, Кобылинский, держал себя вполне корректно и никаких не оправдываемых необходимостью стеснений не делал.

Из придворных особ с Государем проживали здесь: князь В. А. Долгоруков, генерал И. Л. Татищев, графиня Тендрякова, кроме того, тут же находились лейб-медик профессор Евгений Сергеевич Боткин, учителя иностранных языков — англичанин мистер Гиббс и швейцарец м-сье Жильяр, служителей разных наименований было человек 25; штат служителей был сокращен после октябрьского переворота, когда большевики захватили власть в свои руки. На содержание государевой семьи и всех находившихся при семье лиц стали отпускать лишь по 600 руб. в месяц на каждого члена семьи, т. е. 4200 руб.; генерал Татищев, по распоряжению Государя, уволил 12 человек служителей, выдав им необходимые на проезд суммы. Жалование оставшимся служащим было уменьшено; я лично отказался получить и те 150 руб., которые были мне назначены вместо получаемых ранее 400 руб.; генерал Татищев доложил о моем отказе Государю, и мне было разрешено воздержаться от получения жалования, причем Государь высказал надежду вознаградить меня, если обстоятельства изменятся к лучшему.

Хотя режим, установленный для заключенных в Губернаторском доме особ и сделался несколько более строгим, тем не менее, условия жизни оставались довольно сносными как в смысле обращения со стороны начальствующих лиц военной охраны, так и в отношении стола, занятий и прогулок, в пределах огороженного близ дома пространства. В 6 часов вечера 12(25) апреля совершенно неожиданно объявлено было категорическое распоряжение Центр. Исп. К-та С. К. и Р. Д. о немедленном переселении в гор. Екатеринбург. От комитета прибыл уполномоченный, именованный Яковлевым (был слух, что это Троцкий); протесты Государя и Государыни, указывавших на болезнь сына, оставлены были без внимания. На сборы дано было всего несколько часов. Решено было оставить больного Наследника Алексея Николаевича на попечение сестер и придворных особ, а в Екатеринбург поехали Государь с Государыней и вел. княжна Мария Николаевна; с ними поехали кн. Долгоруков, проф. Боткин и служители — я, затем Седнев Иван Дмитриевич (детский лакей) и комнатная женщина Анна Степановна Демидова. До Тюмени переезд был совершен на лошадях, а от Тюмени — по железной дороге. Поездка была совершена благополучно и без особых лишений и неудобств. Ввиду того, что мы выехали из Тобольска часа в 3 ночи на 13(26) апреля, я успел уложить и взять с собой лишь самый необходимый багаж. Из вещей Государя я уложил и привез следующие: белья 1 дюжину денных рубах, 1 $\frac{1}{2}$ дюжины ночных, 1 $\frac{1}{2}$ дюж. тельных шелковых рубах, 3 дюжины носков, штук 150—200 носовых платков, 1 дюж. простынь, 2 дюж. наволоков, 3 мохнатые простыни, 12 полотенец личных и 12 полотенец ярославского холста; из одежды: 4 рубахи защитного цвета, 3 кителя, 1 паль-

то офицерского сукна, 1 пальто простого солдатского сукна, 1 короткую шубку из романовских овчин, 5 шаровар, 1 серую накидку, 6 фуражек, 1 шапку; из обуви — 7 пар сапог шевровых и хромовых.

Багаж был уложен в четырех небольших чемоданах. На форменной одежде Государя погоны были сняты мною по приказанию самого Государя. Столового белья с собою мы не взяли; не взяли также ни столового, ни чайного сервиза. Какие вещи были взяты для Государыни и вел. княжны Марии Николаевны, — я сказать не могу, так как этим я не заведывал. В Екатеринбург мы прибыли 16(29) апреля, где и поместились в приспособленном для государственной семьи доме Ипатьева. Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску; обыск производили некий Б. В. Дидковский и Авдеев — комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание Дидковский резко ответил: «Прошу не забывать, что Вы находитесь под следствием и арестом».

В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый и отношение охраны прямо возмутительное, но Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна относились ко всему происшедшему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай; к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались

котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на непокрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь человек обедающих подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только 1 раз в день в течение 15–20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда [я] обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имеющим отношения к порядкам, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. Ни Государь, ни кто-либо из членов его семьи лично никаких разговоров с комендантом дома или иными «начальствующими» лицами из представителей советской власти не вели, а всякие обращения и заявления делались через меня или через проф. Боткина.

Государь помещался в верхнем этаже дома, и в распоряжение всех нас были предоставлены шесть комнат и еще одна комната, служившая гардеробной, и кухня. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой — в вестибюле и третий — близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение. В комнате направо от входа в переднюю помещался комендант — Александр Дмитриевич Авдеев, человек лет 35–40, блондин с маленькими усами и бритой бородой; одет был в рубаху защитного цвета, шаровары, высокие сапоги и носил при себе казацкую шаш-

ку; почти постоянно он был пьян или навеселе; не могу сказать, чтобы он лично чем-либо оскорблял или стеснял Государя и членов его семьи, но в то же время и не шел навстречу в смысле удовлетворения тех или иных нужд домашнего обихода. Авдеев, по-видимому, из простых рабочих. Седнев Ив. Дм. мне говорил, со слов самого Авдеева, что тот четыре раза сидел в Крестах (в Петроградской тюрьме), и хвастался, что он ни перед чем не останавливался и всех убирал со своего пути. В полном подчинении Авдеева была вся караульная команда во главе с начальником караула; начальники караула менялись еженедельно; всех караульных было до 30 человек; помещались дежурные караульные в нижнем этаже дома. Все сношения с внешним миром и все распоряжения хозяйственные производились через коменданта; закупка провизии или нужных в хозяйстве вещей, отправка белья в чистку и т. п.

Упомянутый в моем показании Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые государевой семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц.

Еще в Tobольске я начал прихварывать, а в Екатеринбурге мне стало еще хуже; видя мое недомогание, Государь просил проф. Боткина осмотреть меня и затем приказал мне уехать в отпуск к жене моей, оставшейся в Tobольске, впредь до того, как мои силы восстановятся. В конце апреля (по старому стилю) о желании Государя отпустить меня было

сообщено коменданту Авдееву; должен сказать, что на мое место предположено было выписать камердинера из Царского Села, но Авдеев передал ответ, что камердинер будет назначен из тех, которые приедут из Тобольска вместе с остальными членами государевой семьи. Числа 6—7 мая (по старому стилю), прибывший в дом Дидковский предложил всем заключенным в доме объявить, у кого и сколько имеется при себе денег; у Государя и Государыни денег не оказалось, у вел. княжны Марии Николаевны оказалось денег 16 руб. 33 коп., у проф. Боткина — 280 руб., у Седнева — 600 руб., у Демидовой — 1800—1900 руб., у меня — 6050 руб.; бывшие у вел. княжны и у проф. Боткина оставлены были в их распоряжении, а у остальных, т. е. у меня, Седнева и Демидовой были отобраны, причем Демидовой было оставлено рублей 200—300. В том, что у меня были отобраны деньги, Дидковский выдал мне расписку.

9(22) мая прибыли в Екатеринбург и остальные члены государевой семьи: Алексей Николаевич, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; при мне из числа слуг вместе с царскими детьми прибыли в дом старший повар Иван Михайлович Харитонов и помощник повара, мальчик Леонид Ив. Седнев, племянник И. Д. Седнева. Остальных прибывших с семьей лиц я не видел, но знаю, что одновременно с царскими детьми прибыли генерал И. Л. Татищев, учителя Гиббс и Жильяр, официант Журовский, лакей Тюрин, писец Кирпичников, второй повар Кокичев, кухонные служители Терехов и Франц (фамилии не помню), няня Теглева, Эрсберг — девушка вел. княжен и девушка Государыни — Тутельберг; Алексей Егорович Трупп — лакей Государыни и Клементий Григорьевич Нагор-

нов и А. Андр. Волков — камердинер Государыни. Какова судьба всех этих лиц, я не знаю, так как, повторяю, в дом Ипатьева они при мне не прибывали. Слышал я, что из них Нагорнов расстрелян. Князь В. А. Долгоруков, прибывший в Екатеринбург вместе с Государем, в дом Ипатьева доставлен не был, а, как мне стало потом известно, прямо с вокзала был отправлен в тюрьму.

11(24) мая из дома Ипатьева меня доставили не на вокзал, а в тюрьму, где я пробыл в заключении до 25 июля, когда чехословацкие и сибирские войска заняли Екатеринбург и красноармейцы, а равно и все большевистские комиссары и советы, бежали. По освобождении из тюрьмы я остался совершенно одиноким; ничего не знаю о судьбе, постигшей моего Государя и его семейство; не знаю также и о судьбе оставшихся при Государе лиц. К тому времени, когда я покинул Ипатьевский дом, в нем находились Государь с Государыней, Наследник Алексей Николаевич и вел. княжны Мария, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; из придворных — один только проф. Боткин, человек лет 58, из служителей — Седнев И. Д., 32 лет, родом из города Углича, служил ранее мастером на Штандарте, Харитонов И. С. (правильно: И. М. — О. П.), лет 45, коренной придворный повар, мальчик Леонид Седнев и А. С. Демидова — девушка лет 40, из мещанок г. Череповца, окончившая курс Петроградского Демидовского Училища.

Как я уже показал Вам, Государь и Государыня отличались особенной набожностью; каждому из детей Государыня дарила образки, с которыми дети не расставались. У Государыни, между прочим, была особо почитаемая ею икона Федоровской Божией Матери, та самая, которая мне была

предъявлена при осмотре дома Ипатьева, с иконой этой Государыня никогда не расставалась и всегда ее имела у своего изголовья; куда бы Государыня ни отлучалась, хотя бы на короткое время, всегда брала эту икону с собой, и я не допускаю мысли, чтобы Государыня могла куда-нибудь отбыть, добровольно оставив эту икону. На иконе этой был золотой венец, украшенный бриллиантовой короной; бриллианты были дорогие, каждое зерно — более одного карата. Государь носил на безымянном пальце правой руки золотое обручальное кольцо, поддерживаемое другим колечком, украшенным сапфиром. Упомянутые в моем показании тетради государевых дневников в Тобольске были сложены в сундучок и отправлены с багажом, но где этот сундучок — не знаю; в Ипатьевском доме Государь также вел дневник. Государыня и великие княжны также имели и вели свои дневники. Все имущество государевой семьи, находившееся в Тобольском доме, было доставлено во двор Ипатьевского дома; куда девалось все это имущество, я не знаю. Более пока показать ничего не имею.

Показание мне прочитано. Записано верно.

Чемадуров.

Член Екатеринбургского окружного суда

Ив. Сергеев.

Товарищ прокурора Н. Остроумов.

ПРОТОКОЛ

допроса свидетеля

1918 года, октября 8—10 дня, в г. Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 и 712 ст. уст. уг. Суда, и он показал:

Я — протоиерей Иоанн Владимирович Сторожев, 40 лет, нахожусь на службе в действующей армии в должности благочинного 7-й Уральской дивизии горных стрелков.

По священству показываю:

Я дважды совершал богослужения в доме Ипатьева, в г. Екатеринбурге, когда там находилась под стражей большевистской власти семья бывшего Царя Николая Александровича Романова. Кроме меня там же совершал богослужения священник Екатеринбургского собора Анатолий Григорьевич Меледин. Как о. Меледину, так и мне сослужил каждый раз диакон названного собора Василий Афанасьевич Буймиров. Чередовались наши службы так: первое богослужение — светлую Заутреню — совершил вечером 21 апреля старого стиля о. Меледин. Второй раз — 20 мая старого стиля, когда прибыла из Тобольска вся семья Романовых, служил я обедницу. Третью службу (обедницу) совершил о. Меледин, но которого числа и месяца, не помню, кажется, это был день рождения одного из членов семьи Романовых. Четвертую службу (литургию) совершил в Троицын день о. Меледин и, наконец, пятое богослужение (обедницу) 1(14) июля совершил я. Почему именно на нас, священнослужителей Екатеринбургского собора (в то время я был настоятелем сего собора), возложена была обязанность совершать богослужения в доме Ипатьева, я не знаю. Обстоятельства, при которых был вызван и совершал службу я, представляются в следующем виде:

В воскресенье 20 мая (2 июня) 1918 г. я совершал очередную службу — раннюю Литургию — в Екатеринбургском соборе, и только что, вернувшись домой около 10 часов утра, расположился пить чай, как в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам

открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата невзрачной наружности, с рябоватым лицом и маленькими бегающими глазами. Одет он был в ветхую телогрейку защитного цвета, на голове — затасканная солдатская фуражка. Ни погон, ни кокарды, конечно, не было. Не видно было на нем и никакого вооружения. На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: «Вас требуют служить к Романову». Не поняв, про кого речь, я спросил: «К какому Романову?» — «Ну, к бывшему Царю», — пояснил пришедший. Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. «Он там написал, чтобы сослужили какую-то обедницу», — заявил мне пришедший. Чинопоследование обедницы обычно служится в войсках, когда по той или иной причине нельзя совершить Литургию. По своему составу богослужение это сходно с последованием Литургии, но значительно короче его, так как за обедницей не совершается таинства Евхаристии. Выразив готовность совершить просимое богослужение, я заметил, что мне необходимо взять с собой диакона. Солдат долго и настойчиво возражал против приглашения о. диакона, заявляя, что «комендант» приказал позвать одного священника, но я настоял, и мы вместе с этим солдатом поехали в собор, где я, захватив все потребное для богослужения, пригласил о. диакона Буймирова, с которым в сопровождении того же солдата поехал в дом Ипатьева.

С тех пор как здесь помещена была семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором. Около первого верхнего деревянного забора извозчик остановился. Впереди прошел сопровождавший нас солдат, а за ним мы с о. диаконом. Наружный караул нас пропустил. Задержавшись на

короткий срок около запертой изнутри калитки, выходящей в сторону дома, принадлежащего ранее Соломирскому, мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую — в кабинет (налево), где помещался «комендант». Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней, были часовые — такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей средних лет, помнится, одетых в гимнастерки. Один из них лежал на постели и, видимо, спал: другой молча курил папиросы. Посреди комнаты стоял стол, на нем самовар, хлеб, масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, беспорядочно. В момент нашего прибытия коменданта в этой комнате не было.

Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер. Вид этот человек имел среднего «сознательного рабочего». Ничего яркого, ничего выдающегося, вызывающего или резкого ни в наружности этого человека ни в последующем его поведении я не заметил. Я скорее догадался, чем понял, что этот господин и есть «комендант Дома особого назначения», как

именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем семьи Романовых. Комендант, не здороваясь и ничего не говоря, рассматривал меня (я его видел впервые и даже фамилии его не знал, а теперь запомнил). На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: «Они просят обедницу», никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после богослужения передать Романовым просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого раздумья возвратил ее диакону, сказав: «Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было». Я не удержался и ответил, что я вообще разговоров вести не предполагаю. Ответ мой, видимо, несколько задел коменданта, и он довольно резко сказал: «Да, никаких, кроме богослужебных рамок». Мы облачились с о. диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую принес один из слуг Романовых (не Чемодуров — его я ни разу не видал в доме Ипатьева, а познакомился с ним позднее, после оставления Екатеринбурга большевиками). Слуга этот высокого роста, помнится, в сером, с металлическими пуговицами, костюме.

Пользуюсь моментом, чтобы сделать общее замечание по поводу моих показаний. Исключительные условия, при которых мне приходилось воспринимать все эти посещения дома Ипатьева, а с другой стороны, совершенно исключительные внутренние переживания за время нахождения там — естественно препятствовали мне быть только спокойным наблюдателем, со всею правильностью оценивающим и точно запоминающим все наблюдаемые явления и лица. Тем не менее, я употребляю все усилия к тому,

чтобы показание мое было точно и оценка наблюдаемого объективна.

Итак, облаченные в священные ризы, взяв с собой все потребное для богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед, со мной шел о. диакон, а последним вошел комендант. Зал, в который мы вошли, через арку соединялся с меньшим по размеру помещением — гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол. Но от наблюдения обстановки зала и гостиной я был отвлечен, так как, едва переступил порог в зал, как заметил, что от окон отошли трое: это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел узнать. В следующей комнате, отделенной от зала, как я уже объяснил, аркой, находилась Александра Феодоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем, вид он имел до крайности болезненный, и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня — нового человека. Одет он был в белую (нижнюю) рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около кровати стояло кресло, в котором сидела Александра Феодоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Феодоровне, а равно и дочерях, я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Феодоровны, манера держаться, манера, которую нельзя иначе назвать, как «величе-

ственной». Она сидела в кресле, но вставала (бодро и твердо) каждый раз, когда мы входили, уходили, а равно и когда я по ходу богослужения преподавал «мир всем», читал Евангелие или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Феодоровны, дальше по правой стене, стали обе их младшие дочери, а затем сам Николай Александрович. Старшие дочери стояли в арке, а отступая от них, уже за аркою, в зале стояли высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это были доктор Боткин и состоящая при Александре Феодоровне девушка). Еще позади стояли двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел и не запомнил. Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого в зале, ни в комнате за аркой не было.

Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, такие же брюки, при высоких сапогах. На груди был у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый.

Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не заметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. Борода, когда я был в первый раз, была длиннее и шире, чем 1(14) июля: тогда мне

показалось, что Николай Александрович подстриг кругом бороду. Что касается Александры Феодоровны, то у нее — из всех — вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный.

Я забыл отметить, что всегда особенно останавливало мое внимание, это та исключительная — я прямо скажу — почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения.

Богослужение — обедницу — мы совершали перед поставленным среди комнаты за аркой столом. Стол этот был покрыт шелковой скатертью с разводами в древнерусском стиле. На этом столе в стройном порядке и обычной для церкви симметрии стояло множество икон. Тут были небольшого, среднего и совсем малого размера складни, иконки в ризах — все это редкой красоты по своему выдержанному древнему стилю и по всей выделке. Были простые без риз иконы, из них я заметил икону Знамения Пресвятой Богородицы (Новгородскую), икону «Достойно есть». Других не помню. Заметил я еще икону Богоматери, которая при служении 20 мая занимала центральное место. Икона эта видимо, очень древняя. Боюсь утверждать, но мне думается, что изображение это то, которое именуется «Феодоровской». Икона была в золотой ризе, без камней. Ни этой иконы, ни складней, ни иконы «Знамения», ни иконы «Достойно есть» я среди Вами мне представляемых не вижу — их здесь нет. Та икона, которую Вы мне показываете, без ризы, с одной металлической каймой, с оторванным, видимо, венчиком — именуется не «Феодоровской», а «Казанской»: это я утверждаю категорически. Ико-

ны этой ни при первом, ни при втором богослужении ни на столе, ни на стене не было.

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектении, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так он пел, например, «Отче наш» и др.). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный «отпуст» со святым крестом и на минуту остановился в недоумении: подходить ли мне с крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается, и тогда бы своим неверным шагом я, может быть, создал в дальнейшем затруднения в разрешении семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды. Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с крестом. Показалось мне, что и Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте, в дальнем углу и спокойно смотрел на нас. Тогда я сделал шаг вперед, и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взгляда, первым подошел к кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Феодоровна и все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежавшему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: «Сейчас он непременно что-нибудь да скажет», но Алексей Николаевич молча поцеловал крест. Ему и Александре Феодоровне о. диакон дал по просфоре, затем подошли ко кресту доктор Боткин и названные служащие — девушка и двое слуг.

В комендантской мы разоблачились, сложили свои вещи и пошли домой, причем до калитки в заборе нас мимо постовых провожал какой-то солдат.

Следующие два раза, как я уже сказал в начале моего показания, в доме Ипатьева служил о. Меледин.

30 июня (13 июля) я узнал, что на другой день, 1(14) июля, в воскресенье, о. Меледин имеет служить в доме Ипатьева Литургию, что о сем он уже предупрежден от коменданта, а комендантом в то время состоял известный своей жестокостью некий Юровский – бывший военный фельдшер. Я предполагал заменить о. Меледина по собору и отслужить за него Литургию 1(14) июля. Часов в 8 утра 1(14) июля кто-то постучал в дверь моей квартиры, я только что встал и пошел отворить. Оказалось, явился опять тот же солдат, который и первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева. На мой вопрос: «Что угодно?» солдат ответил, что комендант меня «требуется» в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. Я заметил, что ведь приглашен о. Меледин, на что явившийся солдат сказал: «Меледин отменен, за Вами прислано». Я не стал расспрашивать и сказал, что возьму с собой о. диакона Буймирова (солдат не возражал) и явлюсь к десяти часам. Солдат распрощился и ушел: я же, одевшись, направился в собор, захватил здесь все потребное для богослужения и в сопровождении о. диакона Буймирова. в 10 часов утра был уже около дома Ипатьева... Наружный часовой, видимо, был предупрежден, так как при нашем приближении сказал через окошко внутрь ограды: «Священник пришел». Я обратил внимание на совершенно необычной для уст красных наименование «священник» и, всмотревшись в говорившего, заметил, что как он, так и вообще постовые на

этот раз как-то выглядят интеллигентнее того состава, который я видел 20 мая. Мне даже показалось, что среди них были ученики Горного училища, но кто именно — не знаю. По-прежнему внутри за забором, на площадках лестницы и в доме было много вооруженных молодых людей, несших караул.

Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский. (Юровского я не знал, видел его лишь как-то раньше ораторствовавшим на площади). Я успел заметить две особенности, которых не было 20 мая — это: 1) очень много проволочных проводов, идущих через окно комендантской комнаты в дом Ипатьева, и 2) автомобиль — легковой — стоящий наготове у самого подъезда дома Ипатьева. Шофера на автомобиле не было. На этот раз нас провели в дом прямо через парадную дверь, а не через двор.

Когда мы вошли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати. Войдя в комнату, я сказал Юровскому: «Сюда приглашали духовенство, мы явились. Что мы должны делать?» Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: «Обождите здесь, а потом будете служить обедницу». Я переспросил: «Обедню или обедницу?» — «Он написал: обедницу», — сказал Юровский.

Мы с о. диаконом стали готовить книги, ризы и проч., а Юровский, распивая чай, молча рассматривал нас и, наконец, спросил: «Ведь ваша фамилия С-с-с», — протянул начальную букву моей фамилии. Тогда я сказал: «Моя фамилия Сторожев». «Ну да, — подхватил Юровский, — ведь Вы уже служили

здесь». «Да, — отвечаю, — раз служил». — «Ну, так вот и еще раз послушайте».

В это время диакон, обращаясь ко мне, начал почему-то настаивать, что надо служить обедню, а не обедницу. Я заметил, что Юровского это раздражает и он начинает «метать» на диакона свои взоры. Я поспешил прекратить это, сказав диакону, что и везде надо исполнять ту требу, о которой просят, а здесь, в этом доме, надо делать то, о чем говорят. Юровский, видимо, удовлетворился. Заметив, что я зябко потираю руки (я пришел без верхней рясы, а день был холодный), Юровский спросил с оттенком насмешки, что такое со мной. Я ответил, что недавно болел плевритом и боюсь, как бы не возобновилась болезнь. Юровский начал высказывать свои соображения по поводу лечения плеврита и сообщил, что у него самого был процесс в легком. Обменялись мы и еще какими-то фразами, причем Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами. Одет он был в темной рубаше и пиджаке. Оружия на нем я не заметил. Когда мы облачились и было принесено кадило с горящими углями (принес какой-то солдат), Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: «Что, у вас все собрались?» (Поручиться, что именно так он выразился, я не могу). Николай Александрович ответил твердо: «Да — все».

Впереди, за аркой, уже находилась Александра Феодоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый

в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Феодоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая ст. ст. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, как и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли, и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что, как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу, в угнетении духа, но все же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая ст. ст. Только теперь кресло Александры Феодоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича — дальше от арки, несколько позади его. Позади Алексея Николаевича стали Татьяна Николаевна (она потом подкатила его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место у правой от арки стены.

За аркой в зале стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: высокого роста, другой низенький, полный (мне показалось, что он молился, складывая руку, как принято в католической церкви) и третий молодой мальчик. В зале за богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте — в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди его ветвей помещена икона, именуемая «Нерукотворный Спас» — обычного письма, без ризы. Я не могу точно удостовериться, но я почти убежден, что это была одна из тех двух одинакового размера икон «Нерукотворного Спаса», которые вы мне предъявляете.

По-прежнему на столе находились те же образки-складни, иконы «Знамения Пресвятой Богородицы», «Достойно есть», и справа, больших в сравнении с другими размеров, писанная масляными красками, без ризы, икона святителя Иоанна Тобольского. Вы мне показываете две такие иконы святителя Иоанна, причем на одной я вижу небольшую выемку в виде углубления. Я должен пояснить, что такие выемки обычно делают в иконах для помещения в них металлического (золотого или серебряного) ковчежца с какою-либо святыней (частицей святых мощей или одежды святого); сверху этот ковчежец обычно защищен стеклом, вставленным в узенький металлический ободок, который и выступает над уровнем самой иконы. Иногда вокруг этого ковчежца делается сияние в виде звезды или расходящихся лучей. Сияние это устроится из драгоценного металла, иногда осыпанного камнями. Я подробно осмотрел предъявленную Вами мне икону святителя Иоанна, на коей имеется описанная выемка, и полагаю, что выемка эта сделана именно для вложения ковчежца со святыней, каковая, очевидно, и была здесь. Не усматривая никаких следов в виде нажимов, царапин или углублений от типов и гвоздиков на иконе вокруг этой выемки, я полагаю, что сияния около ковчежца (если таковой был

на иконе) не было, и, следовательно, ковчежец имел снаружи обычную узенькую металлическую каемочку и в смысле денежной стоимости едва ли мог представляться ценным. Мне трудно определить, которая из двух предьявляемых мне икон св. Иоанна Тобольского находилась на столе во время богослужения 1(14) июля, но та икона, которая была там, имела такой же вид и размер, как эти, предьявляемые. Тогда (1(14) июля) я не заметил в иконе ковчежца со святыней, но это могло произойти и потому, что ковчежец был заслонен впереди стоящими иконами.

Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие «Со святыми упокой». Почему-то на этот день диакон вместо прочтения запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высокопоэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Феодоровне о. диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано.) Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих Княжон, мне слышались едва уловимые слова:

«Благодарю». Не думаю, чтобы это мне только показалось. Войдя в комендантскую, я, незаметно для себя, глубоко вздохнул. И вдруг слышу насмешливый вопрос: «Чего Вы это так тяжело вздыхаете?» — говорил Юровский. Я не мог и не хотел открывать ему мною переживаемого и спокойно ответил: «Досажую, что так мало послужил, а весь взмок от слабости, выйду теперь и опять простужусь». Внимательно посмотрев на меня, Юровский сказал: «Тогда надо окно закрыть, чтобы не продуло». Я поблагодарил, сказав, что все равно сейчас пойду на улицу. «Можете переждать», — заметил Юровский и затем, совершенно другим тоном, промолвил: «Ну вот, помолились и от сердца отлегло» (или «на сердце легче стало» — точно не упомню). Сказаны были эти слова с такой, мне показалось, серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: «Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил». Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: «Я никогда не отрицал влияния религии и говорю это совершенно откровенно». Тогда и я, подавшись той искренности, которая послышалась мне в его словах, сказал: «Я вам тоже откровенно отвечу — я очень рад, что вы здесь разрешаете молиться». Юровский на это довольно резко спросил: «А где же мы это запрещаем?» «Совершенно верно, — уклонился я от дальнейшей откровенности, — вы не запрещаете молиться, но ведь здесь, в Доме особого назначения, могут быть и особые требования». — «Нет, почему же...» — «Ну вот, это я и приветствую», — закончил я. На прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались.

Молча дошли мы с о. диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг о. диакон сказал

мне: «Знаете, о. протоиерей, — у них там чего-то случилось». Так как в этих словах о. диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. «Да так. Они все какие-то другие точно, да и не поет никто». А надо сказать, что действительно за богослужением 1(14) июля впервые (о. диакон присутствовал при всех пяти служениях, совершенных в доме Ипатьева) никто из семьи Романовых не пел вместе с нами.

Через два дня, 4(17) июля, екатеринбуржцам было объявлено, что бывший Государь Император Николай Александрович расстрелян.

5(18) июля я видел Юровского разъезжающим на автомобиле по городу Екатеринбургу. Подъезжал он к зданию Первой женской гимназии, сидел в автомобиле, дожидаясь кого-то около Уральского училища, и затем с неизвестным мне господином проехал к Верхне-Исетскому заводу. Более я его не встречал и сам лично ничего более по настоящему делу не могу показать.

Протоиерей Иоанн Сторожев.

Член Окружного суда Ив. Сергеев.

*При допросе присутствовал товарищ прокурора
Н. Остроумов.*

ПРОТОКОЛ

1918 года, сентября 12—14 дня, в камере своей, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда Иван Александрович Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Я, Петр Андреевич Жильяр (Pierre Gilliard), 39 лет, кальвинист, швейцарский гражданин, уроженец

коммуны Ивердон, кантона Во (Commune d'Iverdon, Canton de Vaud), временно живу в гор. Тюмени, по Тобольской улице, д. № 4, а в Екатеринбурге остановился в д. № 10, по Солдатской улице. Высшее образование получил в Лозаннском университете, по отделению классической словесности.

В 1904 году я приехал в Россию по приглашению герцога Георгия Максимильяновича Лейхтенбергского, в качестве преподавателя французского языка сыну его Сергею Георгиевичу. Приглашение я получил через ректора Лозаннского университета и по его рекомендации.

В 1905 году осенью, через личного секретаря б. Императрицы Александры Федоровны — графа Ростовцева, я получил приглашение на должность преподавателя французского языка при «Большом дворе». Приглашение это я принял. Вначале я преподавал французский язык б. великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. Затем, по мере достижения учебного возраста — Марии Николаевне и Анастасии Николаевне и, наконец, б. Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу. До 1913 года я был приходящим преподавателем, а в этом году поселился в Царскосельском дворце в качестве помощника воспитателя б. Цесаревича, хотя воспитателя до самого последнего времени при нем не было.

После Февральской революции 1917 года, когда Государь за себя и Наследника отрекся от престола и был доставлен из ставки в Царское Село, Царская семья, равно как и все другие обитатели дворца, была подвергнута режиму, установленному Временным правительством. Во дворце была назначена военная охрана под начальством особого коменданта, и сношения с внешним миром могли производиться-

ся только через коменданта. Во время прогулок по парку также присутствовали солдаты и офицеры военной охраны. Помимо ограничения свободы, в остальном жизнь Царской семьи протекала в обстановке и условиях, близких к тем, какие были и прежде.

Дворец несколько раз посещал б. председатель Совета министров А. Ф. Керенский. На первых порах его отношение к Государю и Государыне было резким и суровым. Впоследствии, ознакомившись с содержанием отображенных во дворце бумаг и документов, Керенский изменил свое отношение к б. Царю и его супруге и стал очень любезен и внимателен.

Солдаты и офицеры, несшие охранную службу, в общем вели себя сдержанно и прилично, хотя и бывали иногда случаи проявления враждебного настроения. Один из таких случаев произвел особенно тягостное впечатление. У Алексея Николаевича была любимая игрушка – ружье уменьшенного образца. В первых числах июня м. г., когда б. Наследник гулял в парке, офицер караула заявил мне, что ружье у Алексея Николаевича следует отобрать. Я заметил на это, что у Наследника собственно говоря не ружье, а игрушка, и что нехорошо лишать мальчика той радости, которую ему доставляет обладание этой игрушкой. Офицер настаивал на своем мнении. Находившийся при этом разговоре Алексей Николаевич бросил ружье и, горько рыдая, побежал к отцу и матери. Офицер, отобравший у Наследника ружье, просил меня передать Алексею Николаевичу, что вынужден был так поступить, чтобы избежать насилия, так как солдаты настойчиво требовали отобрания ружья, и настроение их по этому поводу было возбужденное и враждебное.

Во второй половине июля месяца м. г. во дворце стало известно, что Врем, правительством принято решение отправить б. Государя и его семью на жительство на юг России, но точных сведений по этому вопросу сообщено не было. Стали готовиться к дороге и занялись укладкой и упаковкой багажа. Отъезд был назначен в час ночи на 1 августа. К этому времени вся Царская семья и придворные, уезжавшие вместе с семьей, собрались в Полуциркульном зале. Сюда же был принесен и багаж. Отъезд, однако, почему-то замедлился и состоялся только около пяти часов утра. Все страшно утомились долгим ожиданием. Перед отъездом Государю было разрешено свидание с б. великим князем Михаилом Александровичем. Свидание продолжалось около получаса и происходило в присутствии А. Ф. Керенского, который во время беседы Государя с братом отошел в сторону и занялся разглядыванием альбомов.

В 5 часов утра выехали на ст. «Александровка» на четырех моторах: на первом — А. Ф. Керенский с В. К. Лебедевым, на втором — б. Государь, Государыня, Алексей Николаевич и Ольга Николаевна, на третьем — Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, графиня Гендрикова и mile Шнейдер, на четвертом — кн. В. А. Долгоруков, профессор Боткин и я. Часа за три до отъезда на вокзал прибыл генерал Татищев, приглашенный заменить графа Бенкендорфа, сославшегося на болезнь своей жены. Выяснилось, что поедем мы не на юг, а на север.

В Тобольск мы прибыли 6 августа 1917 года. Переезд был совершен благополучно и с достаточными удобствами. До 13 августа прожили на пароходе, пока не была закончена переделка Губернаторского дома, предназначенного для жительства Царской

семьи. Комендантом дома был полковник Евгений Степанович Кобылинский. Офицеры и солдаты военной охраны были из Царскосельских стрелковых полков. Разместились довольно удобно и хорошо, и жизнь потекла здесь довольно ровно и спокойно. Придворный этикет был упрощен и отношения членов Царской семьи, придворных и даже ближних служителей были простые и дружеские. Все требования хозяйственного характера и сношения с внешним миром здесь, как и в Царском Селе, проходили через коменданта.

Стеснений и недостатка почти не испытывали так как в большинстве случаев полковник Кобылинский выполнял требования без отказа. Как-то в разговоре со мной полк. Кобылинский сообщил, что Керенский при прощании сказал ему: «Не забудьте, что это бывший Царь и что он и его семья ни в чем не должны нуждаться». Ежемесячный расход на содержание Царской семьи, придворных и служителей выражался в сумме 25–30 тысяч рублей. Книги были привезены из Царского Села в достаточном количестве. Получались газеты и журналы. Дни проходили в чтении, занятиях, прогулках в пределах ограды и бесадах. Отношение офицеров и солдат военной охраны в общем было корректное, иногда даже сердечное. Был, однако, небольшой процент и таких, которые держались холодно, сурово и недоброжелательно.

Октябрьский переворот дошел до Тобольска не скоро. Только в марте месяце большевики стали вводить здесь свои порядки и назначать своих комиссаров. Средства, отпускаемые на содержание Тобольского дома, были урезаны: на каждого члена Царской семьи было назначено по 600 рублей в месяц, т. е. всего 4200 рублей. Вследствие этого при-

шлось значительно сократить штат прислуги и многих из служителей уволить.

Кажется, числа 8—9 апреля в Тобольск прибыл уполномоченный московского Центрального исполнительного комитета Яковлев. Явившись к Государю 10-го апреля, Яковлев обошел весь дом и вместе с ним посетил больного Алексея Николаевича. Побыв у его постели, Яковлев долго смотрел на больного и, ничего не сказав, ушел. В тот же день Яковлев пришел еще раз и с разрешения Государя еще раз посетил со своим помощником (мне неизвестным) Алексея Николаевича.

12 апреля, часа в 2-3 дня, Яковлев объявил б. Государю, что получил от Ц.И.К. приказание взять Государя с собой. Государь выразил протест, указывая, что не может покинуть больного сына, но Яковлев твердо заявил, что приказание должно быть исполнено, и в случае нужды он даже прибегнет к насилию. Яковлев, хотя и проявлял непреклонную решимость, в обращении был вежлив и произвел на б. Государя хорошее впечатление. На расспросы Яковлев объяснил, что берет с собою только одного Государя из-за болезни Алексея Николаевича, и что вскоре вернется за всеми остальными членами Царской семьи. К этому Яковлев добавил, что возьмет и сейчас с собою тех, кто пожелает ехать с Государем. Куда именно предполагалось увезти Государя, — никто не знал. Яковлев говорил, что он сам не знает места назначения и что лишь в дороге получит указания, куда ехать. Ввиду таких объяснений на семейном совете было решено, что с Государем поедут Государыня и в[еликая]. кн[яжна] Мария Николаевна.

Отъезд был назначен на утро 13 апреля и состоялся в назначенное время. Из придворных особ с

Государем поехали гофмаршал В. А. Долгоруков и лейб-медик проф. Боткин. Из служителей поехали камердинер Т. И. Чемодуров, лакей И. Л. Седнев и комнатная девушка А. С. Демидова. Багаж был взят только самый необходимый. Князь Долгоруков взял с собой 80 тысяч руб. денег, принадлежавших Царской семье.

Только на восьмой день мы узнали, что Государя увезли в Екатеринбург, откуда было получено несколько писем от Государыни. В письмах сообщалось, что заключенные в Ипатьевском доме были подвергнуты суровому режиму. При входе в дом у всех приезжих были осмотрены вещи и багаж. Осмотрены были даже помещения с лекарствами.

В конце апреля в Тобольском доме появился комиссар Хохряков, приступивший к замене отряда, охранявшего дом, другим отрядом, прибывшим в Тобольск одновременно с названным комиссаром. После удовлетворения солдат и офицеров прежнего отряда жалованьем, в охрану вступил новый отряд под командой вновь назначенного коменданта Родионова. Полковник Кобылинский был смещен. Хохряков первое время относился очень недоверчиво к факту болезни Алексея Николаевича и неоднократно совершенно внезапно врывается в его комнату с целью проверить, не является ли болезнь мальчика выдумкой или притворством. Убедившись, наконец, что мальчик действительно болен, Хохряков сделался очень внимательным по отношению к больному и нередко, сидя у постели Алексея Николаевича, занимал его разговором. Алексей Николаевич также выражал чувства симпатии и относился к Хохрякову детски просто и доверчиво.

Отъезд в Екатеринбург был назначен на 7(20) мая. Будучи извещены об этом заблаговременно, обитате-

ли Тобольского дома имели возможность уложить и приготовить в дорогу почти все находившееся в доме имущество. Хохряков сказал, чтобы укладывали и везли с собой все имущество, так как он имеет право на провоз до 3000 пудов багажа. Уложена была также мебель, принадлежавшая Губернаторскому дому.

Фамильные драгоценности, как-то: ожерелья, цепи, броши, серьги, браслеты и т. п., привезенные из Царского Села в Тобольск, было решено взять с собой, так как из содержания некоторых писем Государыни можно было сделать заключение, что она этого желает. В то же время, опасаясь, как бы драгоценности не попали в руки большевиков, мы на семейном совещании решили провезти драгоценности скрыто и с этой целью при помощи преданных служительниц А. А. Теглевой, М. Г. Тутельберг и Е. Н. Эрсберг – зашили все драгоценности в одежде и шляпах б. в. княжен. Наиболее крупные бриллианты (5-6 камней) были зашиты в пуговицах темно-синих суконных костюмов Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, а может быть, и Анастасии Николаевны. Разные мелкие вещи и жемчуг были зашиты в подбитых ватой “cache-corset”-ах в. княжен. Подробно и точно указать, где именно и какие драгоценности были зашиты, я не могу. Лучшее всего Вам об этом могут показать А. А. Теглева (Тюмень, Тобольская ул. № 4) и М. Г. Тутельберг (Камышлов). У Государыни были дорогие жемчужные ожерелья, бриллиантовая цепь и масса мелких вещей. У каждой княжны также много было всяких драгоценных вещей. Думаю, что стоимость всех драгоценностей превышала один миллион рублей даже в довоенное время.

Из предъявленных Вами ранее и сегодня драгоценных вещей (предъявлены вещи, описанные в

протоколах от 2—8 августа), крупный бриллиант я положительно признаю за принадлежащий Государыне. Камень этот, насколько я помню, был зашит в пуговице темно-синего костюма б. в. княжны Ольги Николаевны. Оговариваюсь, что в этом последнем пункте не вполне уверен: может быть, бриллиант был зашит в пуговице костюма Татьяны Николаевны. Если не ошибаюсь, этот бриллиант служил подвеском к другому камню шестиугольной формы. Наиболее точные сведения по этому вопросу может дать М. Г. Тутельберг. С уверенностью могу сказать, что бриллиант я признаю за один из тех, которые были спрятаны в костюмах б. в. княжен.

Предъявленную Вами серьгу с крупной жемчужиной я признаю за вещь, принадлежащую б. Императрице Александре Федоровне. Эти серьги были любимым украшением Государыни, точно так же и длинные жемчужные цепи.

Возвращаясь к моменту отъезда великих княжен и б. Наследника из Тобольска, должен сказать, что с ними поехали все оставшиеся по отъезде Государя и Государыни лица: генерал И. Л. Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден, Т. Шнейдер, мистер Гиббс и я. Служители: Кокичев, Журовский, Кирпичников (ныне живут в Тобольске), Сергей Иванов (Тюмень, Водопроводная, д. Гусева), А. Н. Дмитриев и Тютин (Тобольск), Терехов (Томск), Смирнов (Тюмень, Водопроводная, д. Гусева), Пюрковский (Томск), А. А. Теглева и Елиз. Ник. Эрсберг (Тюмень, Тобольская, д. № 4), М. Г. Тутельберг (Камышлов). Кроме этих служителей, были: Нагорнов, Волков, Трупп и мальчик Седнев (судьба коих мне достоверно не известна) и личная прислуга: гр. Тендряковой — П. Г. Межева, mile Шнейдер — горничные Катя и Маша, по фамилии мне неизвестные.

С нами же поехал и доктор В. Н. Деревенко, приехавший в Тобольск приблизительно в начале сентября 1917 года.

Когда на пароходе мы приехали в Тюмень, то в поданном для нас составе поезда оказались только вагоны IV класса и один багажный. Комиссар Хохряков в заботах о больном Алексее Николаевиче долго хлопотал, волновался и бранился, пока не удалось получить один классный вагон. В этом вагоне поместились б. в. княжны, Алексей Николаевич с доктором Деревенко и служителем К. Г. Нагорновым, генерал Татищев, графиня Тендрякова, баронесса Буксгевден, Е. А. Шнейдер и Е. Н. Эрсберг. Все остальные, в том числе и я, и мистер Гиббс, поместились в общем вагоне IV класса. Комендант Родионов и в пути, так же как и в Тобольске, был без надобности груб и придирчив.

В Екатеринбург наш поезд прибыл часа в 2 ночи на 10(23) мая. Часов в 8 утра были поданы извозчики, на которых увезли великих княжон, Алексея Николаевича с Нагорновым и доктором Деревенко. Для принятия прибывших с поездом на вокзал приехал председатель Екатеринбургского областного совета Белобородов. Должен отметить характерную подробность, не предвещавшую для большевистских пленников ничего хорошего: когда княжны вышли из вагона с багажом в руках, лакей Нагорнов хотел помочь им перенести багаж до извозчика, но его остановили и грубо оттолкнули.

Часа через 2-3 увезли Татищева, Гендрикову и Шнейдер.

Отъезд детей б. Царя был обставлен так, что никто из нас не имел возможности с ними проститься. Из служительского персонала увезли Волкова, Харитонова, Нагорнова, Труппа и мальчика Седнева.

С этого момента никаких сведений, кроме тревожных и неопределенных слухов, ни о ком из перечисленных лиц я не имею.

Все бывшие в вагоне IV класса (за исключением увезенных) снабжены были приказом местного совета о выезде из пределов Пермской губернии. Бумага была написана общая для всех: «Слугам бывшего Царя в числе 18 человек». С нами же была оставлена и баронесса Буксгевден. Только дней через 10 отправили нас в Тюмень, предоставив свободу дальнейшего передвижения.

Чем был обусловлен перевод б. Государя и его семьи из Тобольска в Екатеринбург, какая участь постигла их здесь — я знаю только по слухам и газетным известиям.

Как гувернер б. Наследника Алексея Николаевича, искренне привязанный к нему, я считаю необходимым удостоверить, что это мальчик с очень хорошими задатками, простой, добрый, доверчивый, живой и шаловливый (когда здоров). Алексей Николаевич — общий любимец всей семьи. Его воспитание и образование шло в соответствии с его возрастом и здоровьем. Способности у него хорошие — но замечалась склонность к лени.

Вообще в домашнем быту Государева семья производила отличное впечатление: все были искренне связаны чувствами простой, бесхитростной любви друг к другу. Как отношения родителей и детей между собою, так и отношения родителей к детям были самые сердечные, полные взаимной любви и уважения. Могу также отметить, что в семье наблюдалась неподдельная религиозность, с оттенком мистицизма в б. Государыне. Ни в Алексее Николаевиче, ни в в. княжнах не было никакого стремления к почестям, внешнему блеску и могуществу. Вкусы

их были простые, отношения к окружающим также отличались простотой и сердечностью. После революции Государь взял на себя преподавание Алексею Николаевичу уроков истории и географии, а Государыня взяла на себя преподавание Закона Божия.

Из жизни в Тобольске я припоминаю случай, когда Государь был очень взволнован и огорчен, прочитав в газетах о Брест-Литовском договоре. С этого момента Государь, видимо, еще больше страдал за Россию. Предательство немцев и большевиков возмущало Государя до глубины души. Вообще, по поводу распространенного в России мнения, что под крышей царского дворца свила себе гнездо германофильская партия, должен по совести засвидетельствовать, что за время своего продолжительного пребывания во дворце я ни разу не слышал и не замечал признаков какого бы то ни было влияния немецкого родства Государыни. Правда, в Царском Селе, по условиям своего положения, я не мог вступать в беседы по этому поводу ни с Государем, ни с Государыней, но все же какое-либо определенное настроение не могло бы ускользнуть от моего внимания. Немецкая речь и немецкий язык совсем не были приняты в Царской семье. Алексей Николаевич совсем не знает немецкого языка, в княжны говорили по-немецки очень плохо и не любили его. Дети между собою всегда почти говорили по-русски. С Государем также говорили только по-русски, а с Государыней — по-русски и по-английски.

В Тобольске, когда Царская семья вела образ жизни поневоле уединенный и замкнутый, обитатели дома быстро сближались и вели непринужденные разговоры на темы, выходящие из рамок будничного обихода. По поводу немецких интриг и побед в связи с Брестским договором Государыня однажды

выразила сожаление, что даже отречение Государя от престола не принесло никакой пользы для России. По поводу газетных заметок о том, что одним из секретных пунктов Брестского договора было предусмотрено перемещение Царской семьи в одну из нейтральных стран, Государыня воскликнула: “Je prefere mourir en Russie que d’être sauvée par les Allemands” («Я предпочту умереть в России, чем быть спасенной немцами»). Такое отношение к германцам, по моему глубокому убеждению, не было рисовкой или притворством, так как было слишком искренним и проявлялось в тесном семейном кругу, когда не было смысла и цели быть неискренним. Не раз также Государыня негодовала на германцев, следя по газетам за тем, как немцы кусок за куском отрывали от России. Приведенную мною фразу Государыни по поводу отречения Государя от престола я, может быть, по несовершенному знанию русского языка передал не вполне точно. Смысл фразы тот, что оказалась бесполезной жертва, которую принес Государь, чтобы избежать внутренней, междоусобной войны во время войны против немцев. Вообще говоря, из всех разговоров и поступков Государыни за время пребывания в Тобольске я вынес впечатление, что она любит Россию как свою вторую родину.

Никаких решительно догадок по поводу того, могли ли вмешаться в положение Царской семьи представители нейтральных или союзных держав, я не имею основания делать. Мне как-то в январе месяце этого года кн. В. А. Долгоруков сообщил, что его beau-règne, обер-гофмаршал граф Бенкендорф, намерен был ходатайствовать через нейтральные государства о разрешении б. Государю и его семье выезда из пределов России в Японию. Были ли сле-

ланы в этом направлении какие-либо шаги — мне неизвестно. Вследствие этого я не могу высказать определенного суждения по вопросу о том, в какой мере основательны слухи, дошедшие и до меня, о том, будто некоторые члены б. Царской семьи увезены из Екатеринбурга большевиками, после того как они покинули город перед занятием его чехословаками, казачьими и Народной армией войсками.

Из предъявленных Вами вещей (предъявлены вещи, описанные в протоколе от <...> я признаю голубой с кистями кушак за принадлежащий Алексею Николаевичу. Металлическую пряжку от пояса в точности признать не могу, но утверждаю, что совершенно с такой же пряжкой пояс у б. Наследника был.

Относительно икон я показать ничего не могу, так как, по своим религиозным взглядам, я не понимаю иконопочитания и потому этим вопросом никогда не интересовался и не обращал внимания, у кого из членов Царской семьи и какие именно имеются иконы. Могу лишь удостоверить, что в комнатах, занимаемых в. князьями и б. Наследником, было много икон.

По поводу предъявленного мне отрубленного пальца я затрудняюсь высказаться даже предположительно, так как в настоящем виде палец утратил какие-либо отличительные особенности. Пальцы на руке Государя были довольно плоские, с грубой кожей, у основания покрыты волосами. Не помню хорошенько вид и форму пальцев д-ра Боткина.

Знаю, что у д-ра Боткина были вставные зубы. Предъявленные Вами две пластинки вставных зубов похожи на те, какие имел Боткин. Пластинки были изготовлены ялтинским зубным врачом Кастрицким.

По поводу предъявленной Вами серьги с жемчужиной, признанной мною за принадлежащую б. Императрице, я представляю Вам, г. следовательно, фотографическую карточку, снятую мною с Государыни в 1913 году в Ливадии. На этой карточке, как это ясно видно, в ушах Государыни вдеты серьги, из которых каждая состоит из одной крупной жемчужины в золотой оправе. Я полагаю, что предъявленная мне серьга тождественна с изображенными на карточке.

Относительно драгоценностей прошу внести следующую поправку: я ошибся, сказав, что все драгоценности были зашиты в шляпах и костюмах б. в. княжен. Таким способом были спрятаны наиболее ценные вещи, часть же вещей была уложена в чемодан. Укладывала вещи М. Г. Тутельберг. Какие именно вещи были уложены в чемодан, каков внешний вид чемодана и какие другие вещи были сложены в том чемодане — не знаю, так как укладка производилась не на моих глазах. При решении вопроса о драгоценностях в. княжны обратились за советом к генералу Татищеву, м-ру Гиббсу и ко мне, и княжны последовали нашим указаниям.

Забыл Вам сказать, что генерал Татищев при выезде из Тобольска в Екатеринбург имел при себе около 30 000 рублей денег (точную цифру теперь не помню).

Относительно предъявленного Вами мальтийского креста я не могу сообщить никаких сведений, так как подобного креста мне видеть не приходилось.

Более по делу показать ничего не имею. Протокол прочитан.

Петр Андреевич Жильяр.

Член Екатеринбургского окружного суда

Ив. Сергеев.

ПРОТОКОЛ

Допроса свидетельницы

1918 года, ноября 9—10 дня, в гор. Екатеринбурге, в камере своей член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и она показала:

Я, Мария Даниловна Медведева, 26 лет, жительница Сысертского завода, Екатеринбургского у., православная, не судилась, в настоящее время содержусь при 3 части милиции города Екатеринбурга.

Уже около 10 лет я состою в супружестве с жителем нашего завода Павлом Спиридоновичем Медведевым и имею от него троих детей. Муж мой — человек грамотный, непьющий и не буян, так что жили мы с ним очень дружно и хорошо. Меня и детей он очень любил и заботился о нас. Осенью 1914 года Павел был призван на службу в ополчение, но через два месяца был от службы освобожден, как горнозаводской рабочий. Живя дома, муж работал на заводе в сварочном цехе, а в свободное время занимался сапожным ремеслом. После революции, до масленицы нынешнего года, муж продолжал работать на заводе, а незадолго перед масленой записался в красную гвардию и уехал на службу в город Троицк. Сколько получал Павел за свою службу, не знаю, а я на себя и детей получала ежемесячно 175 руб.: деньги я получала от сысертского Совета раб. кр. и солд. депутатов. На Страстной неделе, за четыре дня до Пасхи¹, муж вернулся домой и прожил дома около трех недель. В Троицке муж ходил на войну с каким-то Дутовым. По словам мужа, на Дутовском фронте он участвовал в боях. Кто это такой Дутов, с которым воевали красноармейцы — не знаю². Не знаю также,

почему был отпущен Павел домой. Из разговоров мужа я знаю, что начальником красногвардейцев на Дутовском фронте был комиссар Мрачковский.

В начале мая (считая по ст. стилю) муж записался в команду, набранную для охраны того дома, в котором была помещена Царская семья. Для найма охранников в наш завод приезжал комиссар Мрачковский. Записались из нашего завода 30 человек рабочих, и все уехали в Екатеринбург. Жалованья было положено по 400 р. при готовой квартире и столе. Недели через две после отъезда муж мой снова приехал в Сысертский завод с поручением набрать среди рабочих еще 20 человек для пополнения команды. Поручение было дано моему мужу комиссаром Голощекиным. Набор производился по записи, а записываться приходили в помеще-ние местного Совета Р. К. и С. Д. Муж мой жил в той же казарме, в которой помещались и другие охранники, но у него была отдельная маленькая комнатка, так как он был разводящим. В городе я навещала мужа четыре раза: останавливалась и жила я в отведенной мужу комнате. Из наших сысертских рабочих, служивших в команде, я могу назвать следующих: два брата Стрекотины (старший – Андрей и младший – Алексей), отец и сын Старковы (Иван Петрович и Иван Иванович), Николай Садчиков, Котов (имени его не знаю), Егор Столов, Константин Степанович Добрынин, Николай Зайцев, Сафонов „Файка” (а настоящее имя его не знаю), Иван Талапов, Котегов Иван, Турыгин Семен, Русаков (имени не знаю). Других не припомню. Вы спрашиваете меня про Михаила Летемина – и я вспомнила, что он тоже служил в команде по охране Царской семьи. Про службу с мужем я разговаривала мало, больше толковали о своих домашних делах, и потому я ни-

чего не могу Вам сказать о том, как жила Царская семья в Ипатьевском доме.

Последний раз я приехала к мужу в город в первых числах июля с./г. (считая по старому стилю). Время я высчитываю вот как: 22 июля я бываю именинницей, после моих именин, на четвертый день, меня арестовали и увезли в город, т. е. это произошло 26 июля, а до дня ареста со дня возвращения моего домой из Екатеринбургa я прожила дома три недели. К мужу своему я явилась по его сообщению, переданному мне по телефону. Пошла я пешком вместе с женой Егора Столова – Марией Тимофеевной Столовой. От Сысерти до Екатеринбургa 45 верст. Вышли мы из дому в 2 часа ночи и пришли в город к 1 часу дня. Придя в казарму, я мужа здесь не застала: он ходил куда-то к начальству. Дожидаясь мужа, я обратила внимание на то, что дом, в котором содержался Царь с семьей, оставлен почти без охраны: всего только на двух постах были дежурные, остальные же посты были свободны. Заинтересовавшись этим, я спросила: „Почему постов-то мало занято, где Государь у вас?” На это один из служащих в команде (Иван Ив. Старков) отвечал: „Увезли” 3. Кто и куда увез, я не спросила. Служившие в команде говорили тогда, что их теперь будут отправлять на фронт. Вскоре пришел муж и объяснил, что команду велено отправить не на фронт, а на вокзал ст. Екатеринбург I, где и будут жить до сдачи города. Оставшись наедине со мной, муж объяснил мне, что несколько дней тому назад Царь, Царица, Наследник, все княжны и слуги Царской семьи, всего 12 человек, убиты. Подробности убийства в этот раз муж мой не передавал. Вечером муж отправил команду на вокзал, а на другой день мы с ним уехали домой, так как начальство уволило

его в отпуск на два дня, для раздачи денег семьям красногвардейцев.

Уже дома Павел Медведев рассказал мне несколько подробнее о том, как было совершено убийство Царя и его семьи. По словам Павла, ночью часа в 2 ему велено было разбудить Государя, Государыню, всех царских детей, приближенных и слуг. Павел послал для этого Константина Степановича Добрынина⁴. Все разбуженные встали, умылись, оделись и были сведены в нижний этаж, где их поместили в одну комнату. Здесь вычитали им бумагу, в которой было сказано: „Революция погибает, должны погибнуть и Вы”. После этого в них начали стрелять и всех до одного убили. Стрелял и мой муж ⁵. Он говорил, что из сысертских принимал участие в расстреле только один он, остальные же были не „наши”, т.е. не нашего завода, а русские или не русские — этого мне объяснено не было. Стрелявших было тоже 12 человек. Стреляли не из ружей, а из револьверов: так, по крайней мере, объяснял мне муж. Убитых увезли далеко в лес и бросили в ямы какие-то, но в какой местности, ничего этого муж мне не объяснил, а я не спросила.

Рассказывал мне муж все это совершенно спокойно. За последнее время он стал непослушный, никого не признавал и как будто свою семью перестал жалеть. Прожив дома два дня, муж уехал в город, и с тех пор я никаких сведений о нем не имела и не имею. Говорят, что он находился вместе с комиссаром Мрачковским. Из вещей, отобранных у меня, саквояж привез с собой мой муж, сказав, что эту вещь ему дал комендант. В саквояже были какие-то вещицы. Два серебряных кольца с какими-то надписями муж прислал мне из города с Елизаветой Зайцевой, женой Николая Зайцева. После занятия

города Екатеринбурга чехами и казаками большинство рабочих Сысертского завода ушло с красной армией. Из рабочих, бывших в охране дома Ипатьева, большинство ушло с остальными красноармейцами, некоторые разбежались, и я не знаю, остался ли дома хоть один. До убийства Государя я от мужа не слыхала никаких намеков на то, как поступят с Царем и его семьей в случае приближения чехов к Екатеринбургу. Повторяю, что при свиданиях с мужем я не расспрашивала его о его служебных делах, да это и дело не моего ума. Припоминаю, что последний раз я пришла к мужу в пятницу, а уехали мы с ним домой в субботу. Дома муж пробыл до понедельника, а в понедельник утром уехал в город. Впоследствии от Елизаветы Зайцевой я слышала, что муж приехал в город в „веселом виде”.

Более по делу показать ничего не имею. Протокол мне прочитан.

*Мария Медведева, неграмотная, а за нее,
по ее доверию и просьбе, расписался*

Игорь Владимирович Богословский.

Член Екатеринбургского окружного суда

Ив. Сергеев.

При допросе присутствовал товарищ прокурора

Н. Остроумов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 12 дня, в городе Перми, в губернской тюрьме чиновник Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев, производя расследование по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его семьи, расспрашивал в порядке дознания, в присутствии и под наблюдением прокурора Пермского окружного суда, гражданина Екатеринбургского уезда, Сысертской волости и завода,

Павла Спирионова Медведева, задержанного мною в городе Перми, который показал, что он имеет 31 год от роду, принадлежит к числу постоянных жителей Сысертского завода, где и родился. В месте приписки у него осталась жена Мария Данилова и трое детей, а именно: дочь Зоя — 7 лет, сыновья Андрей — 6 лет и Иван — 1 года. В Сысертском заводе у него свой дом и небольшое хозяйство по Сомовой улице № 36. По ремеслу он заводской рабочий — работал подмастерьем прокатного цеха на мелкосортной машине и, кроме того, знает отчасти сапожное ремесло.

Во время русско-германской войны был мобилизован как ратник ополчения 1 разряда, но был от военной службы освобожден, как работающий в заводе. При большевистском перевороте в числе других рабочих вступил в партию большевиков и вносил в эту партию установленный членский взнос до 1% с рубля, но платил взнос лишь в течение трех месяцев, а затем прекратил, не желая состоять в партии большевиков. Человек он малограмотный, учился всего два года в сельской школе и курса не окончил. За уголовные преступления не судился.

В мае месяце минувшего 1918 года в Сысертский завод прибыл комиссар Мрачковский Сергей Витальев, родом из Уфалейского завода — зять диакона Сысертского завода Кузовникова, командир Уфалейского фронта. Он начал приглашать рабочих Сысертского завода, состоящих в партии большевиков, на охрану дома в г. Екатеринбурге, где помещался бывший Император Николай II с семьею. До этого времени охрана этого дома состояла из других лиц, которые советской власти показались ненадежны, и поэтому Мрачковский прибыл нанимать людей для этой охраны в Сысертский завод, где организация

партии большевиков считалась лучшей. Наем этой охраны состоялся 19 мая н. ст., в нее записались 30 человек, желающих вступить, и в числе их записался он, Медведев.

Запись лиц, желающих вступить в охрану, делал гражданин Сысертского завода Николай Иванов Чуркин, который состоял помощником военного комиссара Сысертского завода. Жалованье вступившим в охрану было назначено 400 рублей в месяц при готовом продовольствии и обмундировании.

По прибытии в г. Екатеринбург они до 24 мая в охрану не вступали и жили в особом помещении с красноармейцами, а 24 числа мая приняли охрану означенного дома. Дом этот назывался при охране «Домом особого назначения», находится он в г. Екатеринбурге по Вознесенскому проспекту, принадлежит какому-то Ипатьеву.

Когда они вступили на охрану дома, то комендантом этого дома был Александр Авдеев, рабочий Злоказовского завода, а помощником Мошкин — тоже рабочий названного завода. Ранее дом охранялся какими-то красноармейцами — местными жителями, но никого из них по имени и фамилии он не знает. Первоначально на охрану дома вступили лишь 30 человек нанятых рабочих Сысертского завода, а потом прибавили к ним еще 15 человек рабочих Злоказовской фабрики близ г. Екатеринбурга и вскоре еще прибавили латышей-коммунистов 10 человек из партии коммунистов, находившихся в г. Екатеринбурге. Фамилии и имена этих латышей, а также место приписки их, он не знает.

Из своей среды охранниками избирались разводящие. Первыми разводящими были избраны он, Медведев, и Алексей Никитин Никифоров — рабочий Сысертского завода, а потом был избран тре-

тий — Константин Степанов Добрынин — гражданин Сысертского завода, и затем избрали еще Ивана Андреева Старкова — тоже Сысертского завода. Старкова избрали вместо вышеупомянутого Никифорова, который заболел и уволился домой, так что последнее время на охране этого дома не состоял. Из среды злоказовских рабочих был тоже избран свой разводящий по имени Леонид, фамилию его не знает. Всего разводящих было 4 человека. Исполняли они обязанность на две смены, поочередно днем и ночью наблюдая за исправностью караула и сменной постов. Внутри самого дома караул несли латыши, а остальные лица занимали караул в разных местах в ограде дома, в саду и на чердаке дома, где стоял пулемет. Всего было при доме 4 пулемета.

В охрану означенного дома поступили и состояли в этой охране вместе с ним, Медведевым, следующие лица — граждане Сысертского завода: 1) вышеупомянутый Алексей Никифоров — бывший разводящий, 2) Константин Степанов Добрынин — разводящий, 3) Иван Андреев Старков — разводящий, 4) Андрей Андреев Стрекотин, 5) Александр Андреев Стрекотин, 6) Михаил Павлов Котов, 7) Филипп Полиевктов Проскураков, 8) Егор Алексеев Столов, 9) Александр Григорьев Орлов, 10) Роман Теткин — из Поварной улицы, 11) Николай Иванов Подкорытов, 12) Семен Михайлов Турыгин, 13) Виктор Луговой — из-за реки, 14) Василий Егоров Семенов, 15) Николай Иванов Попов, 16) Иван Семенов Талапов, 17) Николай Степанов Садчиков, 18) Григорий Александров Кесарев, 19) Николай Степанов Зайцев, 20) Андрей Алексеев Старков, 21) Семен Николаев Беломонин, 22) Михаил Иванов Летемин, 23) Вениамин Яковлев Сафонов (Файка), 24) Семен Степанов Шевелев, 25) Алексей Иванов Чуркин,

26) Александр Кронидов Алексеев, 27) Степан Вяткин из Поварной улицы и 28) Иван Павлов Котегов. Кто еще был 29-й — не может припомнить. До конца охраны дома не остались Иван Котегов, Виктор Луговой, Андрей Старков, Григорий Кесарев и Василий Семенов, которые уволились по болезни. Из числа злоказовских рабочих он ни одного по имени и фамилии не знает, были они из разных мест.

Вышеупомянутый Авдеев был комендантом дома при нем только первое время, также и его помощник Мошкин, а затем был уволен от обязанности за пьянство и кражу каких-то царских вещей. С ними были уволены еще каких-то четыре лица. Люди эти жили вместе с Авдеевым и Мошкиным в самом доме, где помещалась канцелярия.

После Авдеева вступил комендантом дома Юровский, лично которого он до той поры не знал. Помощником его вступил какой-то молодой высокий мужчина, на вид лет 30—32, темнорусый, бороды не имеет, усы маленькие, лицо чистое, говорит «буторовато», на вид русский. Однажды он видел, как человек этот гулял с барышней, пришедшей к тыну, окружавшему дом. Барышня была роста среднего, темно-русая, полная. Юровский и его помощник жили все время в доме, причем занимали канцелярию, помещавшуюся в верхнем этаже дома.

Караул при доме первое время также находился в самом доме внизу, а потом был переведен рядом с этим домом в дом Попова и помещался в верхнем этаже. В самом «Доме особого назначения» помещались тогда только одни латыши. Из посторонних лиц, не состоящих в охране, никого при доме не было.

В «Доме особого назначения» были помещены следующие лица из Царской семьи: сам бывший

Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери: Татьяна, Анастасия, Ольга и Ксения. Вместе с ними находился доктор Боткин и прислуга их: повар, официант, горничная и еще трое мужчин. Последние трое мужчин прибыли в дом уже при них, кажется, из Тобольска, с царским имуществом, привезенным на лошадях на 20-ти, и пробыли в этом доме по нескольку дней. Из них одного потом отправили в тюрьму и двух — в подтюремок (арестный дом), за солдатскими казармами. За исключением этих трех последних лиц, в «Доме особого назначения» оставалось под этой охраной всего 11 лиц, которых и перечислил. Кроме них, был еще мальчик, племянник официанта, как его звать — не знает.

Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад. Сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его выносили в сад на руках. Выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще всегда сам ходил за ним. Супруга Царя в сад не выходила никогда, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, и иногда сидела возле сына, который обычно сидел в коляске. Царь по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было. А супруга Царя начинала сидеть и была худощава. Дети вели себя обыкновенно и улыбались при встрече с караульными. Разговаривать с ними запрещалось.

Доводилось ему, Медведеву, разговаривать с Царем при встрече в саду. Однажды он спросил его: «Как дела, как война, куда ведут войско?» На это он ему ответил, что «война идет между собою, русские с русскими дерутся между собою». Также однажды Царь увидал, что он, Медведев, рвет лопушки в саду и спросил его, на что это он рвет. Он сказал ему:

«Для табаку». Вообще много говорить не приходилось, так как все время следил за ними комендант Юровский и помощник его.

Пищу для Царской семьи первое время носили из советской столовой, находившейся на Главном проспекте. Носили эту пищу из столовой женщины и девушки, от коих принимал караул у парадного крыльца. В дом они не входили и затем носили молоко из монастыря. На пищу приносили суп, котлеты, белый хлеб и молоко. После разрешено было варить пищу в доме повару их, который и приготавливал пищу.

Неоднократно приглашался в дом священник для богослужения.

За все время охраны дома при нем, Медведеве, никакого издевательства над Царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось.

Спала Царская семья в двух комнатах, где устроены были у них кровати, в третьей комнате спал доктор и в четвертой — прислуга. Царь и его семья, а также прислуга, занимали верхний этаж дома, состоящий из семи комнат, считая в том числе коридор и канцелярию коменданта.

16 июля 1918 года по новому стилю, под вечер, часов в 7, комендант Юровский приказал ему, Медведеву, собрать у всех караульных, стоящих на постах при охране дома, револьверы. Револьверов у охраны дома было всего 12 штук, все они были системы Нагана. Собрав револьверы, он доставил их коменданту Юровскому в канцелярию при доме и положил на стол. Еще утром в этот день Юровский распорядился увезти мальчика, племянника официанта, из дома и поместить в караульном помещении при соседнем доме Попова. Для чего все

это делалось, Юровский ему не говорил, но вскоре после того как он доставил Юровскому револьверы, последний ему сказал: «Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство все» и велел предупредить команду караула о том, что если команда услышит выстрелы, то не тревожилась бы. Предупредить об этом команду он предложил часов в 10 вечера. В указанное время он, Медведев, команду предупредил об этом, а затем снова находился при доме.

Часов в 12 ночи комендант Юровский начал будить Царскую семью. Сам Николай II и все семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись и приблизительно через час времени все 11 человек вышли из своих комнат. Все они на вид были спокойные и как будто никакой опасности не ожидали. Из верхнего этажа дома они спустились вниз по лестнице, ведущей из ограды дома. Сам Николай II на руках вынес сына Алексея. Спустившись вниз, они вошли в комнату, находящуюся в конце корпуса дома. Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки. Затем комендант Юровский приказал принести стулья. Принесли 3 стула.

К этому времени в «Дом особого назначения» уже прибыли два члена Чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как он узнал впоследствии, был Ермаков, как звать его, не знает, родом из Верх-Исетского завода, и другой, ему совсем неизвестный. Первый из них, Ермаков, невысокого роста, черноватый, на вид лет 30, бороду бреет, усы черные, говорит — «приярыкивает», второй — роста высокого, белокурый, на вид 25—26 лет.

Комендант Юровский, его помощник и эти два лица спустились в нижний этаж, где уже находилась Царская семья. Из числа охраны находились внизу

в той комнате, где была Царская семья, 7 латышей, а остальные 3 латыша были тоже внизу, но в особой комнате. Революеры были розданы Юровским уже по рукам и находились у 7 латышей, бывших в комнате, двух членов следственной комиссии, самого Юровского и его помощника: всего было роздано по рукам 11 револьверов, а один револьвер Юровский разрешил взять обратно ему, Медведеву. Кроме того, у Юровского был при себе револьвер Маузер. Таким образом, в комнате внизу собралось всего 22 человека: 11 подлежащих расстрелу и 11 человек с оружием, которых он всех и назвал.

На стульях в комнате сели супруга Николая II, сам Николай II и сын его Алексей, остальные стояли на ногах около стенки, причем все время были спокойны.

Юровский спустя несколько минут вышел к нему, Медведеву, в соседнюю комнату и сказал ему: «Сходи, Медведев, посмотри на улице, нет ли посторонних людей, и послушай выстрелы, слышно будет или нет». Он, Медведев, вышел за ограду и тотчас по выходе услышал выстрелы из огнестрельного оружия и пошел обратно в дом сказать Юровскому, что выстрелы слышны.

Когда вошел в комнату, где находилась Царская семья, то они все уже были расстреляны и лежали на полу в разных положениях. Около них была масса крови, причем кровь была густая — «печенками». Все, за исключением сына Царя Алексея, были, по-видимому, уже мертвы. Алексей еще стонал. Юровский еще два или три при нем, Медведеву, выстрелил в Алексея из нагана, и тогда он стонать перестал. Вид убитых настолько повлиял на него, Медведева, что его начало тошнить, и он вышел из комнаты.

Затем Юровский тогда же приказал ему бежать в команду и сказать, чтобы команда не волновалась, если слышала выстрелы. Когда он пошел в команду, то еще в доме последовало два выстрела, а навстречу ему попали бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последние, встретясь с ним еще на улице у дома, спросили его: «Что лично ли застрелили Николая II? Вместо его чтоб другого не застрелили, то тебе отвечать придется, ты принимал его». На это он им ответил, что хорошо лично видел, что они застрелены, т. е. Николай II и его семья, и предложил им идти в команду и успокоить, чтобы не волновалась охрана.

Видел он, Медведев, что таким образом расстреляны были: бывший Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери Татьяна, Анастасия, Ольга, Ксения, доктор Боткин и прислуга: повар, официант, горничная. У каждого было по несколько огнестрельных ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех также была в крови.

Покойные, видимо, ничего до самого момента расстрела о грозящей им опасности не знали. Сам он, Медведев, участия в расстреле не принимал.

Когда он, Медведев, вернулся к Юровскому в комнату, то Юровский приказал ему привести ему несколько человек из охраны и перенести тела убитых на автомобиль. Он созвал больше 10 человек из караульных, а кого именно, теперь не упомнит. Сделали носилки из двух оглобель саней, стоявших во дворе под сараем, к ним привязали веревкою простыню и таким образом перенесли все трупы на автомобиль.

Со всех членов Царской семьи, у кого были на руках, сняли, когда еще они были в комнате, коль-

ца, браслеты и двое золот[ых] час[ов]. Вещи эти тут же передали коменданту Юровскому. Сколько было снято с умерших колец и бра-слет[ов], он не знает.

Все 11 трупов тогда же увезли со двора на автомобиле. Автомобиль с трупами был особый грузовик, который был доставлен во двор под вечер. На автомобиле этом с трупами уехали два члена следственной комиссии, один из коих был Ермаков, а другой, вышеописанных примет, ему неизвестный. Шофер на этом автомобиле был, кажется, Люханов по фамилии. Человек он среднего роста, коренастый, на вид более 30 лет, лицо бугреватое (угреватое). Трупы убитых были положены на автомобиль на серое солдатское сукно и сверху прикрыты тем же сукном. Сукно было взято в том же помещении дома, где оно хранилось куском.

Куда были увезены трупы, он, Медведев, достоверно не знает и никого об этом тогда не спрашивал. Лишь позднее в городе Алапаевске он встретился с членом Чрезвычайной следственной комиссии, названным выше Ермаковым, и спрашивал его, куда девали трупы. Ермаков говорил, что он отвез их в шахту за Верх-Исетским заводом, там свалили все трупы в шахту, и затем будто бы взорвали эту шахту, бросая туда бомбы, чтобы она засыпалась землею. Так ли было на самом деле, он, Медведев, не знает.

После увоза трупов из дома комендант Юровский приказал позвать команду и вымыть пол в комнате, где был произведен расстрел, а также замыть кровь в ограде, на парадном крыльце двора и где стоял автомобиль, что и было исполнено тогда людьми, состоящими на охране. Когда это все было сделано, Юровский ушел из двора в канцелярию при доме, а он, Медведев, удалился в дом Попова, где было по-

мещение для караульных, и до утра из помещения не выходил.

Караулы же при доме оставались на своих местах и не снимались до 20 июля, несмотря на то, что в доме уже никого не было. Это делалось для того, чтобы не вызвать волнение в народе и показать вид, что Царская семья жива.

Утром на следующий день, 17 июля, он, Медведев, вошел в дом и, придя в верхний этаж, нашел в доме большой беспорядок. Вещи царские были все перерыты и разбросаны в разных местах, а разные золотые и серебряные вещи — кольца, браслеты и друг. лежали в канцелярии на столах. Вещей золотых и серебряных было очень много, завалены все столы. В канцелярии в то время был помощник коменданта и латыши: рассматривали вещи. Самого коменданта Юровского где-то не было.

Обходя по комнатам дома, он, Медведев, подошел к одному столу, где лежала книжка «Закон Божий», взял эту книжку в руки и увидел под ней деньги: 60 рублей, десятирублевыми кредитными билетами. Деньги эти он взял себе, не объяснив никому. Тогда же он взял валявшиеся на полу три серебряных кольца, на коих написаны какие-то молитвы, несколько носовых платков и, кроме того, ему дал бывший помощник коменданта Мошкин носки мужские (одну пару) и одну женскую рубашку. Больше никаких вещей он не брал. На другой же день к нему, Медведеву, приехала его жена Мария Даниловна, и он передал ей упомянутые вещи и сам уехал вместе с нею домой. Комендант Юровский дал ему тогда 8000 рублей для раздачи семьям лиц, бывших в охране.

Вернулся в г. Екатеринбург 21 июля. Охрана при доме тогда уже была снята. До 24 июля пробыл в

г. Екатеринбурге, причем уходил ночевать к своей сватье Марии Прокопьевой, урожденной Гуськовой, фамилию по муж[у] не знает, живущей по Колобовской улице, № дома не знает.

24 июля отправился на вокзал ст. Екатеринбург II, где разыскал комиссара Мрачковского и с ним уехал на поезде до Нижнего Тагила. Затем комиссар Сысертского завода Алексей Яковлев Сафонов взял его к себе помощником по выпечке хлеба для армии, и он пробыл при нем до октября месяца. После этого его послали в числе других на «формировку» в г. Пермь, где он, Медведев, увидел областного комиссара Голощекина, который знал его лично ранее по городу Екатеринбургу, когда он состоял разводящим по охране «Дома особого назначения». Попросил Голощекина дать ему какую-нибудь службу, и Голощекин послал его с запиской своей в «отдел формирования». Из этого отдела с той же запиской, написав что-то на ней, комиссар Гольдберг послал его к вагону за известным номером на ст. Пермь II.

Вагон он нашел и в нем застал трех неизвестных ему людей, которые спросили его, специалист ли он к этому делу, причем показали ему аппарат «омметр» (омметр). Он ответил им, что в первый раз в жизни видит такой аппарат и не знает, для чего он идет. Затем они повели его на Камский мост через реку Каму, близ города Перми. Придя к мосту, они спустились с ним на 3-й бык и показали сооружения, устроенные для взрыва моста. К стенкам этого быка были привязаны мины, и от них шли проводники на правый берег реки. Показали ему способы соединения с «ометром» и, передав ему «омметр», велели находиться в помещении, устроенном на правом берегу Камы, и хранить «омметр», наблюдая

за целостью проводов и в случае замеченной порчи исправлять их.

При мосте был особый комендант Колегов, и охраняли его мадьяры. Комендант и охрана помещались на левом берегу. Приняв таким образом на себя охрану сооружения для взрыва Камского моста, он жил некоторое время один в помещении на правом берегу Камы. Затем выхлопотал себе помощника, и ему назначили в помощь гражданина Сысертского завода Петра Васильева Алексеева, с которым он жил в этом помещении до занятия г. Перми правительственными войсками, т. е. до 24 декабря н. г.

Накануне этого дня вечером ему пришло письменное приказание взорвать мост. Присланы были ему 4 капсюля и подрывная машинка. Адресовано все это было не на его имя, а какому-то Бобылеву. Комендант Колегов объяснял, что они всегда так делают для «секретности». Капсюли и машинка доставлены были вечером 24 декабря. По соглашению с комендантом решили отложить взрыв моста до утра, а затем вновь отложили до вечера. Но часа в 4 дня пришел комиссар путей 5 участка Яковлев и приказал ему взорвать мост, объявив это приказание под расписку. Сам он, Яковлев, и комендант Колегов тотчас бегом побежали от него к разъезду железной дороги. Товарищ его, Алексеев, убежал еще раньше, а в это время к мосту со стороны правого берега подошли уже правительственные войска и уже начали стрелять из винтовок с моста в убежавших Яковлева и Колегова.

Он, Медведев, в это время сидел в своей избушке с аппаратом и ничего не предпринимал, решив не взрывать мост и перейти на сторону правительственных войск. Пробыв в избушке минут 20 времени, он вышел из избы, взяв с собой аппараты для

взрыва и имевшийся при нем револьвер Нагана. В это время было уже темно. Когда он отошел значительное расстояние от моста, направляясь к Балашевскому заводу на правом берегу реки, откуда хотел на другой день прийти в г. Пермь и явиться к властям, его увидели с моста часовые правительственных войск и окликали его, спросив: «Кто идет?». Он ответил, что красноармеец. Они приказали ему идти к ним.

Он вернулся и пошел к ним на оклик, и они его около самого моста задержали. Обыскав его, они отобрали у него деньги 415 рублей, оставшиеся от жалованья, и отправили на левый берег. Затем привели на ст. Пермь II, где у него аппараты для взрыва и наган взяли, а также сняли сапоги и в числе других добровольно сдавшихся красноармейцев отправили его в красные казармы близ г. Перми. В этих казармах он пробыл с неделю времени и его, в числе других, откомандировали в 139 эвакуационный пункт в санитарную команду, где он и находился до сего времени.

По поводу расстрела бывшего Императора Николая II и его семьи он рассказывал на эвакуационном пункте одной сестре милосердия в перевязочном отделении, как ее звать и фамилию не знает — рыженькая она, одна находится в том отделении. Более никому относительно расстрела Царской семьи не говорил.

Из числа его однообщественников, бывших на охране дома, где жила Царская семья, как ему известно по слухам, убиты на фронте Андрей Стрекотин, Николай Попов и Иван Старков. Остальные лица остались от него в следующих местах: Никифоров заведует хозяйственной частью в отряде Жебенева, во время расстрела он на охране не был. Добрынин

был сначала в строю, затем ранен в ногу, вылечился и поступил в Левшино на пароход. Котегов в строю в отряде Жебенева. Стрекотин Александр — не знает где, кажется, тоже в Левшино на пароходе. Котов — не знает где. Проскуряков находится в строю. Столов — в Левшино. Вяткин и Орлов — в Левшино. Теткин — не знает где. Подкорытов, Турыгин, Талапов, Сафонов, Шевелев и Чуркин — в Левшино на пароходах. Какие обязанности исполняли они на пароходах, он не знает. Алексеев состоял в Перми вестовым при воинской части в гимназии на углу Сибирской и Петропавловской улиц. Луговой — неизвестно ему где. Семенов и Кесарев — в строю красной армии. Сысертские рабочие вошли преимущественно в I крестьянский полк, сформированный в Режевском заводе. В том же полку состоят Котегов, Семенов, Стрекотин и другие.

Припоминает и последнего — 30-го — бывшего на охране «Дома особого назначения». Это был гражданин Сысертского завода Александр Котегов из Задней улицы. Во время расстрела он был на охране. Где Котегов сейчас находится — не знает.

Более ничего по делу не знает.

Чиновник Уголовного розыска С. Алексеев.

При допросе присутствовал и. д. прокурора суда П. Шамарин.

ПРОТОКОЛ

допроса обвиняемого

1919 года, февраля 21–22 дня, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 403–405 ст. уст. уг. суд., предъявив ему обвинение в преступлении, предусм. 13 и 1453 ст. ул. о нак., фор-

мулированное в постановлении моем от сего февраля, причем допрашиваемый показал:

Я, Павел Спиридонович Медведев, 31, православный, грамотный, не судился, происхожу из кр. Сысертского завода Сысертской волости Екатеринбургского уезда Пермской губ., женат, имеет жену Марью Даниловну и дочь Зою 8 лет, сына Андрея 6 лет и сына Ивана 1-го года, в Сысерти имею свой дом и хозяйство; занимался работой в сварочном цехе Сысертского завода, а в свободное время прирабатывал сапожным мастерством.

В народной школе я проучился только два года и вышел из школы, не окончив курса. В сентябре 1914 года я был мобилизован в качестве ратника ополчения 1-го разряда и был зачислен в ополченскую дружину № 2, расположенную в гор. Верхотурье. В дружине я пробыл всего два месяца и затем от военной службы был освобожден как рабочий завода, работавшего на оборону.

После февральской революции, кажется, в апреле 1917 года, я, как и большинство рабочих завода, записался в партию большевиков и в течение трех месяцев вносил в кассу партии денежное отчисление в размере одного процента от заработка, а затем уплату денег прекратил, так как в партийной работе участия принимать не пожелал.

После октябрьского переворота, в январе 1918 года, меня записали в красную армию, а в феврале я уже был отправлен на Дутовский фронт. Начальником отряда, в котором я был назначен, состоял комиссар Сергей Витальевич Мрачковский. Воевали мы за городом Троицком, но война была для нас неудачной, и мы больше «плутали» по степи, чем сражались. В апреле месяце я с фронта вернулся домой и отдыхал здесь недели три.

Во второй половине мая месяца в наш завод прибыл названный мною комиссар Мрачковский и стал набирать из среды рабочих команду для охраны дома, в котором содержался б. Император Николай II со своей семьей. Условия службы мне показались подходящими, и я записался в эту команду. Всего набрано было 30 человек: 1) Алексей Никитич Никифоров, 2) Константин Степанович Добрынин, 3) Иван Андреевич Старков, 4) Андрей Андреевич Стрекотин, 5) Александр Андреевич Стрекотин, 6) Михаил Павлович Котов, 7) Филипп Полиевктович Проскураков, 8) Егор Алексеевич Столов, 9) Александр Григорьевич Орлов, 10) Роман Теткин, 11) Николай Иванович Подкорытов, 12) Семен Михайлович Турыгин, 13) Виктор (отчества не помню) Луговой, 14) Василий Егорович Семенов, 15) Николай Иванович Попов, 16) Иван Семенович Талапов, 17) Николай Степанович Садчиков, 18) Григорий Александрович Кесарев, 19) Николай Степанович Зайцев, 20) Андрей Алексеевич Старков, 21) Семен Николаевич Беломонин, 22) Михаил Иванович Летеми, 23) Вениамин Яковлевич Сафонов (по прозвищу «Файка»), 24) Семен Степанович Шевелев, 25) Алексей Иванович Чуркин, 26) Александр Кронидович Алексеев, 27) Степан Вяткин (отчества его не помню), 28) Иван Павлович Котегов, 29) Александр Котегов и 30) я — Павел Медведев.

Вы спрашиваете меня, не было ли еще в составе команды Егора Дроздова, Федора Емельянова, Николая Русакова и Петра Ладейщикова, и я теперь припоминаю, что Егор Дроздов и Федор Емельянов состояли в команде, а о Русакове и Ладейщикове я что-то утвердительно сказать не могу: то ли были, то ли нет. Дело в том, что состав команды отчасти изменялся. Так, за уходом (по болезни) Никифорова,

Лугового, Кесарева и Семенова, были одновременно приняты Добрынин, Андрей Старков и Николай Зайцев. Сформированная Мрачковским команда прибыла в Екатеринбург 19-го мая (н. ст.).

Сначала нас поселили в здании нового Гостиного двора, где мы прожили до 24 мая. За это время, по распоряжению председателя Областного совета Белобородова, мы выбрали из своей среды двоих «старших». Избранными оказались я и Алексей Никифоров. 24 мая команда была переведена в новое помещение — в нижний этаж дома Ипатьева. Как раз в этот день, насколько помню, прибыла вся семья б. Императора. Император с семьей помещался в верхнем этаже дома. В их распоряжении был весь верх, за исключением одной комнаты (налево от входа), отведенной для коменданта и его помощника. Комендантом дома был тогда рабочий Злоказовской фабрики Александр Авдеев, а помощником его — Мошкин (имени и отчества не знаю). Находились в комендантской еще два-три человека, но я их имен и фамилий не знаю, а известно мне, что это были также злоказовские рабочие. Вы спрашиваете, не знал ли я братьев Василия, Ивана и Владимира Логиновых, и я припоминаю, что в числе находившихся при коменданте лиц были братья Логиновы, но по именам я их не знаю.

По вселении нас в дом Ипатьева комендант Авдеев повел меня как старшего принимать заключенных. Я с Авдеевым и Мошкиным прошел в угловую комнату (царская спальня), где находились следующие лица: Государь, его жена, сын, четыре дочери, доктор Боткин, повар, лакей и мальчик (имен и фамилий их не знаю). Пересчитав всего 12 человек, мы ушли. Ни в какие разговоры ни с кем не вступали. В соседней с царской спальней комнате помеща-

лись царские дочери. Первые два-три дня кроватей в этой комнате не было, а потом были поставлены кровати. Внутренним распорядком дома заведовал комендант, а служащие охранной команды только несли караульную службу. Сначала караул дежурил на три смены, а потом — на четыре.

В доме Ипатьева мы прожили 2-3 недели, а затем нам отвели помещение в расположенном на-супротив доме Попова. Через несколько дней после этого состав команды был дополнен рабочими Екатеринбургской фабрики Злоказовых в числе 15 человек. Имен и фамилий этих рабочих я не помню. Злоказовские рабочие из своей среды также избрали «старшего» (разводящего) по фамилии Якимов, а по имени, кажется, Леонид, по крайней мере его звали Ленькой. Караульных постов было всего 11, из них два внутренних, два пулеметных и четыре наружных.

Царская семья выходила ежедневно на прогулку в сад. Наследник был все время болен, и его выносил на руках Государь в кресло-коляску. Обед для семьи сначала приносили из советской столовой, а затем разрешено было готовить обед в устроенной в верхнем этаже кухне.

Обязанности разводящих заключались в заведении хозяйством и вооружении команды, назначении дежурных на посты и в наблюдении за дежурными. Во время своего дежурства разводящий должен был находиться при канцелярии коменданта. Разводящие дежурили сначала по 12 часов, а затем был выбран третий разводящий — Константин Добрынин, и мы стали дежурить по восьми часов.

В конце июня или начале июля, хорошенько не помню, комендант Авдеев и его помощник Мошкин были смещены (они, кажется, попались в краже

царских вещей) и был назначен новый комендант по фамилии Юровский, тот самый, который изображен на предъявленной Вами фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка Юровского). С ним же прибыл новый помощник коменданта, имени и фамилии которого положительно не могу припомнить. Приметы его следующие: лет 30—32-х, плотный, выше среднего роста, темно-русый, с небольшими усиками, бороду бреет, говорит как-то в нос (гнусавит).

Вечером 16-го июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в 8-м того же вечера приказал мне отобрать в команде и принести ему все револьверы системы Наган. У стоявших на постах и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта. Тогда Юровский объявил мне: «Сегодня придется всех расстрелять. Предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы». Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей Царской семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем было постановлено решение о расстреле. Должен Вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра, по распоряжению Юровского, был переведен в помещение караульной команды (дом Попова). В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из «латышской коммуны», поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта. Было их человек 10. Никого из них я по именам и фамилиям не знаю. Часов в 10 вечера я предупредил команду, согласно распоряжению Юровского, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. О том, что предстоит расстрел Царской семьи, я сказал Ивану Старкову. Кто именно из состава команды находил-

ся тогда на постах — я положительно не помню и назвать не могу. Не могу также припомнить, у кого я отобрал револьверы.

Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую семью. Объявил ли он им, для чего он их беспокоит и куда они должны пойти — не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась Царская семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал. Приблизительно через час вся Царская семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись. Еще прежде чем Юровский пошел будить Царскую семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, — Петр Ермаков, а другой — неизвестный мне по имени и фамилии, высокого роста, белокурый, с маленькими усиками, лет 25-26. Валентина Сахарова я знаю, но это был не он, а кто-то другой. Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царские дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника Царь нес на руках. Государь и Наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами. Впереди шел Государь с Наследником, за ними — Царица, дочери и остальные. Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена Чрезвычайной комиссии. Я также находился тут.

При мне никто из членов Царской семьи никаких вопросов никому не предлагал. Не было также ни слез, ни рыданий. Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вышли во двор, а оттуда, через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа. Дорогу

указывал Юровский. Привели (их) в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел подать стулья: его помощник принес три стула. Один стул был дан Государыне, другой — Государю, третий — Наследнику. Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки. За ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так (как) каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них). Наследник и Государь сели рядом, почти посреди комнаты. За стулом Наследника встал доктор Боткин. Служанка (как ее зовут — не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую. С ней встала одна из царских дочерей (четвертая). Двое слуг встали в левом (от входа) углу — у стены, смежной с кладовой.

У служанки была с собой в руках подушка. Маленькие подушечки были принесены с собою и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула Государыни, другую — на сиденье стула Наследника. Видимо, все догадывались о предстоящей им участи, но никто не издал ни одного звука. Одновременно в ту же комнату вошли 11 человек: Юровский, его помощник, два члена Чрезвычайной комиссии и семь человек латышей. Юровский выслал меня, сказав: «Сходи на улицу: нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы?». Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло всего 2-3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены Царской семьи: Царь, Царица, четыре дочери и Наследник уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла

потоками. Были также убиты доктор, служанка и двое слуг. При моем появлении Наследник еще был жив — стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих. Картина убийств, запах и вид крови вызвали во мне тошноту. Перед убийством Юровский роздал всем наганы, дал револьвер и мне, но, я повторяю, в расстреле не участвовал. У Юровского кроме нагана был маузер.

По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате. По дороге в дом Попова мне попали навстречу бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последний из них спросил меня: «Застрелили ли Николая II? — Смотри, чтобы вместо него кого другого не застрелили: тебе отвечать придется». Я ответил, что Николай II и вся его семья убиты. Из команды я привел человек 12–15, но кого именно — совершенно не помню, и ни одного имени назвать Вам не могу. Приведенные мною люди сначала занялись переноской трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль. Трупы выносили на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли, взятые от стоящих во дворе саней. Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна, взятый из маленькой кладовой, находящейся в сенях нижнего этажа. Шофером автомобиля был злоказовский рабочий Люханов. На грузовик сели Петр Ермаков и другой член Чрезвычайной комиссии и увезли трупы. В каком направлении они поехали и куда дели трупы, не знаю. Кровь в комнате и на дворе замыли и все привели в порядок. В три часа ночи все было окончено, и Юровский ушел в свою канцелярию, а я — к себе в команду.

Проснулся я часу в 9-м утра и пришел в комендантскую комнату. Здесь уже были председатель Областного совета Белобородов, комиссар Голощекин и Иван Андреевич Старков, вступивший на дежурство разводящим (он был выбран на эту должность недели за три до того). Во всех комнатах был полный беспорядок: все вещи разбросаны, чемоданы и сундуки вскрыты. На всех бывших в комендантской комнате столах были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали и драгоценности, отобранные у Царской семьи перед расстрелом, и бывшие на них золотые вещи: браслеты, кольца, часы. Драгоценности были уложены в два сундука, принесенных из каретника. Помощник коменданта находился тут же.

Вы спросили меня, не знакома ли мне фамилия „Никулин”, и я теперь припомнил, что такова именно фамилия того помощника. На предъявленной мне Вами фотографической группе я хорошо признаю вот этого человека за помощника коменданта Никулина (обвиняемый на предъявленной ему фотографической группе, присланной из Уголовного розыска, указал на одно лицо, отметив его карандашом) . Со слов Никулина я знаю, что он ранее находился также в Чрезвычайной следственной комиссии. Вы говорите, что по имеющимся у Вас сведениям, на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа находился Александр Стрекотни, и я теперь припомнил, что, действительно, А. Стрекотин стоял тогда у пулемета. Дверь из комнаты, где стоял пулемет на окне, в парадную переднюю была открыта, открыта была и дверь в ту комнату, где производился расстрел. Разводящего Якимова при самом расстреле не было. Фамилия «Стрежнев» мне совершенно незнакома. Бажев <...> состоял в

команде из злоказовских рабочих. Фамилия «Курочкин» мне незнакома.

Обходя комнаты, я в одной из них под книжкой «Закон Божий» нашел шесть 10-рублевых кредитных билетов и деньги эти присвоил себе. Взял я также несколько серебряных колец и еще кое-какие безделушки.

Утром 18-го ко мне приехала жена, и я с ней уехал в Сысертский завод, получив поручение раздать деньги семьям служащих в команде. Вернулся я в Екатеринбург 21-го июля. Все вещи царские из дома уже были увезены и караул был снят.

24-го июля я уехал из Екатеринбурга вместе с комиссаром Мрачковским. В Перми комиссар Голощекин назначил меня в охрану приспособлений для взрыва Камского моста в случае появления «белогвардейцев». Подорвать мост согласно полученному приказанию я не успел, да и не хотел, решив добровольно сдаться. Приказание о взрыве моста пришло мне тогда, когда уже Сибирские войска стали обстреливать мост, и я пошел и сдался добровольно. Вскоре я поступил санитаром в эвакуационный пункт № 139 в г. Перми, где и находился до момента задержания. Здесь как-то я разговорился с одной из сестер милосердия и по поводу замечания ее, что в газетах пишут о дурном обращении с Царской семьей, сказал ей, что это все неправда. При этом я ей, так же подробно, как и Вам, рассказал, что я ранее служил в команде по охране дома Ипатьева, рассказал, как там жила Царская семья и как был произведен расстрел. Объяснил я ей все про Юровского, его помощника, двух членов Чрезвычайной комиссии и латышей, говорил, кто расстреливал, как замывали кровь и выносили на автомобиль трупы. Разговор этот происходил

вскоре после поступления моего в пункт. Сестру эту потом издали мне предъявлял посланный Вами чиновник.

О том, куда скрыты трупы убитых, я знаю только вот что: по выезде из Екатеринбурга я встретил на ст. Алапаевск Петра Ермакова и спросил его, куда они увезли трупы. Ермаков объяснил мне, что трупы сбросили в шахту за В.-Исетским заводом и шахту ту взорвали бомбами, чтобы она засыпалась. О сожженных близ шахты кострах я ничего не знаю и не слышал. Более никаких сведений о месте нахождения трупов я не имею. Вопросом о том, кто распоряжался судьбой Царской семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а исполнял лишь приказания тех, кому служил. Из советского начальства в доме часто бывали Белобородов и Голощекин. Я не видел и не слышал, чтобы перед расстрелом Юровский вычитывал Царю какую-нибудь бумагу, или говорил что-либо по поводу предстоящей казни. Из числа названных мною служащих сысертской команды в день расстрела в команде отсутствовали: Иван Котов, Виктор Луговой, Андрей Старков, Григорий Кесарев и Василий Семенов. Алексей Никифоров уволился по болезни еще недели за три до этого. Где теперь находятся все упомянутые в моем показании лица — точно не знаю. Некоторые из команды находились до взятия Перми на пристани Левшинской, некоторые служат в красной армии.

Вот все, что я могу Вам объяснить по поводу предъявленного мне обвинения. Повторяю, что непосредственного участия в расстреле я не принимал. Предъявленный Вами Филипп Проскураков до самого последнего времени находился в команде, но принимал ли он участие в уборке комнаты и переноске трупов — не помню.

Припоминаю, что перед отъездом моим в Сысерть Юровский разрешил мне взять принадлежавший Боткину чемоданчик. Более объяснить ничего не имею. Прочитано. Записано верно.

Медведев.

Член Екатеринбург. окружного суда Ив. Сергеев

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 1—3 дня, судебный следователь по особ важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге допрашивал в порядке 403—409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованного в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по содержанию постановления своего от 31 марта сего года, и он объяснил:

Имя, отчество, фамилия: Филипп Полиевктов Проскураков. Возраст во время совершения преступления — 17 лет. Сословие — крестьянин. Место рождения — Сысертский завод Сысертской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Место приписки — Сысертский завод. Место жительства — Сысертский завод. Рождение брачное. Народность — русский. Религия — православный. Образование: учился 3 года в Сысертской пятиклассной школе. Семейное положение — холост. Родители: Полиевкт Михайлович и Евдокия Степановна. Занятие во время совершения преступления — электромонтер по профессии. Имущественное положение: не имею. Особых примет не имею. Привычному пьянству не подвержен. Отношение к потерпевшим — чужой. Прежняя судимость — не судился.

Виновным себя в предъявленном мне Вами, г. судебный следователь, обвинении я не признаю. Могу на Ваши вопросы рассказать следующее.

Отец мой — Полиевкт Михайлович Проскураков, житель Сысертского завода. Мать мою зовут

Евдокия Степановна. Кроме них в семье у нас есть еще вот кто: старший брат Александр 31 года, брат Андрей 28 лет, брат Степан 27 лет, сестра Пелагея 25 лет, сестра Таисия 21 года, сестра Клавдия 19 лет, я и брат Василий 13 лет.

Старший брат Александр служит сейчас старшим милиционером в 3-й части г. Екатеринбурга, Андрей — в красной армии и находится, вероятно, где-нибудь на фронте, Степан — в германском плену, Пелагея — замужем за Петром Зотовым Коряковым и живет в Сысерте, Таисия и Клавдия находятся в услужении в Екатеринбурге (у кого именно — не знаю), Василий — дома при родителях.

Отец многие годы состоял мастером по железодельной работе, все время проживал в Сысертском заводе. Там я и родился. 3 года я учился в Сысертской школе, но курса не кончил. Грамота мне плохо давалась, и отец тут как раз заболел. Он меня и взял из школы. Отдал он меня сначала там же на заводе в кузницу к Василию Афанасьевичу Белоносову в ученье. Проработал я у него с год и ушел: очень тяжелая работа. Старший брат устроил меня в художественный театр в «Па-ле-Рояль». Там я стал учиться электрическому делу — на моторе работать. Владел этим театром Владимир Михайлович Имшенецкий. Машинистом был некто Альман. А помощником у него был Михаил Иванов Цепенников. Здесь я прослужил с год, выучился электрическому делу и стал работать самостоятельно: проводить электричество по городу. Материалы я брал у монтера Ивана Андреева Старкова, с которым я тогда и познакомился. Потом я поступил на службу в Центральную электрическую станцию в Екатеринбурге, проработал здесь приблизительно с месяц и перед Пасхой 1918 года уехал домой.

Хорошо помню: 9 мая на базаре я встретил своего товарища Ивана Семенова Талапова. Он мне сказал, что к нам на завод приехал какой-то комиссар Мрачковский и производит набор среди наших заводских рабочих для охраны Царя. Мрачковского я сам лично не знал. Слыхал только я, что он командовал на Дутовском фронте и вернулся оттуда. О словах Талапова я передал своему отцу. И отец, и мать не советовали мне идти в охрану. Отец говорил мне: «Не ходи, Филипп. Одумайся». Но мне охота была посмотреть Царя. Я не послушался их совета и на другой же день отправился записываться в охрану. Запись происходила в доме Василия Еркова на Церковной улице, где помещался совдеп. Ее принимал наш сысертский рабочий Павел Спиридонов Медведев. Я хорошо помню, что именно он принимал запись. В то время, когда я пришел записываться, там же был и помощник военного комиссара Николай Иванов Чуркин. Медведев сказал мне, что жалованья охране будут платить 400 рублей в месяц, что надо будет стоять на посту и не спать. Вот только эти условия он мне и сказал. Я тут же и записался. На собрании, которое устраивал по поводу набора рабочих в охрану Мрачковский, я сам не был и не могу Вам рассказать, что именно говорил там Мрачковский.

Было принято в охрану, как тогда говорили, ровно тридцать человек наших сысертских рабочих. Потом некоторые из них уволились. Таких было очень немного, и вместо них нанимали других из наших же рабочих. Я точно, определенно не могу сказать, кто именно был принят с самого первого раза, кто именно заболел и кто именно был принят впоследствии в охрану взамен заболевших. Но я хорошо помню, что в охране состояли следующие лица: 1) Талапов Иван Семенов, 2) Летемин Михаил Иванов,

3) Луговой Виктор Константинов, 4) Сафонов Вениамин Яковлев, 5) Никифоров Алексей Никитин, 6) Столов Егор Алексеев, 7) Котегов Иван Павлов, 8) Дроздов Егор Алексеев, 9) Емельянов Федор Васильев, 10) Вяткин Степан Григорьев, 11) Беломоин Семен Николаев, 12) Котегов Александр Алексеев, 13) Алексеев Александр Кронидов, 14) Подкорытов Николай Иванов, 15) Шевелев Семен Степанов, 16) Садчиков Николай Степанов, 17) Турыгин Семен Михайлов, 18) Семенов Василий Егоров, 19) Стрекотин Александр Андреев, 20) Стрекотин Андрей Андреев, 21) Котов Михаил Павлов, 22) Русаков Николай Михайлов, 23) Медведев Павел Спиридонов, 24) Теткин Роман Иванов, 25) Старков Иван Андреев, 26) Старков Андрей Алексеев, 27) Орлов Александр Григорьев, 28) Чуркин Алексей Иванов, 29) Попов Николай Иванов, 30) Кесарев Григорий Александров, 31) Добрынин Константин Степанов, 32) Зайцев Николай Степанов и я. Из числа этих названных мною лиц уволились впоследствии Кесарев и Семенов. Кто именно был нанят вместо них, я не могу припомнить.

Из числа названных мною людей Сафонов, Вяткин, Стрекотин Андрей, Старков Иван, Добрынин, Летемин, Котов, Котегов Иван, Шевелев, Беломоин, Медведев состояли в партии большевиков-коммунистов у нас на заводе, как они мне сами говорили.

Все вместе мы и прибыли в город Екатеринбург во второй половине мая месяца. Поселились мы сначала в Новом Гостином Дворе, где находились красноармейцы. Прожили здесь мы несколько дней без дела, а в конце мая нас переселили в дом Ипатьева, где находилась Царская семья. Поселили нас всех в нижних комнатах этого дома.

Главным начальником над домом и над нашим караулом был рабочий со Злоказовской фабрики Александр Мошкин. В нашей же команде был главным начальником Медведев. Он именно был начальником. Никто его на это не выбирал, а так, просто, с самого начала он принимал охрану. Он нам раздавал жалованье, он ставил на посты и вообще был у нас как начальник. Мы все получали 400 рублей жалованья, а Медведев получал 600 рублей. Авдеев был весь день в доме, помещаясь в комендантской комнате. Он приходил с утра часов в 9 и уходил домой часов в 9 вечера. Мошкин все время находился в комендантской комнате, жил там. Медведев при них также находился все время в этой же комнате и ночевал даже там.

Караульные посты были следующие: 1) пост наружный у будки около ворот, 2) пост наружный у будки вблизи часовенки, 3) между заборами у окон дома, 4) в переднем дворе у дверей в дом, 5) в заднем дворе, 6) в саду; внутри дома было два поста: 7) у парадной двери в верхнем этаже около комендантской комнаты, 8) около уборной, где находился клозет и ванная комната; кроме того, было еще три пулеметных поста: 9) на чердаке дома у окна, 10) на террасе, выходявшей в сад и 11) в нижнем этаже дома в средней комнате.

Приблизительно с неделю пронесли мы охрану, и Авдеев привел еще приблизительно 15 человек рабочих со Злоказовской фабрики. Вышло это, надо думать, потому, что нам было тяжело: приходилось дежурить по 4 часа, пошли дожди, а мы — народ непривычный. Из рабочих Злоказовской фабрики я помню вот кого: отца и сына Смordiaковых, имени отца я не знаю, а сына звали, кажется, Александр; Путилова, кажется, Николая; Пермякова, кажется,

Ивана; Люханова, кажется, Сергея; братьев Логиновых; Сидорова Алексея, Варакушева Александра, Корзухина Андрея; Клещева, имени не знаю; Хохрякова, имени также не знаю; Прохорова, имени также не знаю; Якимова, имени не знаю; Дерябина, Лабышова, Фомина; Дмитриева Семена, кажется, по имени; Скороходова, Пелегова; Бруслянина по кличке Мудозвонов; Осокина, кажется, Александра; Романова, имени не знаю. Фамилий Соловьева, Гоншкевича, Шулина, Петровых, Корякина, Тимофеева, Крашенинникова, Украинцева, Комендантова, Мишкевичей, Зотова и Устинова не помню. Может быть, они и были, но я не могу припомнить их в числе злоказовских рабочих. Лесникова или Мостикова не было среди охранников. Был Мясников, но это не фамилия, а кличка Алексея Чуркина.

Злоказовские рабочие стали жить вместе с нами же внизу дома Ипатьева. Женщин никаких у нас в охране не было. У нас были свои повара, которые и готовили на всех. Сначала был поваром Иван Котегов, а потом — Андрей Старков.

Приблизительно в самых последних числах июня или в первых числах июля месяца Авдеев арестовал Мошкина за то, что он украл что-то из царских вещей, кажется, какой-то золотой крестик. Но тут же был уволен и сам Авдеев. Вместо него заступил в начальники Юровский, этот самый, которого Вы мне сейчас показываете на карточках (предъявлены имеющиеся в распоряжении судебного следователя фотографические карточки Якова Михайлова Юровского). Раньше Юровского я не знал и никогда его не видел. Помощником его был Никулин. Я вижу предъявленную мне Вами фотографическую

группу (была предъявлена фотографическая группа разных лиц — деятелей советской власти) и положительно удостоверяю, что на этой группе в числе других изображен именно Никулин. Я прекрасно знаю его наружность и положительно удостоверяю, что это и есть именно он.

Кто именно такие были Юровский с Никулиным, я положительно не знаю. Появились они в доме одновременно. Находились они все в той комендантской комнате. Юровский приходил с утра, часов в 8-9 и уходил вечером в 5-6. Никулин же жил в комендантской, ночевал тут. Медведев также продолжал ночевать в этой комнате. Спустя приблизительно неделю после назначения Юровского и Никулина нас, рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, перевели в дом Попова или Обухова против дома Ипатьева, а вместо нас внизу дома Ипатьева поселились латыши. Их было приблизительно человек 10.

До появления латышей охрану в доме несли мы, рабочие Сысертского завода. После появления латышей охрану в верхнем этаже дома, где жила Царская семья, стали нести исключительно латыши. Нас, русских рабочих, туда уже не впускали. Таково было приказание Юровского.

Пулеметчиками, которые стояли исключительно у пулеметов, были из наших сысертских рабочих следующие лица: Талапов, Александр Стрекотин, Семен Турыгин, Сафонов, Николай Садчиков, Добрынин, Летемин, Иван Котегов и Шевелев. Из злоказовских рабочих я могу назвать только одного Андрея Корзухина. Эти рабочие всегда стояли только у пулеметов. На остальных постах стояли при Авдееве все остальные рабочие. При Юровском же со времени появления латышей мы, рабочие, стали не-

сти охрану исключительно наружную. Внутри дома находились исключительно латыши.

До появления их мне приходилось, как и другим, несколько раз стоять на постах внутри дома и у комендантской, и у уборной, так всего примерно раз шесть на обоих постах. Стоял я на этих постах и утром, и днем, и вечером, и ночью. Я видел за это время всю Царскую семью: самого Государя, Государыню, Наследника и дочерей: Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию. Мне приходилось хорошо их видеть, когда они шли на прогулку, в уборную или проходили из одной комнаты в другую. Гуляли они все, кроме Государыни. Я никогда не видел, чтобы она ходила гулять в сад. Наследника я, правда, видел только один раз, когда его несла на руках на прогулку старшая дочь Государя Ольга. Наследник все время был болен.

Жизнь свою они проводили так. Рассказываю я об этом со слов Медведева, который видел их, конечно, больше меня. Вставали они утром часов в 8-9. У них была общая молитва. Они все собирались в одну комнату и пели там молитвы. Обед у них был в 3 часа дня. Все они обедали вместе в одной комнате, т. е. я хочу сказать, что вместе с ними обедала и вся прислуга, которая была при них. В 9 часов вечера у них был ужин, чай, а потом они ложились спать. Время дня они проводили, по словам Медведева, так: Государь читал, Государыня также читала или вместе с дочерьми вышивала что-нибудь или вязала. Наследник, если мог, делал из проволоки цепочки для своих игрушек-корабликов. Гуляли они в день час-полтора. Никаким физическим трудом им не позволялось заниматься. Помню, Пашка Медведев сказывал, что Царь Николай Александрович

просил раз позволения у Юровского чистить сад. Юровский ему этого не позволил.

Их пение я сам не один раз слышал. Пели они исключительно одни духовные песни. По воскресеньям у них служил священник с дьяконом, кажется, из Верхне-Вознесенской церкви.

Пищу им сначала приносили из советской столовой. Носили ее какие-то две женщины. Повар их ее разогревал. Но потом им позволили готовить у себя дома.

Кроме Царской семьи в доме, в верхнем этаже, с ними жили еще следующие лица, которых я сам лично видел. Был доктор, из себя полный, седой, лет так примерно 55. Он носил черный пиджак, крахмальное белье, галстук, брюки и ботинки. Я хорошо помню, что он носил пенсне, как мне помнится, в золотой оправе (оба стеклышка были в оправе). Затем был лакей лет 35, высокий, худошавый, смугловатый, волосы у него на голове были русые. Собственно голова у него была лысая, и волосы на голове были только по бокам. Бороду он брил, а усы подстригал на английский фасон. Носил он черную тужурку-френч, брюки и ботинки. Был при них повар. Ему было лет 40, он был низенький, худошавый, несколько плешивый. Волосы на голове были черного цвета, усы маленькие черные, бороду брил. Носил он черный пиджак и брюки, заправленные в сапоги. Еще была при них горничная лет 40, высокая, худая, смуглая. Цвета волос я не видел, потому что голову она повязывала платком. Еще был при них мальчик. Мальчику было лет 15. Волосы у него были черные, носил он их косым рядом. Нос у него был длинный, глаза черные. Ходил он в черной однобортной тужурке, брюках и ботинках, хотя носил и сапоги.

Были еще при Царской семье каких-то два человека, как мне объяснял Медведев, тоже слуги. Один из них был высокого роста, худощавый, лет 35, светло-русый, коротко стриженный, бороду брил, усы подстригал. Нос средней величины, прямой. Остальных примет не помню, но лицо у него было чистое, как у женщины. Другой, также высокого роста, лет 30, волосы на голове были черные, косым рядом, усы и борода бритые. Первый носил черную тужурку, брюки и ботинки. Второй ходил в пиджаке, в крахмальном белье с галстуком, брюках и ботинках. Я еще видел, как первый выносил резиновую подушку с мочой Наследника. Этих двоих людей я видел только один раз, когда в первые же дни стоял на посту внутри дома. Больше их я не видел. Медведев сказывал мне, что обоим их отвезли в тюрьму № 2, но за что, собственно, их отвезли в тюрьму, он мне не сказал, а я не интересовался.

Только один человек с воли допускался к Царской семье. Кто такой был этот человек, я не знаю. Из себя он был роста высокого, полный, лет около 50, с рыжеватой бородой, подстриженной клинышком, небольшими темно-рыжеватыми усами, в пенсне. Приходил он несколько раз.

Несколько раз я видел большевика Белобородова, который приходил в дом, должно быть, для проверки, как живет Царская семья. Мне, по крайней мере, Медведев сказывал, что для этого приходил он в дом. Белобородова этого я хорошо разглядел. Ему было на вид лет 25, из себя он был роста среднего, худощавый, лицо бледное, нос прямой, тонкий, усы и борода бритые. Больше никаких примет его указать не могу. Голоса его я не слышал. Этот Белобородов ходил в дом и при Авдееве, и при Юровском.

Вместе с Белобородовым приходил в дом еще какой-то человек. Ему было лет 35, роста он был невысокого, среднего, коренастый, плотный, волосы на голове черные косым рядом, усы маленькие, черные кверху, бороду брил, щеки после бритья всегда отливали синей чернотой, нос длинный, тонкий, глаза черные. Отличался этот человек большим брюхом. Фамилии его я не знаю. Медведев мне его фамилии не называл. Но оба они (и Белобородов, и этот мне неизвестный) жили в Американской гостинице. Об этом мне сказывал Медведев. Еще я забыл сказать, что неизвестный волосы имел на голове курчавые. Всегда я видел их обоих приходящими вместе. И ходили, как я уже говорил, оба они в дом всегда вместе. Должно быть, они были оба «главные» какие-нибудь.

Про порядки в доме и про отношение к Государю и к его семейству со стороны начальства и охраны я могу по сущей совести объяснить следующее. Авдеев был простой рабочий, мало развитой. Бывал он и пьяненький иногда. Но ни он сам, ни охранники при нем ничем как есть Царской семьи не обижали и не утесняли. Юровский с Никулиным держали себя самих совсем по-другому. При них Царской семье было хуже. Оба они выпивали у себя в комендантской — и Юровский, и Никулин. Бывало, напьются в комендантской, и начнется у них пение. Никулин мог на пианино играть — в комендантской оно стояло. Вот, бывало, Никулин играет, а Юровский свои «шары» (глаза) нальет и начнут оба орать: «Отречемся от старого мира, отрясем его прах с наших ног. Нам не нужно золотого кумира, ненавистен нам царский чертог» и т. д. Или, бывало, все поют: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Мошкин тоже позволял себе иногда петь эти песни, но всегда в от-

сутствие Авдеева, и Авдеев этого не знал. А эти не стеснялись. При Авдееве никогда женщины не ходили к нам в дом. А Никулин имел, должно быть, любовницу, и она постоянно к нему шаталась, оставаясь у него после ухода Юровского. Она была лет 20, низенькая, полная, блондинка, глаза карие, нос маленький, прямой. Фамилии ее не знаю. Откуда она приходила и где жила — не знаю. Про нее Медведев ничего не сказывал. Также и богослужения при Юровском стали совершаться реже.

Ну, и охранники при Юровском стали себя вести много хуже. Файка Сафонов сильно стал безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся Царская семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова. Писал он, например, «хуй» и разные другие слова, совсем неподходящие. Как он писал эти слова на стенах около уборной, видел Алексеев, стоявший тогда вверху дома вместе с Файкой (Файка стоял около уборной, а Алексеев — около комендантской), и, вернувшись с охраны, он рассказывал нам всем об этом. Залез раз Файка на забор перед самыми окнами царских комнат и давай разные нехорошие песни играть.

Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломоин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше надо нарисовать. Это я сам видел, как Стрекотин эти вещи рисовал.

А раз я иду по улице мимо дома и вижу: в окно выглянула младшая дочь Государя Анастасия, а Подкорытов, стоявший тогда на карауле, как увидал это, и выстрелил в нее из винтовки. Только пуля в нее не попала, а угодила повыше в косяк.

О разных этих безобразиях Юровскому было известно. О поступке Подкорытова ему, я знаю, до-

кладывал Медведев, но Юровский сказал: «Пусть не выглядят».

Как я уже говорил, с того времени как в охрану поступили латыши, они стали жить внизу Ипатьевского дома, а мы, рабочие, все были переведены напротив <в> дом Попова или Обухова. Там наверху мы занимали все комнаты, а внизу жили какие-то квартиранты. Со мной вместе в одной комнате помещался Столов. Медведев жил вместе с Александром Стрекотиным, Семеном Турыгиным и Иваном Котеговым. Все остальные размещались где придется. В этих же комнатах жили и злоказовские рабочие.

В последний раз я видел всю Царскую семью, кроме Государя, за несколько дней до их убийства. Они тогда все выходили гулять в сад и гуляли как есть все, кроме Государыни. Значит, тут были сам Государь, сын, дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Тут же был доктор, лакей, повар, горничная и мальчик. Я хорошо тогда разглядел, что Наследник был одет в рубаху и был подпоясан кожаным черным поясом с металлической небольшой пряжкой, на которой был изображен герб. Это я хорошо тогда разглядел, потому что Ольга Николаевна пронесла его близко от меня. Пряжка эта очень похожа на ту, карточку которой Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок с пряжки, описанной в пункте 4-м протокола 15–16 февраля сего года). Наследник и тогда был болен и его катал в колясочке живший при них мальчик. Теперь я вижу и самое пряжку (предъявлена пряжка, описанная в пункте 4-м протокола 15–16 февраля), и удостоверяю, что она очень похожа на ту, которая была на Наследнике. Доктор был в пенсне. Пенсне очень похоже на это стеклышко по величине и по фор-

ме, которое Вы мне сейчас показываете (предъявлены части пенсне, описанные в пункте 13 протокола 15–16 февраля сего года). В какой именно это было день, когда я видел их гуляющими в саду, я не могу припомнить, но было это незадолго до их смерти.

Убийство их произошло в ночь со вторника на среду. Числа я не помню. Я помню, что в понедельник мы получили жалованье. Значит, это было 15 числа в июле месяце, считая по новому стилю. (Нам жалованье платили два раза в месяц — 1-го числа и 15-го числа каждого месяца.)

На другой день после получки жалованья, значит, во вторник 16 июля, до 10 часов утра я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда в эти же часы на посту в нижних комнатах дома. Кончив дежурство, мы со Столовым пошли попойнствовать на Водочную улицу в дом № 85. В доме № 85 жил милиционер 2-й части по имени Адольф. Он был ранен в войне с Германией, и левая рука у него была сухая поэтому. Жил он с женой и матерью. Как их звать — не знаю. Какой он национальности — не знаю, но он русский подданный и участвовал, как я уже сказал Вам, в войне с Германией. С Адольфом я познакомился через старшего брата милиционера Александра. К этому Адольфу мы со Столовым и пошли, потому что, как мы это знали от него самого, у него был денатурат. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить от 5 часов. Медведев увидел, что мы пьяны, и посадил нас под арест в баню, находившуюся во дворе дома Попова. Мы там и уснули. Спали мы до 3 часов ночи. В 3 часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: «Вставайте, пойдемте». Мы

спросили его: «Куда?» Он нам ответил: «Зовут, идите». Я потому Вам говорю, что это было в 3 часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа.

Мы встали и пошли за Медведевым. Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие-охранники, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль особенно было много (не самих пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной мне Вами фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка, имеющаяся при деле, полученная при фотографировании дома, видимо, членом суда Сергеевым), но были следы пуль и в других стенах. Штыковых ударов нигде в стенах комнаты не было. Там, где в стенах и в полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь. На стенах она была брызгами и пятнами. На полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева из этой комнаты, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях. Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой, незадолго до нашего со Столовым прихода, расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Александра Стрекотина: что произошло? Они мне сказали, что только что расстреляли всю Царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика.

Медведев приказал нам со Столовым убирать комнаты. Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже шту-

ки 4-5 метел. Кто именно их принес — я не знаю. Думаю, принесли их со двора, где я их раньше видел. По приказанию Медведева, Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых. И в той именно комнате, где была побита Царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два латыша, сам Медведев, отец и сын Смordiaковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл. Таким же образом, т. е. водой, мы смывали кровь во дворе и с камней. Пуль при уборке я лично никаких не находил. Находили ли другие — я не знаю.

Когда мы со Столовым пришли в нижние комнаты, тут никого, кроме нескольких латышей, Медведева и наших и злоказовских рабочих, больше не было. Юровского при этом не было. Никулин же, как говорил тогда Медведев, был в верхних комнатах, куда дверь из нижних комнат была заперта со стороны верхних комнат. Золотых вещей или каких-либо драгоценностей, снятых с убитых, в нижних комнатах я нигде не видел.

В то время, когда происходило убийство Царской семьи, на постах, как мне помнится, были следующие лица: Александр Стрекотин стоял тогда у пулемета в нижних комнатах, Садчиков — у пулемета на террасе, Шевелев — у пулемета на вышке, Кронидов — на улице у будки, Орлов — в переднем дворе, Андрей Стрекотин — на заднем дворе, Сафонов — у окон между заборами, Добрынин — в саду. Я хорошо помню, что именно Андрей Стрекотин стоял у пулемета в нижних комнатах. Это я очень хорошо пом-

ню. Он все обязательно видел. Относительно других могу кое-кого и спутать, особенно не ручаюсь. Стрекотин на самом деле все и видел. Когда я ходил за водой, я останавливался около него и расспрашивал, как же это их побили? Спрашивал я и Столов также и Медведева. Оба они со Стрекотиным говорили согласно и рассказывали следующее.

Во вторник утром, когда я стоял на посту, я сам видел, что Юровский пришел в дом часов в 8 утра. После него, спустя несколько времени, в дом прибыли Белобородов с пузатым. Это я сам видел. Как я уже говорил, я тогда ушел с поста в 10 часов утра. Медведев же сказывал мне, что они втроем, т. е. Юровский, Белобородов и этот пузатый, спустя несколько времени поехали кататься на автомобиле. Дома в это время оставался Никулин. Перед вечером они втроем вернулись. Значит, вернулись Юровский, Белобородов и этот пузатый. Вечером Юровский сказал Медведеву, что Царская семья ночью будет расстреляна, и приказал ему предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы. Вот этого я толком понять не могу. Правда это была или нет, я этого доподлинно не знаю, потому что никого из рабочих об этом я спросить не догадался, отбирал ли на самом деле у них Медведев револьверы. Для чего это нужно было, я сам не понимаю: по словам Медведева, расстреливали Царскую семью латыши, а они все имели наганы. Я тогда еще не знал, что Юровский — еврей. Может быть, он — руководитель этого дела, и латышей для этого нагнал, не надеясь на нас, на русских? Может быть, он для этого и захотел постовых русских рабочих обезоружить? Пашка Медведев приказание Юровского в точности исполнил: револьверы отобрал, передал их Юровскому, а команду пред-

упредил о расстреле Царской семьи часов в 11 вечера.

В 12 часов ночи Юровский стал будить Царскую семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский будто бы такие объяснения привел Царской семье: ночь будет «опасная», т. е., как я понимаю, он им сказал, в верхнем этаже будет находиться опасно на случай, может быть, стрельбы на улицах, и поэтому потребовал, чтобы они все сошли вниз. Они требование Медведева исполнили и сошли в нижние комнаты в сопровождении Юровского, Никулина, Белобородова и этого курчавого, пузатого. Здесь были сам Государь, Государыня, Наследник, все четыре дочери, доктор, лакей, горничная и повар. Мальчика же Юровский суток, кажется, за полтора приказал увести в помещение нашей команды, где я его видел до убийства сам. Всех их привели в ту самую комнату, где в стенах и в полу было много следов пуль. Встали они все в два ряда и немного углом вдоль не одной, а двух стен. Ни про какие стулья при этом Пашка мне не сказывал. Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу. Государь не дослышал и спросил Юровского: «Что?» А он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил Государю, показывая ему револьвер: «Вот что». И будто бы при этом добавил: «Ваши родственники не велят Вам больше жить». Что означали эти слова, я не понимаю. Хотя я не понимаю этих слов, но я не просил у Медведева никаких объяснений этим непонятным словам. Я не могу также точно удостовериться, что именно так мне передавал слова Юровского Пашка. Может быть, Юровский и по-другому сказал Государю: «Ваш род не должен больше жить». Пожалуй, так оно и будет. Пожалуй, вот так он и сказал.

Хорошо я еще помню, что, передавая мне про бумагу, которую Юровский вычитывал Государю, он называл ее, эту бумагу, «протоколом». Именно так ее называл Пашка. Это я хорошо помню. Как только это Юровский сказал, он, Белобородов, пузатый, Никулин, Медведев и все латыши (их было, по словам Пашки, 10, а не 11 человек) выстрелили все сначала в Государя, а потом тут же стали стрелять во всех остальных. Все они пали мертвыми на пол. Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули две-три в Государя и в других лиц, кого они расстреливали. Показываю сухую правду. Ничего вовсе он мне не говорил, что он будто бы сам не стрелял, а выходил слушать выстрелы наружу — это он врет. Ничего он мне также не говорил ни про подушки, ни про то, что семья Царская сидела на стульях, когда ее расстреливали.

Когда их всех расстреляли, Александр Стрекотин, как он мне сам это говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх. После этого их всех навалили на грузовой автомобиль, кажется, один, и куда-то увезли. Шофером был на этом автомобиле рабочий Злоказовской фабрики Люханов. Об этом я Вам передаю со слов Медведева. Люханова я сам хорошо знал. Он никогда караульной службы не нес, потому что он был шофер и целый день находился, если не ездил на автомобиле, в комендантской комнате. Ночью он уходил на свою квартиру (не знаю, где он жил). Ездил он всегда с нашими комендантами, т. е. с Авдеевым и Юровским. Из себя он такой: лет ему не больше 40, роста среднего, среднего телосложения, лицо худощавое и несколько нечистое: или от угрей, или от оспы. Усы небольшие, черненькие, бороду брил и немного оставлял спереди под ниж-

ней губой, нос тонкий, прямой. Волос на голове не помню, глаз также и других его примет указать не могу. Носил он, кажется, френч, сапоги, а на голове кепку, кажется, суконную. По словам Медведева, на этом грузовом автомобиле с трупами убитых уехали Юровский, Белобородов, пузатый и несколько человек латышей. Из наших же рабочих-охранников не попал ни один.

Я ни от кого не слышал, чтобы у кого-нибудь из убитых был бы обрублен палец. Об этом мне никто не говорил. Сам я трупов убитых не видел. По какому направлению они уехали, не знаю. Этого тогда не знал, должно быть, и сам Медведев, потому что оставил это дело Юровский тайной.

После уборки комнат мы со Столовым пошли, было, в наше помещение в дом Попова, но нас Медведев посадил опять в баню досиживать арест. Пошли мы в баню и проспали там часов до 10 утра. Это, значит, было уже в среду. В 12 часов я стал на пост снаружи у будки на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Простоял я два часа. Тут мы со Столовым пошли в город и прошатались до вечера. Знакомых мы никого не видели и никому про убийство не говорили. Вечером мы пришли в казарму, поели и спали.

В четверг 18 июля с 6 часов утра меня Медведев поставил на пост внутри дома у комендантской. До этого времени ни один рабочий, как только появились латыши, в доме не ставился, когда была жива Царская семья, а тут, как их убили, опять поставили нас. Около уборной никого не было. А меня, помню, сменил тогда Александр Котегов. Когда я в этот день 18 июля вступил на пост, в доме были уже Юровский, Никулин, Медведев и латыши. Из наших рабочих и из злоказовских не было никого. Я

хорошо помню, что Юровский, когда я пришел становиться на пост, был уже в доме. Должно быть, он и ночевал тогда тут. У них шла уборка царских вещей, и они все очень торопились. Укладывали вещи все положительно, какие только можно было уложить. Но доподлинно сказать, какие именно вещи укладывались, я не могу, потому что сходить с поста я не мог. Видел я издали, что укладывались в чемоданы сапоги, вообще обувь и платье. О чем разговаривали в это время между собой Юровский, Никулин и Медведев, я не слышал. Были они все спокойные и, как мне тогда казалось, Никулин и Юровский были несколько пьяные.

В этот день вещи еще никуда не вывозились, а только укладывались. Сойдя с поста, я пошел в караульное помещение, поспал, поел и пошел со Столовым к брату Александру во 2-ю часть милиции. Брату я ничего про убийство не рассказывал. До вечера мы со Столовым проболтались по городу и к вечеру пришли в караульное помещение. Тут нам Медведев объявил, что мы все должны уезжать из Екатеринбурга.

19 июля утром нас отправили на станцию Екатеринбург I. Но нас не всех враз отправили на станцию. Которые из наших и остались. Я помню, что в нашей партии были тогда со мной вот кто: Столов, Теткин, оба Турыгина, Талапов, Вяткин, Котов Михаил и из злоказовских Андрей Корзухин. Несколько суток мы терлись на станции без всякого дела. Нашу партию прикомандировали для охраны штаба красной армии. Штаб тогда был уже в вагонах. Около штаба мы и находились. В это время я видел, что на вокзал в автомобилях привозили царские вещи, которые раньше укладывались в чемоданы и в сундуки. Их привозили и складывали

в несколько вагонов. Вагонов было приблизительно три. Они были американские: большие, окрашенные в темно-коричневую краску. Я не совсем точно Вам сказал: вагоны я видел, но я не видал, как привозили вещи и как их складывали в вагоны. Об этом мне передавал Талапов. Он же говорил мне, что шофером был на том автомобиле, на котором вещи возились, Люханов, а таскали вещи в вагон латыши. Как уезжал Юровский, я видел сам. Он уехал, как мне кажется, в ночь на 21-е июля по направлению к Перми. С ним уехала его семья и Никулин. Я это сам видел. С Юровским же уехали и все латыши, которые жили в Ипатьевском доме внизу и убивали семью Государя и его самого. Это я также сам видел. Мы все, которых я Вам указал, уехали из Екатеринбурга со штабом 3-й армии в то время, когда, как говорили, город уже занимался. Уехали мы в Пермь.

Когда я еще находился в Екатеринбурге, я слышал от Медведева, что Юровский должен уехать в Москву. В Перми я Юровского ни разу не видел. Не видел там я также и Никулина, Авдеева и Мошкина, а также и не видел других рабочих-охранников, которые остались тогда в Екатеринбурге.

Кроме названных рабочих с нами же уехал и Александр Стрекотин. Мы все в Перми несли охрану штаба 3-й армии. Про убийство Царской семьи мы со Стрекотиным разговаривали и в Перми. Нового он мне ничего не говорил. В частности я, например, его спрашивал, куда же увезли трупы убитых, но Стрекотин этого не знал. Это должен бы знать, по-моему, Люханов, но я его не видал ни разу, как уехал из Екатеринбурга. Люханов же уехал из Екатеринбурга вместе с Юровским. Это я хорошо помню. Я его видел тогда, когда он садился в вагон.

Я не видел его семьи, чтобы она уезжала с ним. Он равно как один уезжал, без семьи. С Юровским же уехала и его семья. Любовницы Никулина я тогда не видел в поезде, и уехала она или же нет, не знаю. Вся наша партия в Перми сначала жила в вагонах, а потом нас перевели в какую-то, кажется, гимназию на углу, кажется, Екатерининской и какой-то другой улицы. Все вместе мы нашей партией жили в одной комнате. Про убийство Царской семьи мы вели со Стрекотинным разговоры в вагонах, когда ехали в Пермь. Потом мы уже больше с ним об этом деле не говорили.

Когда войска генерала Пепеляева стали брать Пермь, штаб 3-й армии и все рабочие нашей партии уехали из Перми куда-то по направлению к Вятке. Я же один отстал от них. Около Перми есть Новая Деревня (с полверсты от Перми), там живет мой двоюродный брат Матвей Иванович Проскураков. Я у него бывал и с ним стал советоваться, как мне быть: уходить с красными или остаться в Перми? Он мне советовал остаться. Я и не поехал, а вернулся в Екатеринбург, когда Пермь была взята. Матвею Ивановичу я тоже ничего не говорил про убийство Царской семьи.

Приехав в Екатеринбург, я поселился у брата Александра. Он меня повел к этапному коменданту штабс-капитану Ваулину. Так как брат меня взял на поруки, то Ваулин меня под стражу как красноармейца не взял. Я стал находиться у брата и искать себе здесь в городе должности, но про меня узнали в уголовном розыске и, когда мы с братом были в отсутствии, за нами приходили из розыска. Тогда мы с братом сами пошли в 4-ю часть, куда нам велено было прийти. Там меня забрал седенький чиновник (Алексеев) и стал допрашивать. Я напугался и стал

ему врать, что я на охране вовсе не был. Потом я сознался, что был на охране, но стал говорить, что ничего не знаю. Но потом я сказал, что ничего не знаю потому, что был в бане, куда был заперт Медведевым. Теперь Вам я рассказал все, что знал про это дело.

Я вполне сам сознаю, что напрасно я не послушался отца и матери и пошел в охрану. Я сам теперь сознаю, что нехорошее это дело сделали, что побили Царскую семью, и я понимаю, что и я нехорошо поступил, что кровь убитых уничтожал. Я совсем не большевик и никогда им не был. Сделал я это по глупости и по молодости. Если бы я теперь мог чем помочь, чтобы всех тех, кто убивал, переловить, я бы все для этого сделал.

Куда выкидывались опилки, пропитавшие кровь, и тряпки, я не знаю. Выкидывал ли кто и какие именно вещи в помойную яму во дворе дома Ипатьева — я тоже не знаю. Также я не видел, кто и какие именно вещи убитых сожигал в печах.

Когда я видел Государыню проходящей в уборную, я не замечал, были ли на ней серьги.

Я вижу предъявленный мне Вами снимок фотографический с надписи, сделанной на обоях, и самый кусок обоев с этой надписью (предъявлены фотографический снимок и самый кусок обоев с надписью, описанный в пункте 1-м протокола 24 февраля сего года, л. д. 82, том 2-й) и положительно удостоверяю, что эта надпись означает слово «Кронидов», т. е. расписался на обоях рабочий охранник Кронидов.

Я вижу кусок дерева с обоями и надписью на них «Стрежнев». Кто написал это слово — не знаю. Никакого Стрежнева я не знал и не знаю. (Обвиняемому был предъявлен кусок дерева с обоями с над-

писью на них, описанный в пункте 22-м протокола 17—18 февраля сего года, л. д. 55 об., том 2-й.)

Я вижу предъявленный мне Вами снимок с кольцом и частями гранаты (предъявлены части гранаты с кольцом, описанные в пункте 12-м протокола 12 февраля сего года, л. д. 12 об., том 2-й) и показываю: гранаты с такими кольцами были в доме Ипатьева и находились в особом ящике на террасе и на вышке при пулеметах. Брали ли их, когда совершалось убийство, я не знаю. Таких гранат, снимок с частей которой Вы мне показываете сейчас (предъявлен снимок частей гранаты, описанных в пункте 14-м протокола 10 февраля сего года, л. д. 13, том 2-й), в доме Ипатьева не было.

Человек, фотографические карточки которого Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические карточки Петра Захарова Ермакова, представленные при дознании агентом Алексеевым, л. д. 11 об., т. 3-й), сильно похож на того самого, которого я называл пузатым и курчавым и который приходил во вторник с Белобородовым в дом Ипатьева. Действительно ли у него такое брюхо, как мне казалось, я не могу сказать. Может быть, он так одет был, что брюхо у него казалось мне большим, а на карточке этого как будто бы не заметно. Я припоминаю, что и Медведев, кажется, также называл его по фамилии Ермаков и говорил про него, что это комиссар, но какой именно комиссар и откуда именно — он не сказывал.

У всех рабочих, которые стояли на посту, револьверы были [системы] Нагана. Раньше постовые имели только одни винтовки, а за несколько дней до убийства откуда-то появились у нас револьверы Нагана. Кто и откуда их принес — я не знаю. Раздавал их тогда по рукам Медведев. Было их всего

7 штук. У латышей же все время были наганы. У самого Юровского был револьвер среднего размера системы Браунинга или Маузера, без барабана, черного цвета. У Никулина был большой револьвер, кажется, на 25 патронов, с барабаном. У Медведева был револьвер Нагана.

Куда девался мальчик, который прислуживал Царской семье и которого до убийства перевели в нашу казарму, я не знаю. Я видел его после убийства. Он спал на моей койке, и я с ним разговаривал. Знал ли он про убийство Царской семьи — не знаю. Он не плакал, и ничего про это мы с ним не говорили. Он мне сказал, что комендант хочет его отправить домой и называл какую-то губернию, но я забыл название ее. При этом он мне жаловался, что Юровский отобрал у него одежду. Одет он в то время был в черную со стоячим глухим воротничком тужурку из сукна, черные суконные брюки и сапожки. На нем сверху было надето старенькое черное пальто с петличкой сзади, фасона гимназического. Какая у него была фуражка или шляпа — я не помню.

Я хорошо помню Виктора Лугового. Он нашего Сысертского завода. Из себя он такой высокий, худой. Я прекрасно помню, что он до самого убийства был в охране. Я очень хорошо помню, что он был в числе других рабочих, убиравших комнаты после убийства, когда мы пришли туда со Столовым. Я очень хорошо помню, что он, например, заметал метелкой опилки в комнате, где произошло самое убийство.

В нижних комнатах жил пленный мадьяр по имени, кажется, Рудольф, а не Адольф. Он был невысокого роста, коренастый, лет 26, волосы на голове черные, длинные, усы светло-русые, бороду брил, нос прямой небольшой. Рудольф прислуживал и

Авдееву с Мошкиным, и Юровскому. Он, очевидно, был в доме, когда шло убийство Царской семьи, потому что я видел его потом в поезде уезжавшим вместе с Юровским.

Из баб к нам в казарму приходили жены к Медведеву, Вяткину, Андрею Стрекотину, Андрею Старкову. Но в день убийства никого из баб у нас не было в казарме. Только вскоре после убийства к Медведеву приезжала его жена.

Остался ли кто из рабочих нашего завода или злоказовских здесь и кто ушел за большевиками, я не могу сказать.

Ни одного из латышей я назвать не могу. Все они говорили по-русски очень плохо и говорили между собой не по-русски. А один был, который с Юровским говорил не по-русски, но и не так, как говорили между собой латыши, а как-то по-другому, как будто бы «по-жидовски», но точно этого сказать не могу. Утверждаю лишь, что один такой латыш был, который говорил именно с Юровским не так, как говорили между собой латыши. Из себя этот «латыш» был лет 30, низенький, плотный, нос имел длинный, волосы, глаза и брови черные, уши большие, бороду брил, усы черные, средней величины, лицом смуглый. Похож он был на еврея. Его не было в комнатах в то время, когда мы пришли туда со Столовым и когда убирали мы, рабочие, комнаты. Очевидно, он в числе других отвозил трупы убитых.

Когда я стоял на посту внутри дома, я ни одного раза не видел, чтобы Государыня входила в комендантскую комнату. Думаю я, что этого и быть никак не могло, потому что Юровский нехорошо обходился с ними. Если туда в комендантскую комнату попали четки Государыни, то, может быть, их там забыли, когда укладывали вещи в чемоданы после убийства.

Я вижу две предъявленные мне Вами фотографические группы (предъявлены две фотографических группы, имеющихся при деле, с изображением советских деятелей). На одной из них я узнаю двоих рабочих со Злоказовской фабрики. Один из них, кажется, был помощником шофера Люханова и фамилия ему, кажется, Лабышов, хотя точно сказать этого не могу. Но он сильно похож на него. Уехал ли он в Пермь или же нет — сказать не могу. Другой же, по фамилии мне неизвестный (забыл ему фамилию), мне очень хорошо известен. Он до конца был в охране. Замывал также кровь и вместе с нами уехал в Пермь.

На другой карточке я узнаю Юровского, Никулина, как уже я Вам говорил раньше.

Дочери Государя ходили в высоких полусапожках и в туфлях. Были ли на туфлях пряжки, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены две пряжки, описанные в пункте 2-м протокола 15—16 февраля 1919 года, л. д. 45, том 2-й), я не замечал: может быть, были, может быть, нет. Государя я видел, когда он проходил в уборную или когда выходил в сад. Я помню, что мне приходилось его видеть в тужурках серого и черного цвета со стоячим воротником. Хорошо помню, что пуговицы на этих тужурках были желтые, медные, с гербами, как те, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены пуговицы, описанные в пункте 14-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 48, том 2-й). Носил он сапоги. В его бороде были заметны седеющие волосы.

Княжны выходили в сад в летних платьях: кофточках и юбках разных цветов. Кофточек с красными нитками (пункт 2-й протокола 17—18 февраля сего года, л. д. 51, том 2-й) я на них не замечал. Пояса на них я видел: пояса были цветные с пряжками,

похожими на такие, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены две пряжки из трех, описанных в пункте 21-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 48 об., том 2-й; пункт 2-й протокола 20 февраля сего года, л. д. 61, том 2-й; пункт 13-й протокола 20 февраля сего года, л. д. 63 об., том 2-й).

Больших пуговиц на костюмах княжон я никогда не видел. В верхних платьях я их также не видел.

Такой пряжки, какую Вы мне сейчас показываете (предъявлена пряжка, описанная в пункте 16-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 48, том 2-й), я ни у кого из лиц Царской семьи и бывших с ней не видел.

Таких бус, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены бусы, описанные в пункте 1-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 45, том 2-й), я не видел никогда на княжнах, Государыне и горничной.

Государыни в очках я никогда не видал.

Таких образов, креста, бриллианта и лопаты, какие изображения этих предметов я сейчас вижу на предъявленных мне Вами фотографических карточках (предъявлены фотографические снимки образов, описанных в пунктах 4–6 протокола 10 февраля сего года, л. д. 11 об.–12, том 2-й; железной лопаты, описанной в пункте «б» того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й; бриллианта и креста, описанных в пунктах «в», «г» того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й), я не видел ни у кого в доме, где жила Царская семья.

Выбрасывал ли, какие именно вещи и кто именно в помойную яму при доме Ипатьева — я не видел и ничего про это не слышал.

Я вижу предъявленную мне Вами расписку Медведева на 10 800 рублей (предъявлена расписка, опи-

санная в пункте 1 «а» протокола 13 марта 1919 года, л. д. 125, том 2-й). Расписка эта писана его рукой и им подписана, а слов, написанных на ней синим карандашом, я понять не могу, и лиц, фамилии которых были бы похожи на эти слова, я не знаю.

<...>

Кто заведовал хозяйством Царской семьи — я не знаю. Никакого Михаила Чащина (л. д. 29 об., том 3-й) я совершенно не знаю.

Кем писан черновик телеграммы о казни Государя, который Вы мне сейчас показываете (предъявлен документ, описанный в пункте 1-м протокола 25 марта сего года, л. д. 41, том 3-й) — я не знаю.

<...>

При мне, когда я находился в охране, электрической сигнализации не проводилось.

<...>

Когда я, после убийства Царской семьи, стоял на посту в верхнем этаже дома, я не видел там никаких повреждений. Я не видел, например, сорванных с петель дверей, каких-либо взломов, следов штыковых ударов на дверях и стенах. Ящик в двери для корреспонденции был на месте.

<...>

Про пузатого я хорошо помню: Медведев сказывал, что он именно комиссар и живет именно в Американской гостинице.

Стульев, поврежденных пулями и находившихся в нижних комнатах дома Ипатьева, я после убийства не видел.

Нас, рабочих, никуда из Екатеринбурга после убийства охранять в лесу какую-либо местность не посылали.

Время своего поступления в охрану я считаю по старому стилю.

Рабочий Александр Кронидович Алексеев имел кличку Кронидов, по которой чаще его и называли, чем по фамилии.

Больше объяснить я ничего не могу. Объяснение мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Филипп Полиевктович Проскураков.

Судебный следователь Н. Соколов.

При допросе присутствовал

Прокурор Екатер. окр. суда В. Иорданский.

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 2 дня, г. Пермь. Агент Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев расспрашивал в присутствии прокурора Пермского окружного суда Шамарина в его камере доставленного с фронта солдата 1-го Пермского пехотного стрелкового полка, 1-й роты, 3-го взвода, Анатолия Александровича Якимова, происходящего из граждан Юровской волости и завода Пермского уезда, который объяснил, что имеет от роду 31 год. По ремеслу токарь.

До 1916 года работал при Мотовилихинском пушечном заводе, а затем поступил добровольцем и был на румынском фронте. В 1917 году, будучи рядовым, был эвакуирован с фронта по болезни и прибыл 28 октября в Мотовилихинский завод, затем уехал в Екатеринбург и поступил токарем на Злоказовский металлический завод близ города Екатеринбурга. Женат на Марии Николаевой, урожденной Босых. Детей не имеет. С женой совместно не живет, так как жена его сожительствует с Николаем Егоровым Лоскутовым. В настоящее время она находится в Мотовилихинском заводе, «на Висиме», подробный адрес ее не знает. Мобилизован он в настоящее время в армию как имеющий призывной по мобилиза-

ции возраст. Последнее время перед мобилизацией проживал в Мотовилихинском заводе, в доме своего дяди по отцу — Павла Данилова Шаньжина, живущего по Инженерной улице, дом № 94. Ничем это время не занимался.

Проживая на Злоказовской металлической фабрике близ города Екатеринбурга и состоя токарем, он по добровольному желанию «нанялся» в числе других рабочих названной фабрики на охрану бывшего Императора Николая II и его семьи, помещавшихся в городе Екатеринбурге, по Вознесенскому проспекту, в доме Ипатьева, каковой дом при советской власти назывался «Домом особого назначения». Наем рабочих на охрану означенного дома производил Александр Дмитриев Авдеев, бывший рабочий на той же Злоказовской фабрике, который состоял тогда комендантом этого дома. Помощником его был Александр Мошкин, тоже бывший рабочий этой фабрики. Нанялся он, Якимов, на охрану дома вместе с другими рабочими в мае месяце прошлого года и поступил на охрану 30 мая нового стиля. Товарищи его по охране — рабочие Злоказовской фабрики — избрали его из своей среды разводящим. На обязанности его лежало разводить караульных по постам и выходить на звонок — докладывать коменданту о приходящих лицах. Жалованье он получал одинаковое с другими караульными: по 400 рублей в месяц, за вычетом провизионных.

На охрану дома из рабочих Злоказовской фабрики было нанято всего 16 человек, а именно: 1) сам он — Якимов, 2) Никита Дерябин, отчество его и место приписки не знает, 3) Григорий Тихонов Лесников из Куштинского завода Соликамского уезда, 4) Михаил Смородяков, отчество и место приписки не знает, 5) Николай Путилов из Ижевского завода

Сарапульского уезда, 6) Леонид Иванов Брусьянин, место приписки не знает, мать живет фельдшерницей в Дедюхине, 7) Александр Иванов Устинов из Пожевского завода Соликамского уезда, 8) Александр Прохоров, отчество не знает, родом из Уфимской губернии, Катав-Ивановского завода, 9) Степан (или Павел) Вяткин из села Уктуса Екатеринбургского уезда, 10) Александр Корзухин из села Уктуса, 11) Пелегов Василий, отчество не знает, откуда происходит — не знает, 12) Иван Николаев Клещев из Екатеринбургского уезда, родители его живут на суконной фабрике Ушкова за Екатеринбургом, 13) Александр Осокин, отчество и место приписки хорошо не знает; известно ему, что он Казанской губернии, жил до этого в Екатеринбурге, 14) Иван Иванов Романов из города Ярославля, 15) Семен Дмитриев, отчество не знает, из Петрограда и 16) Александр Варакушев из города Тулы. Кроме них на охране дома было еще 28 человек рабочих Сысертского завода.

Рабочие Злоказовской фабрики и Сысертского завода состояли на наружной охране дома. Была еще внутренняя охрана, в которой состояли пять латышей и пять русских. Из латышей одного звали «Лякс», а остальных по имени и фамилии не знает. Из русских знает только одного Кабанова, имя и отчество его не знает, а остальных совсем не знает по имени, отчеству и фамилии. Откуда происходит Кабанов и остальные русские — тоже не знает. Кабанов будто бы из Омска. Рабочие Злоказовской фабрики и Сысертского завода, состоявшие на охране, проживали в доме Попова против дома Ипатьева, а латыши и русские, состоявшие на внутренней охране, помещались в том же доме Ипатьева, внизу.

Последнее время комендантом этого дома был еврей Юровский, имя и отчество не знает, часовых

дел мастер и фотограф. Помощником его состоял Никулин, имя и отчество, а также происхождение его и место приписки не знает, слышал, что он происходит из Омска. Авдеев и Мошкин, бывшие ранее: первый — комендантом дома, а второй — его помощником, были уволены за кражу царских вещей и при доме этом не жили. За кражу царских вещей были уволены вместе с Авдеевым и Мошкиным еще другие рабочие Злоказовской фабрики, а именно Иван, Василий и Владимир Логиновы, Николай и Станислав Мишкевичи, Соловьев Александр Федоров, Гоншкевич Василий Григорьев, Корякин Николай, Крашенинников Иван, Сидоров Алексей, Украинцев Константин Иванов, Комендантов Николай, Лабушев Леонид Васильев и Валентин Сергеев Люханов. Были ли эти лица при доме Ипатьева тоже на охране, или какую другую несли обязанность, он не знает, но ему известно, что находились они при этом доме только день или только ночь, а в остальное время находились при заводе Злоказова. Последнее время, когда был комендантом дома Юровский, их уже не было.

Помощник коменданта Никулин был знаком или состоял в любовной связи с Евдокией Максимовой Бахаревой, урожденной Сивилевой, которая ему, Якимову, ранее была известна по Мотовилихинскому заводу, где она вышла замуж за Бахарева (парикмахера) и где живут ее родители по Инженерной улице, дом № 3, вверху. Где она находится в настоящее время — неизвестно. Бахарева служила в Чрезвычайной комиссии в Екатеринбурге, в которой состоял и Никулин до обязанности коменданта Ипатьевского дома. Познакомились они с Никулиным будто бы в городе Екатеринбурге.

Разводящих всего было трое, а именно: он — Якимов, Семенов, Константин Добрынин и временно заступал место Семенова — Иван Старков. Последние трое принадлежат к числу рабочих Сысертского завода. Дежурили они понедельно. Павел Спиридонов Медведев был начальником всей охраны Ипатьевского дома и проживал вместе с ними при доме Попова в отдельной комнате. На неделе 15—16 июля нового стиля очередь исполнения обязанности разводящего была у него, Якимова, с 2 часов дня до 10 часов вечера, а с 10 часов вечера до 6 часов утра исполнял эту обязанность Константин Добрынин.

Утром 16 или 17 июля нового стиля, хорошо число не помнит, ему и другим рабочим сообщил один из состоящих в охране из числа рабочих Злоказовской фабрики вышеупомянутый Иван Клещев, что в эту ночь Царь Николай Романов и вся его семья — Царица, Наследник и четыре дочери расстреляны. Вместе с ними расстреляны, как говорил Клещев, доктор Боткин, фрейлина Демидова, повар и лакей, всего — 11 человек. Клещев говорил, что видел в окно, стоя на посту в саду в эту ночь, как расстреливались все лица и что это также видел бывший на посту с другой стороны дома, тоже в окно, Никита Дерябин, который и подтвердил ему, Якимову, рассказ Клещева. Клещев и Дерябин говорили, что около 2-х часов ночи комендант дома Юровский вошел в комнаты верхнего этажа дома, где помещался Царь с семьей и предложил им сойти в низ дома, говоря, что дом будут обстреливать. Царь с семьей и живущие с ними лица, доктор Боткин и прислуга оделись и начали спускаться к низу. Спустившись в нижний этаж дома, вошли в комнату: комната эта глухая, как будто углубленная в землю, с одним окном, которое обращено на улицу.

По приходе в комнату Юровский сказал: «Николай Александрович, Вас родственники хотели спасти, но этого им не пришлось, и мы должны Вас сами расстрелять». После этого начали расстреливать всех лиц, вошедших в комнату. Сначала застрелили Царя, и он упал, а затем залпом начали расстреливать и остальных лиц. Стреляли несколько раз, расстреливаемые падали поочередно. Дочь Царя Анастасия Николаевна после выстрела упала, а когда начали всех расстрелянных осматривать, то она оказалась жива, и ее прикололи штыком. Фрейлина Демидова защищалась при расстреле подушкой и пулями не могли ее умертвить, а закололи штыками. Расстрел производили из револьверов. Револьверы были, как известно ему, Якимову, только у внутренней охраны, у наружной охраны револьверов не было. У внутренней охраны, кроме того, были и винтовки. Сколько было револьверов у внутренней охраны — он не знает, об этом известно было начальнику охраны Медведеву.

Расстрел производили, по словам Клещева и Дерябина, 5 человек латышей, состоявшие на внутренней охране при доме, и пять человек русских, состоявших также в числе внутренней охраны при доме, в том числе был и помощник коменданта Никулин. При всем этом распоряжался комендант дома Юровский и тут же находился начальник охраны Павел Спиридонов Медведев. Медведев, по словам Клещева и Дерябина, стоял сзади стрелявших. Юровский, по их словам, стоял за дверями в углу, остальные лица, производившие расстрел, стояли в дверях и за дверями в коридоре.

Царь стоял на середине комнаты, против дверей; рядом с Царем стоял доктор Боткин, а с Боткиным в кресле сидел Наследник Алексей. Влево от дверей, у

стены, стояли официант и повар, а в глубине комнаты у стены стояли Государыня и великие княжны.

Подробности расстрела и расположение лиц при расстреле рассказывал Дерябин, который стоял у окна, обращенного из той комнаты на улицу, все происходившее в доме видел. Относительно того, как комендант Юровский сказал Царю пред расстрелом: «Николай Александрович, Вас родственники хотели спасти, но не придется, Вы должны быть расстреляны», — слышал Клещев через окно на улице, стоя на посту у этого дома.

Царскую Семью затем «ощупывали» после расстрела стрелявшие и в поясах, видимо, находили зашитые ценности. После всего этого трупы убитых те же лица, которые производили расстрел, стали выносить из дома на грузовой автомобиль. Леонид Брусьянин, стоявший в это время на посту в ограде, увидев выносимые из дома трупы, испугался и убежал в дальнюю ограду. Об этом Брусьянин также рассказывал в караульном помещении в доме Попова ему, Якимову, и другим товарищам по охране. Рассказывал об этом также стоявший на посту в ограде дома у подъезда Григорий Лесников. Видел Лесников только, как укладывали расстрелянных на автомобиль.

Трупы всех одиннадцати убитых на автомобиле увез шофер Сергей Иванович Люханов, родственник бывшего коменданта дома Авдеева.

Когда увезли трупы из дома, то русские, бывшие на охране внутри дома и производившие расстрел Царя с Семьей, замывали, по словам Клещева, кровь в той комнате, в которой производился расстрел, «сгруживали», по словам Клещева, в одну кучу метлой и «сваливали» в подполье, а потом замывали остатки водой. Сам он, Якимов, в расстреле участия

никакого не принимал и очевидцем этого расстрела и увоза не был. Все это он передает со слов вышеупомянутых бывших на охране лиц Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова, которые передавали ему об этом утром на следующий день.

Трупы умерших, как он, Якимов, позднее слышал, свезли на автомобиле куда-то в болото за Верх-Исетский завод и схоронили в яму. Дорога к тому месту была настолько плохая, что автомобиль застрял в грязи. Кто ему, Якимову, об этом говорил — он не припомнит, но кажется, это говорил Павел Медведев.

В доме, где Царь помещался с прислугой, жил еще мальчик, как его звали — не знает. Мальчик этот с вечера оказался в помещении для караула, находившемся рядом с домом Ипатьева, в комнате у Медведева. Мальчика этого отправили, по словам Медведева, в Петроград, перед тем как им нужно было уезжать из Екатеринбурга.

Из числа лиц, бывших при внутренней охране, принимавших участие в расстреле, был один по фамилии, как он припоминает, Ермаков. Слышал он также между этими лицами фамилию одного — Костоусов. Фамилий Леватных, Малышкина и Партина не помнит. Костоусова он видал, помнит, что ходил он в простых белых очках. Костоусов, по словам Клещева, замывал пол в комнате расстрела.

После расстрела Царя и его семьи они прожили в доме до 19 июля, и в ночь на 20 июля их отправили на вокзал в Екатеринбург, где они пробыли в вагонах до 25 июля, и потом их отправили в Пермь. В Перми его, Якимова, и других 7 человек назначили к комиссару снабжения Горбунову для охраны его. Затем его, Якимова, и других 6 человек, назначили в интенданство вахтерными на ст. Левшино горнозавод-

ской линии жел. Дороги. Со станции Левшино он, Якимов, перешел в Мотовилиху и поступил в биржу труда в качестве писца-регистратора, где и служил до освобождения Перми и Мотовилихинского завода от советской власти. При освобождении Перми отстал от большевиков, не желая больше следовать за ними и состоять в их партии, и проживал у своего дяди Павла Шаньжина, где и застала его мобилизация, и он вступил в ряды правительственной армии, причем находился во время задержания его по данному делу на фронте по Глазовскому направлению, в 80 верстах от г. Глазова. Где в настоящее время находятся его товарищи по охране — не знает.

Один из них, Иван Клещев, был арестован большевиками во время нахождения в Левшино за кражу сукна и приговорен к общественным работам на 6 месяцев. Сидел он некоторое время в арестном доме в г. Перми и затем был отправлен большевиками куда-то на работу за ст. Левшино по реке Чусовой. Арестован он был в сентябре или октябре месяце, срок отбытия работ ему должен был окончиться в феврале месяце. Где Клещев находится в настоящее время — ему неизвестно. Не остался ли кто-нибудь в этих краях из лиц, бывших на охране дома от большевиков по освобождении занятой ими местности, ему также неизвестно. Коменданта дома Юровского он встречал в Перми при большевиках на Монастырской улице шедшим по дороге. Было это в сентябре или августе, в последних числах августа, а более не видал.

Никулина тоже встречал на улице города Перми. Никлин говорил, что служил в отделе районного укрепления при штабе 3-й армии и указал, что отдел помещается на сенном рынке в 3-м доме от угла

Кунгурской улицы. Встречал Никулина тоже в августе или в сентябре.

Где находятся в настоящее время Юровкий и Никулин, ему неизвестно. Боле ничего по делу объяснить не может.

Агент Екатеринбургского уголовного розыска С. Алексеев.

При опросе присутствовал прокурор Пермского окружного суда Н. Шамарин

ПРОТОКОЛ

1919 года, мая 7—11 дня, следователь по особо важным делам при Омском окружном сусе Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге допрашивал, в порядке 403—409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованного в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по содержанию постановления своего от <> сего мая, и он объяснил:

Имя, отчество и фамилия: Анатолий Александрович Якимов. Возраст во время совершения преступления — 31 год. Сословие — крестьянин. Место рождения: Мотовилихинский завод той же волости Пермского уезда.

<...>

Прибыл в Екатеринбург я в первых числах ноября месяца 1917 года. Тогда же я и поступил на Злоказовскую фабрику. Фабрикой в это время еще Прибыл в Екатеринбург я в первых числах ноября месяца 1917 года. Тогда же я и поступил на злоказовскую фабрику. Фабрикой в это время еще владели пока хозяева Злоказовы, но уже существовал фабричный комитет из рабочих. Был и комиссар фабрики. Этим комиссаром был Александр Дмитриев Авдеев. Откуда он родом, я не знаю. Полагаю я, что по ремеслу он сле-

сарь. Говорили про него, что он был где-то машинистом на каком-то заводе при локомотиве. <...>

В декабре месяце Авдеев отвез хозяина фабрики Николая Федоровича Злоказова в острог. Вместо хозяев образовался деловой совет. Этот совет и стал править фабрикой. Главой на заводе и стал Авдеев. Около него самыми приближенными к нему лицами были рабочие: братья Иван, Василий и Владимир Логиновы, Василий Григорьев Гоншкевич, Николай и Станислав Мишкевичи, Александр Федоров Соловьев, Николай Корякин, Иван Крашенинников, Алексей Сидоров, Константин Иванов Украинцев, Алексей Комендантов, Леонид Васильев Лабушев, Сергей Иванов Люханов и его сын Валентин. <...>

В апреле месяце стало известно в городе, что к нам в Екатеринбург привезли Царя. Объясняли об этом среди нас, рабочих, так, что Царя-де хотели выкрасть из Тобольска; потому-де его и перевезли в надежное место: в Екатеринбург. Такие разговоры тогда в нашей рабочей среде ходили.

В первых числах мая месяца, в скором времени после, перевезения к нам Царя, стало известно, что наш Авдеев назначен главным начальником над домом, где содержался Царь. Дом этот почему-то все называли «Дом особого назначения», а про Авдеева говорили, что он над этим домом комендантом назначен. Действительно, скоро сам Авдеев об этом нам объяснил на митинге.

Как произошло его назначение — я хорошо Вам объяснить не берусь. Авдеев был большевик самый настоящий. Он считал, что настоящую хорошую жизнь дали они, большевики. Он много раз открыто говорил, что большевики уничтожили богачей-буржуев, отняли власть у Николая «кровавого» и т. п. Постоянно он терся в городе со здешними за-

правилами из областного совета. Я думаю, что таким образом он как ярый большевик и был назначен областным советом комендантом Дома особого назначения. На митинге же, который он тогда собирал, он нам рассказывал, что вместе с Яковлевым ездил за Царем в Тобольск.

Что это был за Яковлев — я сам не знаю. Авдеев его поносил и говорил нам, что Яковлев хотел увезти Царя из России и повез его для этого в Омск. Но они, то есть екатеринбургские большевики, все это узнали и не допустили увоза Царя, сообщив о намерении Яковлева в Омск. Смысл его речи был именно тот, что Яковлев держал руку Царя, а он, Авдеев, вместе с большевиками охраняет революцию от Царя.

Про Царя он тогда говорил со злобой. Он ругал его как только мог и называл не иначе как «кровавый», «кровопийца». Главное, за что он ругал Царя, была ссылка на войну: что Царь захотел этой войны и три года проливал кровь рабочих, что рабочих массами в эту войну расстреливали за забастовки. Вообще он говорил то, что везде говорили большевики. Из его слов можно было понять, что за эту его заслугу перед революцией, то есть за то, что он не допустил Яковлева увезти Царя, его и назначили комендантом Дома особого назначения. И, как видать было, этим самым назначением Авдеев был очень доволен. Он был такой радостный, когда говорил на митинге и обещал рабочим: «Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя...»

<...>

Как я сужу по словам Авдеева, в то время, когда он поступил комендантом Дома особого назначения, охрана этого дома состояла из мадяров. Авдеев тогда определенно говорил об этом и собирался

мадьярскую охрану заменить русской. Он именно говорил про мадьярскую охрану, а не про какую-либо другую. Свое слово «показать» рабочим Царя Авдеев сдержал. Постоянно туда ходили с нашей фабрики рабочие, только не все, а те, которых выбирал Авдеев. А выбирал он уже указанных мною своих приближенных. Это были братья Логиновы, Мишкевичи, Соловьев, Гоншкевич, Корякин, Крашенинников, Сидоров, Украинцев, Комендантов, Лабушев и Валентин Люханов. Что же касается самого Сергея Люханова, то он постоянно находился при электрической станции на фабрике. Без него там не могли обойтись. Но в то же время он был и шофером и часто отлучался к Авдееву, должно быть, как шофер, развозя его на автомобилях.

Все эти рабочие, как они говорили, охраны в Доме особого назначения не несли, а «помогали» Авдееву, были его помощниками. Ходили они не все вместе, а по одному. И находились они в Доме особого назначения не подолгу, а так, день-два. Главная цель у них, как я думаю, была в деньгах. За пребывание в Доме особого назначения они получали особое содержание из расчета 400 рублей в месяц, за вычетом кормовых. Кроме того, они и на фабрике получали жалование как состоящие в фабричном комитете или деловом совете. Одним словом, эти рабочие пользовались своим особым положением при Авдееве и извлекали из него выгоду. Охраны они в доме не несли, как можно было понять из их разговоров, а «помогали Авдееву», были его помощниками. <...>

Мадьярской охраны, когда мы пришли в дом Ипатьева, уже не было. Охрана состояла из рабочих Сысертского завода и рабочих с разных еще других фабрик и заводов: Макаровской фабрики, заво-

да Ятиса, с Монетного двора. Сысертские рабочие остались, когда пришли мы. Все же остальные рабочие тут же ушли. Вместе с сысертскими рабочими мы все расположились в нижних комнатах дома Ипатьева. <...>

В момент нашего прибытия в дом Ипатьева не было ни среди нас, злоказовских рабочих, ни среди сысертских никакого особого начальника. Были лишь разводящие. В первую неделю у нас, злоказовских рабочих, был разводящим я. У сысертских был разводящим Медведев и еще кто-то другой. Медведев, пожалуй, был главным среди сысертских рабочих лицом, так сказать, вообще распоряжался среди них. К нему обращались с разными вопросами, но особой власти он никакой не имел. Раньше его на таком же положении был Никифоров, он скоро заболел и ушел, его тогда и заменил Медведев. Это так было, однако, в первое время после нашего прихода в дом Ипатьева.

Спустя же приблизительно с неделю такой порядок изменился. Прежде всего нас всех, охранников, перевели в дом Попова. Медведев сделался уже начальником над нами всеми, то есть и злоказовскими, и сысертскими. Были выбраны трое разводящих, которые были обязаны ставить на посты всех охранников. Такими разводящими были я, Вениамин Сафонов и Константин Добрынин. Когда же, незадолго до убийства, Сафонов заболел, его заменил Иван Старков. Значит, до самого убийства Царской семьи разводящими были я, Иван Старков и Константин Добрынин. <...>

Наше переселение в дом Попова произошло по нашему требованию. В особенности на этом настаивали сысертские рабочие. К ним, как к дальним от города, приезжали жены. А между тем, в доме Ипа-

тьева они останавливаться не могли, так как туда никого не пускали. Вот поэтому нас всех и перевели в дом Попова. В нижних же комнатах дома Ипатьева, после нашего оттуда ухода, никого не осталось, кроме Рудольфа. <...>

Авдеев был пьяница. Он любил пьянство и пил всегда, когда можно было. Пил он дрожжевую гущу, которую доставал на Злоказовском заводе. Пил он и здесь, в доме Ипатьева. С ним пили и эти его приближенные. Когда последние переселились в дом Ипатьева, они стали воровать царские вещи. Часто стали ходить в кладовую и выносить оттуда какие-то вещи в мешках. Мешки они вывозили и в автомобиле, и на лошадях. Возили они вещи к себе домой по квартирам. Пошли об этом разговоры. Говорили по поводу этого воровства и наши охранники, в особенности Павел Медведев. Говорили об этом и на фабрике Злоказовых, указывая определенно как на воров на Авдеева и Люханова. Это, конечно, так и было. Авдеев со своей компанией намозолил еще на фабрике глаза рабочим. Все они пристроились так к легкой работе в комитете, да в деловом совете, получали деньги и пили гущу. Когда они переселились в дом Ипатьева, стали они так же вести себя и здесь: гущу пили и царские вещи воровали. Кто об этом вынес наружу и довел до сведения — надо думать, Областного совета, — не знаю. Знаю я только, что Павел Медведев сколько раз собирался на Авдеева донести. Может быть, он и донес.

Приблизительно числа 3-4 июля, как раз в мое дежурство, Авдеев куда-то ушел из дома. Я думаю, что его тогда вызвали в Областной совет по телефону. Спустя немного времени ушел и Мошкин. Он, я знаю, ушел тогда по вызову по телефону в Областной совет. Остался за Авдеева Василий Логинов. Спустя

некоторое время после ухода Авдеева и Мошкина пришли в дом Ипатьева Белобородов, Сафаров, Юровский, Никулин и еще каких-то два человека. Один из этих двоих был лет 45, высокий, упитанный, лицо круглое, широкое, красноватое; волосы на голове черного цвета, прически не помню; усы черные, большие, густые, с легкой проседью; борода большая, окладистая, черная, с легкой проседью; нос небольшой, толстый, широкий; глаз не помню. Из одежды помню на нем только белую майку-гимнастерку. Другого наружности я не могу описать. Помню только, что он был молодой; лет 20 с чем-нибудь.

Белобородов спросил нас, бывших в доме, кто у нас остался за Авдеева. Василий Логинов сказал ему, что за Авдеева остался он. Тогда Белобородов объяснил нам, что Авдеев больше не комендант, что он с Мошкиным арестован. За что именно они были арестованы, Белобородов нам не объяснил. Об этом, помню я, тогда Белобородов сказал Медведеву, который тоже приходил из дома Попова. Тут же Белобородов нам и объяснил, что Юровский — новый комендант, а Никулин — его помощник. С того же момента Юровский стал распоряжаться в доме как уже комендант. Он тут же приказал Логинову и другим из авдеевской компании (я не могу припомнить, кто именно из них в тот момент находился в доме) «улетучиться» из дома.

Помню я, что все указанные мною лица: Белобородов, Сафаров, Никулин, Юровский и еще двое мне неизвестных были во всех комнатах дома; были они и в тех комнатах, где проживало семейство Николая Александровича. Но я с ними туда не ходил. Были они там недолго. Надо думать, Белобородов осведомлял их о назначении Юровского и Никулина.

Юровский тогда же спрашивал Медведева, кто несет охрану внутри дома, то есть на постах № 1 и 2. Узнав, что внутреннюю охрану несут эти самые «привилегированные» из партии Авдеева, Юровский сказал: «Пока несите охрану на этих постах вы, а потом я потребую себе людей на эти посты из Чрезвычайной комиссии». Я категорически утверждаю подлинность этих слов Юровского о людях из «Чрезвычайной комиссии».

Действительно, через несколько дней люди из Чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было 10 человек. Их имущество привозилось на лошади. Чья была эта лошадь, кто был кучером — не знаю. Но только всем тогда было известно, что прибыли все эти люди из чрезвычайки из Американской гостиницы. Из числа прибывших пятеро были не русских, а пятеро русских. Я категорически утверждаю, что пятеро из них были именно русских людей: они, эти пятеро, все были самые русские люди, говорили по-русски. Остальные же пятеро по виду были не русские. По-русски, хотя говорили, но плохо. <...>

Хорошо я знаю, что <одному из русских> фамилия была Кабанов. Это я весьма хорошо помню и положительно это удостоверяю. Что касается остальных четырех из русских, то я не могу указать, которому из них какая принадлежит фамилия. Но только я помню, положительно удостоверяю, что эти русские, кроме Кабанова, носили фамилии Ермакова, Партина и Костоусова. Указать же, который из описанных мною русских носил фамилию Ермакова, Партина и Костоусова я не могу, но только, повторяю, они носили эти фамилии. Пятому же фамилию я забыл и не могу сказать, был ли среди них человек с фамилией Леватных. Одного же из опи-

санных мною людей, фамилия которому Кабанов, я запомнил именно по наружности. Эти же фамилии я потому запомнил, что меня как разводящего иногда посылали или Юровский, или Никулин за кем-нибудь из них: «Позови Ермакова, позови Партина, позови Костоусова».

Всех этих прибывших из Американской гостиницы людей мы безразлично называли «латышами». Нерусских мы называли потому «латышами», что они были не русские. Но действительно ли они были латыши — никто из нас этого не знал. Вполне возможно, что они были и не латыши, а, например, мадьяры. Среди нас же все эти десять человек, в том числе и пятеро русских, просто назывались «латышами». Они поселились в нижнем этаже дома, в комнатах, обозначенных на чертеже цифрами II, IV и V. Обедали же они и пили чай в комендантской комнате. Они все были на особом положении, сравнительно с нами. Пожалуй, неверно не будет, если сказать, что было у нас три партии: вот эти самые «латыши», злоказовские рабочие и сысертские. К «латышам» Юровский относился как к равным себе, лучше относился к сысертским и хуже — к нам. Различное отношение его к нам и к сысертским объяснялось тем, что нас он причислял к тем же рабочим со Злоказовской фабрики, которые были изгнаны вместе с Авдеевым. Кроме того, некоторую роль играл в этом и Медведев. Он лебезил перед Юровским и Никулиным, угодничал перед ними. Поэтому они и относились лучше, с большим расположением, к сысертским.

<...>

Вы спрашиваете меня, почему я пошел караулить Царя. Я не видел тогда в этом ничего худого. Как я уже говорил, я все-таки читал разные кни-

ги. Читал я книги партийные и разбирался в партиях. Я, например, знаю разницу между взглядами социалистов-революционеров и большевиков. Те считают крестьян трудовым элементом, а эти — буржуазным, признавая пролетариатом только одних рабочих. Я был по убеждениям более близок большевикам, но и я не верил в то, что большевикам удастся установить настоящую, правильную жизнь их путями, т. е. насилием. Мне думалось и сейчас думается, что «хорошая», «справедливая» жизнь, когда не будет таких богатых и таких бедных, как сейчас, наступит только тогда, когда весь народ путем просвещения поймет, что теперешняя жизнь не настоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел Царя и думал, что его надо держать под стражей, вообще в заключении, для охраны революции, но до тех пор, пока народ его не рассудит и не поступит с ним по его делам: был он плох и виноват перед Родиной, или нет. И если бы я знал, что его убьют так, как его убили, я бы ни за что не пошел его охранять. Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он был Царь всей России. А такое дело, какое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким. Убийство же всех остальных из его семьи еще и того хуже. За что же убиты были его дети? А так, я еще должен сказать, что пошел я на охрану из-за заработка. Я тогда был все нездоров и больше поэтому пошел: дело нетрудное.

<...>

Только одно я сам наблюдал из жизни Царской семьи: они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую песнь. Но пели они и какую-то светскую песню.

Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни «Умер бедняга в больнице военной». Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал.

Богослужения совершались в доме, но за все время, пока я находился в доме, богослужения совершались три раза. Два раза служил священник Сторожев и один раз — священник Меледин. Но служили и до нас. Как я знаю? Потому это я знаю, потому именно, что я как раз и ходил за священниками, когда совершалось богослужение.

Первый раз послал меня Авдеев за священником и указал мне церковь, из которой требовался священник. Фамилии священника он мне не указал. Я в церкви уже узнал, что служил Меледин. Я хотел его звать, но он в это время служил обедню. Тогда я позвал Сторожева. За ним ходил я же и второй раз. Я же потом ходил и за Мелединым. Отыскивая священников, я обращался к церковному старосте, который стоял за свечным ящиком. Кто он такой — не знаю. Но он однажды меня просил, нельзя ли ему служить вместо дьякона: «Мне больно хочется посмотреть Царя».

Богослужений при Авдееве было за мое нахождение в доме два. При Юровском — одно. Сам я ни разу не присутствовал при богослужениях: нас в комнаты не допускали. На богослужениях присутствовали Авдеев, Юровский. Издали я слышал во время богослужения мужские и женские голоса: должно быть, они и пели сами.

<...>

Непосредственно наблюдать, как Авдеев относился к Царю и его семье, мне не приходилось. Но я наблюдал самого Авдеева, имевшего с ними общение. Авдеев был пьяница, грубый и неразви-

той. Душа у него была недобрая. Если, бывало, в отсутствие Авдеева кто-нибудь из Царской семьи обращался с какой-либо просьбой к Мошкину, тот всегда говорил, что надо подождать возвращения Авдеева. Когда же Авдеев приходил и Мошкин передавал ему просьбу, у Авдеева был ответ: «Ну их к черту!» Возвращаясь из комнат, где жила Царская семья, Авдеев, бывало, говорил, что его просили о чем-либо, и он отказал. Это отказывание ему доставляло видимое удовольствие. Он об этом радостно говорил. Например, я помню, его просили разрешить открывать окна, и он, рассказывая об этом, говорил, что он отказал в этой просьбе.

Как он называл Царя в глаза — не знаю. В комендантской он называл всех «они». Царя он называл Николашкой.

Я уже говорил, что он, как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных рабочих. А потом они вовсе перекочевали в дом, когда их поперли из комитета и совета. Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и воровали царские вещи. Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома. Как раз в это время пришел Белобородов и спросил его. Кто-то соврал из приближенных Авдеева и сказал Белобородову, что Авдеев вышел из дома. А в нижний этаж он попал тогда после посещения в таком пьяном виде Царской семьи, он в таком виде ходил к ней. Пьяные, они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не могли быть приятны для Царя. Пели они все «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу».

Вот, зная Авдеева как большевика, как человека грубого, пьяного и душой недоброго, я думаю, что он обращался с Царской семьей плохо: не мог он обращаться с ней хорошо по его натуре, по его поведению. Как я сам его наблюдал в комендантской, думаю, что его обращение с Царской семьей было для нее оскорбительным. Припоминаю еще, что вел Авдеев со своими товарищами разговоры и про Распутина. Говорил он то, что многие говорили, о чем и в газетах писали много раз, что Государыня жила будто бы с Распутиным.

<...>

При Юровском мы были все отшиты от дома. В комендантской уже не приходилось задерживаться, как это бывало при Авдееве. Придешь, бывало, по звонку (в дом Попова из комендантской звонок был проведен), прикажет что-нибудь и уходи. Собственно, нам, разводящим, не приходилось по звонку ходить. По звонку вызывался Медведев, а через него уже нас звали.

Около Юровского был Никулин, Медведев тоже «примазывался» к нему, близки были все эти «латыши» из чрезвычайки. Поэтому я не могу Вам описать, как Юровский в душе относился к Царю. Авдеев все-таки был для нас ближе, потому что он был свой брат-рабочий и был у нас на виду, а Юровский держал себя как начальник и нас отстранял от дома.

А вот что могу только отметить. Он, как дом принял, сейчас же пулеметный пост на чердаке поставил, как я уже говорил. Новый пост он на заднем дворе поставил. Пьяные безобразия он прекратил. Никогда я его пьяного или выпившего не видел.

К Никулину ходила из чрезвычайки Сивелева, но она не допускалась в комендантскую.

Однако ж он, Юровский, что-то однажды изменил, или вовсе отменил относительно монашеских приношений — к ухудшению положения Царской семьи; но что именно он изменил или отменил — я не помню. Что-то такое непонятное для меня вышло и со священником. Богослужение, как я помню, при Юровском один было раз. Это было в субботу 13 июля, позвал меня к себе Юровский и велел мне позвать «какого-нибудь священника». Он меня сначала спросил, какие священники служат. Я ему назвал о. Меледина и о. Сторожева. Тогда он мне велел позвать какого-нибудь. Тогда он, Меледин, жил поближе (Водочная, 168), то я тогда же в субботу вечером его и позвал. Вечером же я и сказал Юровскому, что Меледина я позвал, назвав его по фамилии. Утром меня Юровский позвал и спросил снова: какого священника я позвал. Я сказал ему, что позвал о. Меледина. Тогда Юровский меня спросил: «Это который живет на Водочной, где доктор Чернавин проживает?». Я сказал, что именно так. Тогда Юровский меня послал к Меледину сказать ему, чтобы он не приходил: «Пойди и скажи Меледину, что обедницы не будет: отменена. А спросит, кто отменил, так скажи, что они сами отменили, а не я. Вместо Меледина позови Сторожева». Но я что же — пошел к Меледину и говорю: «Так и так, обедницы не будет». Он меня спросил: «Почему?» Я сказал, как велел Юровский, что они сами отменили. Тут же я пошел к Сторожеву и позвал его. Что это означало, что не захотел Юровский Меледина, а пожелал Сторожева — не знаю.

И со мной тоже Юровский поступил против желания команды и по своему желанию. 12 июля команда выбрала вместо Медведева меня в начальники. В воскресенье 14 июля я отлучался из дома долъ-

ше позволенного мне времени. Тогда Юровский меня отменил, а вместо меня назначил Медведева. Так он до конца и был.

Последний раз я видел Царя и дочерей 16 июля. Они гуляли в саду часа в четыре дня. Видел ли я в этот раз Наследника — не помню. Царицы я не видел. Она тогда не гуляла.

15 июля в понедельник у нас в нашей казарме в доме Попова появился мальчик, который жил при Царской семье и катал в коляске Наследника. Я тогда же обратил на это внимание. Вероятно, и другие охранники также на это обратили внимание. Однако никто не знал, что это означает, почему к нам перевели мальчика. Сделано же это было, безусловно, по приказанию Юровского.

16 июля я был дежурным разводящим. Я дежурил тогда с 2 часов дня до 10 часов вечера. В 10 часов вечера я поставил постовых на все 8 постов. Посты за №№ 1, 2, 11 и 12 окарауливались не нами; хотя пост № 11 и окарауливался иногда нами, но чаще мы туда никого не ставили, так как там и без того жили «латыши». Но я помню только 4 поста, кого именно я поставил из своих, остальных же 4 постов, на которые тогда попали сысертские, — я не помню. Пост № 3 (во дворе дома у калитки) занял Брусьянин, пост № 4 (у калитки в заборе вблизи парадного крыльца, ведущего в верхний этаж) занял Лесников, пост № 7 (в старой будке между стенами дома и внутренним забором) занял Дерябин, пост № 8 (в саду) занял Клещев. Постовые, которых я поставил в 10 часов вечера, должны были сменяться в 2 часа ночи уже новым разводящим, которому я сдал дежурство — Константином Добрыниным.

Сдав дежурство, я ушел в свою казарму. Помню, что я пил чай, а потом лег спать. Лег я, должно

быть, часов в 11. В одной комнате со мной помещались Клещев, Романов и Осокин. В соседней с нами — Дерябин, Лесников, Брусьянин, Смородяков, а далее, также в одной комнате, Прохоров, Устинов, Корзухин, Пелегов.

Когда я ложился спать, Романова и Осокина не было в комнате; они, вероятно, куда-нибудь уходили и вернулись домой позднее, когда я уже спал.

Часа, должно быть, в 4 утра, когда уже было светло, я проснулся от слов Клещева. Проснулись и спавшие со мной Романов и Осокин. Он говорил взволнованно: «Ребята, вставайте! Новость скажу. Идите в ту комнату!» Мы встали и пошли в соседнюю комнату, где было больше народа, почему нас и звал туда Клещев. Я помню, что все указанные мною лица были тогда в этих трех комнатах, кроме Корзухина и Пелегова. Были ли они в это время дома — не помню. Помню, был еще Путилов.

Когда мы собрались все, Клещев сказал: «Сегодня расстреляли Царя». Все мы стали спрашивать, как же это произошло, и Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин рассказали нам следующее. Главным образом рассказывали Клещев с Дерябиным, взаимно пополняя слова друг друга. Говорили и Лесников с Брусьяниным, что видели сами. Рассказ сводился к следующему.

В 2 часа ночи к ним на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупреждали их, что им в эту ночь придется стоять дольше 2 часов ночи, потому что в эту ночь будут расстреливать Царя. Получив такое предупреждение, Клещев и Дерябин подошли к окнам: Клещев — к окну прихожей нижнего этажа, которая изображена на чертеже у Вас цифрой I, а окно в ней, обращенное в сад, как раз находится против двери из прихожей в комнату, где произошло

убийство, т. е, в комнату, обозначенную на чертеже цифрой II; Дерябин же — к окну, которое имеется в этой комнате и выходит на Вознесенский переулок.

В скором времени — это было все, по их словам, в первом часу ночи, считая по старому времени, или в третьем часу по новому времени, которое большевики перевели тогда на два часа вперед — в нижние комнаты вошли люди и шли в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа I. Это шествие наблюдал именно Клещев, так как ему из сада через окно это было видно. Шли они все, безусловно, со двора через дверь сеней, обозначенных на чертеже цифрой XII, а далее через комнаты, обозначенные цифрами VII, VI, IV, I, в комнату, обозначенную цифрой II.

Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь. Сзади за ними шли Медведев и «латыши», то есть те десять человек, которые жили в нижних комнатах и кото рые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое русских были с винтовками.

Когда они все были введены в комнату, обозначенную цифрой II, они разместились так: посредине комнаты стоял Царь, рядом с ним на стуле сидел Наследник по правую руку от Царя, а справа от Наследника стоял доктор Боткин. Все трое, т. е. Царь, Наследник и Боткин были лицом к двери из этой комнаты, обозначенной цифрой II, в комнату, обозначенную цифрой I.

Сзади них, у стены, которая отделяет комнату, обозначенную цифрой II, от комнаты, обозначенной цифрой III (в этой комнате, обозначенной

цифрой III, дверь была опечатана и заперта; там хранились какие-то вещи), стали Царица с дочерьми. Я вижу предъявленный Вами фотографический снимок этой комнаты, где произошло убийство их. (Предъявлен фотографический снимок описанной в п. 8 протокола 15 апреля 1919 года, л. д. 185, том 3-й.) Царица с дочерьми и стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату, как раз вот тут, где, как видно на снимке, стена исковырена. В одну сторону от Царицы с дочерьми встали в углу повар с лакеем, а в другую сторону от них, также в углу, встала Демидова. А в какую именно сторону, в правую или в левую, встали повар с лакеем, и в какую встала Демидова — не знаю.

В комнате, вправо от входа в нее, находился Юровский. Слева от него, как раз против двери из этой комнаты, где произошло убийство, в прихожую, обозначенную цифрой I, стоял Никулин. Рядом с ним в комнате же стояла часть «латышей». «Латыши» находились и в самой двери. Сзади них стоял Медведев.

Такое расположение названных лиц я описываю со слов Клещева и Дерябина. Они пополняли друг друга. Клещеву не видно было Юровского. Дерябин видел через окно, что Юровский что-то говорил, маша рукой. Он видел, вероятно, часть его фигуры, а главным образом — руку Юровского. Что именно говорил Юровский, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не слышно было его слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал. Он говорил — я это хорошо помню, что Юровский так сказал Царю: «Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены Вас сами расстрелять».

Тут же, в ту же минуту за словами Юровского, раздались несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьверов. Ни Клещев, ни Дерябин, как я помню, не говорили, чтобы стрелял Юровский, то есть они про него не говорили совсем, стрелял он или же нет. Им, как мне думается, этого не видно было, судя по положению Юровского в комнате. Никулин же им хорошо был виден. Они оба говорили, что он стрелял. Кроме Никулина стреляли некоторые из «латышей». Стрельба, как я уже сказал, происходила исключительно из револьверов. Из винтовок никто не стрелял.

Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, женский «визг», крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за ним — Наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их словам, была она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки.

Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали и докалывали. Но из лиц Царской семьи, я помню, они называли только одну Анастасию как приколотую штыками.

Подушек Клещев с Дерябиным насчитали две. Одна была у Демидовой в руках. У кого была другая — они не говорили. Когда все они были убиты и лежали еще в этой комнате, они стали осматривать: расстегивать одежду и искать, должно быть, вещи. Я помню, упоминали Клещев с Дерябиным про пояса, которые тогда отстегивались у женщин. Говорили они, что в обеих или в одной подушке была найдена или были найдены шкатулочка или же несколько шкатулочек. Все найденные вещи у

покойных Юровский взял себе и отнес, как они говорили, наверх.

Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, через которые их вели и на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоявший за воротами дома в пространстве между фасадом дома, где парадное крыльцо в верхний этаж, и наружным забором: здесь обычно и стояли автомобили.

Это уже видели Лесников с Брусьяниным. Как их выносили со двора, то есть через ворота или же через калитку — не было разговора. Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один.

Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиль, на него положили трупы и сверху их закрыли этим же сукном. Кто ходил за сукном в кладовую — не было разговора. Ведь не было же у нас «допроса», как сейчас. Кабы я знал раньше — мог бы спросить.

Шофером на этом автомобиле был Сергей Люханов. Именно его называли и Брусьянин, и Лесников. Автомобиль с трупами Люханов повел в ворота, которые выходили на Вознесенский переулок, и далее вниз по Вознесенскому переулку мимо дома Попова. Вместе с трупами уехал сам Юровский и человека три «латышей», но русских «латышей» или же не русских — не знаю, не допытывались мы.

Когда трупы были уже унесены из дома, тогда двое из «латышей» — молодой в очках и другой молодой, лет 22, блондин — стали метелками заметать кровь и смывать ее водой при помощи опилок. Говорили Клещев с Дерябиным, что кровь с опилками куда-то выкидывалась. В какое-то, как я понял, подполье в самом доме, но хорошо я этого не помню. Еще кто

принимал участие в уборке крови — я положительно не знаю. Из рассказов их выходило так, что постовых для этого дела не трогали. Все они продолжали стоять на своих постах, пока их не сменили.

Рассказы Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова были столь похожи на правду, и сами они были так всем виденным ими поражены и потрясены, что и тени сомнения ни у кого не было, кто их слушал, что они говорят правду. Особенно был расстроен этим Дерябин, а также и Брусьянин. Дерябин прямо ругался за такое дело и называл убийц мясниками. Он говорил про них с отвращением. Брусьянин не мог вынести этой картины, когда покойников стали вытаскивать в белых простынях и класть в автомобиль: он убежал со своего поста на задний двор.

В один из последующих дней или же сам Медведев, или же кто-либо с его слов, говорил мне, что увез Люханов трупы за Верх-Исетский завод. Автомобиль шел лесистой местностью. Почва пошла, по мере дальнейшего следования автомобиля, мягкая, болотистая, и автомобиль стал останавливаться: колеса его тонули. С трудом, но все-таки автомобиль дошел до места, где оказалась заранее вырытая яма. В нее положили, в одну, все трупы и зарыли. Я прекрасно помню, Лесников говорил, что лопаты брались тогда Юровским с собой из дома Ипатьева, когда он поехал с трупами.

Я Вам говорю сущую правду. Ничего ни я, ни другие наши злоказовские рабочие, которые слушали рассказ Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова, с вечера не знали о предстоящем убийстве. К нам в казарму Медведев с вечера не приходил и ничего про это нам не объяснял. И никто из нас не ходил убирать комнаты после убийства. Я допускаю,

что сысертские могли об этом знать через Медведева заранее, а в особенности Добрынин, Иван Старков и Андрей Стрекотин: они были весьма близки к Медведеву. Меня же Медведев не любил, как и Юровский.

В доме Попова комнаты, в которых мы проживали, были хотя и не отделены (по всему дому можно было сообщаться через комнаты), но сысертские держались отдельно от нас и мы от них. У нас было и свое отдельное крыльцо, а у сысертских — свое. Среди сысертских гораздо было более большевиков, чем среди наших рабочих. Допускаю я вполне, что Медведев мог звать своих из казармы убирать комнаты. Также можно допустить, что Стрекотин в ночь убийства стоял на посту у пулемета в нижней комнате, где мимо него носились трупы. Юровский мог приказать Медведеву поставить сюда надежного человека из пулеметчиков, каковым и был Стрекотин (у пулеметов вообще ставились из солдат, умевших обращаться с пулеметами).

Относительно оружия я могу сказать следующее. У Юровского было два револьвера. Один у него был большой маузер, другой — наган. У Никулина был также наган. Кроме того, я видел в комендантской комнате большой револьвер, похожий по устройству на браунинг, но не браунинг, гораздо большего калибра револьвер. Я не знаю, как он назывался; возможно, что и был кольт. У всех «латышей» были револьверы. Этих револьверов я не видел, но, судя по кобурам, думаю, что у них были наганы. У Медведева, когда я только еще поступил в охрану, был наган. Кроме того, был один наган у Сафонова и Добрынина как разводящих. При Юровском откуда-то было доставлено несколько наганов. Один был дан мне как разводящему, два — двум дневальным из сы-

сертской команды (дневальные дежурили по 12 часов в казарме на половине сысертских у звонка, проведенного из комендантской, и постоянно менялись: дежурили все сысертские по очереди). Три револьвера были даны на посты за №№ 5, 6 и 9. Все они были наганы. Револьверы на постах так и оставались в будках и на террасе.

О том, чтобы Медведев перед убийством брал у кого-либо револьверы, я ни от кого не слышал.

Рассказ об убийстве Царя и его семьи на меня подействовал сильно. Я сидел и трясся. Спать уже не ложился, а часов в 8 утра отправился я к сестре Капитолине. У меня были хорошие отношения с ней. Я пошел к ней, чтобы поделиться с ней мыслями. Мне на душе было страшно тяжело. Потому к ней и пошел я, чтобы поговорить с близким человеком. Сестру я застал одну. Муж ее был на службе в комиссариате юстиции. Я как пришел, сел в кухне. Сестра, увидев, должно быть, мое расстроенное лицо, спросила: «Ты что это?» Я сказал ей: «Царя расстреляли». Первый же вопрос сестры был: «Неужели и ты там был?» Она меня хотела, очевидно, спросить, неужели и я принимал сам участие в убийстве Царя. Я рассказал сестре то же самое, что рассказал и Вам, но только не так подробно. Возможно, что я говорил ей, что Царская семья расстреляна «по постановлению Областного совета», я так думал и так сейчас думаю. Ведь, вероятно, Юровский не сам же это устроил. А как вся власть тогда была в руках Областного совета, то я и думаю, что убийство Царской семьи произошло по приказанию из Областного совета.

На Ваш вопрос, был ли у меня разговор с зятем Агафоновым приблизительно за неделю до расстрела Царской семьи по поводу того, что ей грозит смерть ввиду приближения «врага», то есть чехословаков,

припоминаю, что действительно разговор у меня об этом был. Среди красноармейцев ходили тогда разговоры: что будет, если подойдут чехи, как поступят с Царской семьей? Высказывались предположения, что их могут расстрелять. Эти предположения я мог высказать зятю. Я не говорил сестре, что я сам видел расстрел Царской семьи. Все я рассказывал ей с чужих слов. Вероятно, она ввиду моего расстроенного вида подумала, что картину убийства я сам видел своими глазами. Я не называл ей число полученных Демидовой штыковых ран: 32. Это не так. Дерябин говорил, что ее ударили штыком раз 30. Так и я ей говорил.

Я был у сестры часа два, и приблизительно в 10 утра я пришел опять в дом Попова. Не помню, как у меня протекло время до 2 часов дня, когда я опять встал на дежурство. (С 10 часов вечера 16 июля, как я уже говорил Вам, встал на дежурство вместо меня Добрынин, дежуривший до 6 часов утра 17 июля, с 6 же часов утра 17 июля стал Иван Старков.) Я сменил тогда Ивана Старкова. Я расставил тогда охрану на все посты, кроме поста № 7. Старков мне сказал, что на этот пост уже теперь не надо ставить караула (под окнами дома). Караульный, очевидно, после ухода с этого поста Дерябина и не ставился туда. Я так тогда понял Старкова. Оба мы понимали, почему уже не надо было ставить туда постового, и ничего больше про это не говорили.

Расставив посты, я вошел в комендантскую. Там я застал Никулина и двоих из «латышей» не русских. Там же был и Медведев. Все они были невеселые, озабоченные, подавленные. Никто из них не произносил ни одного слова. На столе комендантской лежало много разных драгоценностей. Были тут и камни, и серьги, и булавки с камнями, и бусы. Мно-

го было украшений. Частью они лежали в шкатулочках. Шкатулочки были все открыты.

Дверь из прихожей в комнаты, где жила царская семья, по-прежнему была закрыта, но в комнатах никого не было. Это было ясно: оттуда не раздалось ни одного звука. Раньше, когда там жила царская семья, всегда слышалась в их комнатах жизнь: голоса, шаги. В это же время там никакой жизни не было. Стояла только в прихожей у самой двери в комнаты, где жила царская семья, их собачка и ждала, когда ее впустят в эти комнаты. Хорошо помню, я еще подумал тогда: «Напрасно ты ждешь».

Вот еще что я тогда заметил. До убийства в комендантской стояли кровать и диван.

В этот же день, то есть в 2 часа дня 17 июля, когда я пришел в комендантскую, там еще стояли две кровати. На одной из них лежал «латыш». Потом Медведев как-то сказал нам, что «латыши» больше не идут жить в комнату, где произошло убийство, в которой раньше они жили. Очевидно, тогда две кровати и были перенесены в комендантскую. Виноват, насколько могу припомнить, Медведев говорил, что «латыши» (все 10 человек) совсем не идут больше жить в низ дома, и, как я тогда понял его, они тогда уже ушли опять в чрезвычайку, кроме тех двоих, которые, вероятно, остались еще в комендантской. Но видел и этих в доме я только один раз: в этот именно день — 17 июля. Больше же ни этих двоих, ни всех остальных я видел ни одного раза.

С 2 часов дня 17 июля я дежурил до 10 часов вечера. Юровского я не видел в этот день в доме вовсе. Я не думаю, чтобы он мог быть в доме и я бы его не видел. Я думаю, что его совсем не было в этот день в доме, по крайней мере с 2 часов дня до 10 часов вечера его там не было. Вывоза вещей из дома 17 июля

также не было. Не знаю, шла ли разборка и укладка вещей в этот день.

17 июля Медведев сказал нам, что нас, всех охранников, отправят на фронт. Поэтому 18 июля я с утра отправился на Злоказовскую фабрику получить там некоторые денежные суммы, причитавшиеся нам за прежнее время, и вещи. К 2 часам дня я был опять в команде и в 2 часа встал на дежурство. В этот день, 18 июля, вывозились вещи из ипатьевского дома. Я один раз сам видел, как в легковой автомобиль выносились какие-то сундуки, ящики. Автомобиль с этими вещами ушел куда-то. Шофером на нем был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов. Кроме того, вывозились вещи также на двух лошадях. Какие были люди при этих лошадях — не знаю. Помню, я и сам тогда видел в прихожей какой-то или сундук, или ящик, также предназначенный к вывозу. Помню, что кого-то звали из наших его нести, выносить вещи. Кого звали — не могу припомнить. Но помню, что Лесников, ходивший выносить вещи, говорил, что из зала он нес какой-то маленький и ужасно тяжелый сундук. Ценности же, бывшие в комендантской, в этот день, 18 июля, так и лежали там же и в таком же виде. Юровского в этот день, 18 июля, я не видел в доме. Это я хорошо помню. Кажется, я видел его часов в 6 вечера. <...>

19 июля Юровский приблизительно с утра был в доме Ипатьева.

В этот день также вывозились вещи из дома, но память мне решительно ничего об этом не сохранила. <...>

Еще я из жизни Царя припомнил следующий случай. Однажды пришел я в комендантскую комнату и застал там Никулина и Кабанова. Никулин при мне спросил Кабанова, о чем он разговаривал на прогул-

ке с Царем. Кабанов ответил, что Царь спрашивал его, не служил ли он ранее в кирасирском каком-то полку. Кабанов, по его словам, ответил утвердительно и говорил, что действительно в этом полку служил и однажды был на смотре, который тогда производился Царем. И Никулин, и Кабанов тогда еще удивлялись памяти Царя.

Куда девался мальчик из нашей команды, я не знаю. По этому поводу я могу рассказать следующее. Я видел мальчика этого издали в один из последующих дней после убийства. Он сидел в той комнате, где обедали сысертские рабочие, и горько плакал, так что его рыдания были слышны мне издали. Я сам к нему не подходил и ни о чем с ним не разговаривал. Мне, не помню кто именно, рассказывали, что мальчик узнал про убийство царской семьи и всех других, бывших с ней, и стал плакать. <...>

Еще я могу рассказать про такой случай. Я запомнил фамилии двух московских рабочих из охраны Стогова. Одного фамилия была Бушуев, а другому — Мясников. Когда мы сели к ним в вагон и они узнали от нас, что мы из охраны Царя, Мясников стал говорить, что Царь за несколько дней до этого уехал. Он говорил, что сам видел, как он садился в вагон. Тогда мы все стали ему говорить, что Царь расстрелян. Он больше не стал ничего говорить и согласился с нами, что, вероятно, он ошибся и кого-нибудь другого принял за Царя.

Находясь в Перми, я ни от кого не слышал, чтобы была увезена Царская семья. Конечно, я бы этому и не поверил, так как не сомневался в правдивости того, что я слышал от Дерябина, Клещева и Медведева.

Время я везде в своем показании указываю по новому стилю.

Больше объяснить я ничего не могу. Объяснение мое мне прочитано, записано с моих слов правильно.

Анатолий Александров Якимов.

Судебный следователь Н. Соколов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Глава 1

<i>Торжество гидры цареубийства в Западной Европе. — Иудейские корни нидерландской и английской революций. — Продажность Генеральных Штатов и английского парламента. — Изменник Оливер Кромвель. — Убийство короля Карла I . . . . .</i>	9
---	---

Глава 2

<i>Масонские ритуалы на крови английского короля. — Приговор европейским монархам. — Французская революция. — Убийство королевской семьи . . . . .</i>	14
--	----

Глава 3

<i>Король Густав III против революционной Франции. — Его призыв к походу против революционеров. — Интриги герцога Зюдерманландского. — Убийство Густава III. — Заговор против Густава IV Адольфа. — Свержение христианской монархии в Швеции. — Захват престола масонским герцогом . . . . .</i>	23
--	----

Глава 4

<i>Герцог Зюдерманландский и русские масоны. — Интриги против русской власти. Заговор против Екатерины II. — Масонское воспитание Наследника Престола . . . . .</i>	29
---	----

Глава 5

<i>Павел I порывает с масонами. — Укрепление русской монархии. — Подтверждение Указа о запрещении масонства. — Предсказание монаха Авеля. — Заговор масонских лож. — Убийство Императора . . . . .</i>	36
--	----

Глава 6

Масоны-декабристы. — Стремление к свержению русской монархии. — Планы цареубийства и истребления Царской Фамилии 50

Глава 7

Социалисты-цареубийцы. — М.В. Петрашевский. — Карбонарский дух социалистических организаций. — Решение убить Николая I. — Масоны Бакунин и Гарибальди. — «Ад» Иишутина. — «Народная расправа». — Предсказания о цареубийстве. — «Чайковцы». — «Земля и воля». — Земледелец Соловьев стреляет в Александра II. 61

Глава 8

«Народная воля». — Жажда цареубийства. — Пятьсот террористов. — Связь с международными иудейскими, масонскими и социалистическими организациями. — Подготовка покушения в Москве, Петербурге, Александровске и Одессе. — Взрыв в Зимнем дворце. — Убийство Александра II. — Еврейская доминанта социалистов-цареубийц 75

Глава 9

Экзгумация «Народной воли» еврейскими революционерами. — Продолжение покушений на русского Царя. — Заговор террористической группы Ульянова (Бланка). — Смерть Александра III. — Версия отравления по приговору тайной иудейской власти 86

Глава 10

Подготовка цареубийства «Боевой организацией» эсеров. — Финансирование акций из-за рубежа. — Уличный вариант. — Дворцовый вариант. — Ревельский вариант. — План «Рюрик». — Участие в покушении высокопоставленных лиц из окружения Царя 91

Глава 11

Роль масонов в организации покушений на Николая II. — Совместные операции масонов и эсеров. — Проповедь идей

цареубийства. — Подводная лодка и самолет как варианты покушения на Царя. — Вариант убийства на балу. — Вариант убийства на военном смотре. — Убийство великого князя Сергея Александровича. — Заговор Наумова (Пуркина). — Картечный выстрел на Иордане 105

Глава 12

Иудейско-масонская провокация 9 января 1905 года. — Вооруженные террористы готовят покушение на Николая II. — Признание Гапона о намерениях убить Царя. 115

Глава 13

Большевистская мафия. — Организация по типу карбонарской или масонской. — Три уровня посвящения. — Жестокость как норма поведения. — Готовность к цареубийству 130

Глава 14

Масоны готовятся свергнуть Царя. — Подготовка цареубийства. — План Гучкова. — Вариант Г.Е. Львова. — Крымовский заговор. — Морской план. — Образование масонского правительства 145

Глава 15

Заговорщики торопятся. — Убийство Распутина. — Наступление германо-большевистского альянса. — Подготовка государственного переворота. — Ложный голод. — Начало антирусского восстания. Военный мятеж в Петрограде. — Образование Петросовета. Узурпация прав законной власти думским Временным комитетом. Арест русского правительства. — Цареубийство предрешено 157

Глава 16

Еврейские большевики на Урале. — Бандитский террор. — Грабежи. — Решение убить Царя. — Ленин и Свердлов. 175

Глава 17

Убийство великого князя Михаила Александровича. — Бандиты из Чека и советской милиции. — Торжество убийц 184

Глава 18

Дезинформация. — Попытка представить убийство как побег. — Имитация розысков. — Расстрелы невинных людей 206

Глава 19

Красный Лог. — Попытки найти место убийства великого князя Михаила Александровича. — Свидетельства старожилов. 212

Глава 20

Находка в Свердловском архиве. — Исповедь обиженного убийцы. — Рассказ о дележе вещей убитого великого князя Михаила Александровича 215

Глава 21

Галерея цареубийц. — Иудейские корни организаторов. — Уголовный интернационал. — От Ленина до Федьки Каторжного. — Иностранные наемники 223

Глава 22

Гордость цареубийц. — Музей на площади Народной мести. — Снос дома Ипатьева. — Поругание святыни. 257

**ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЦАРЕУБИЙЦАХ
ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА Н.А. СОКОЛОВА . . . . .** 270

Платонов Олег Анатольевич

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Издательство «Родная страна»

Редактор Д.И. Кузнецов
Корректор Н.С. Иванова
Верстка А.Е. Успенский

Подписано в печать 17.07.2015.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5.
Тираж 2000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-903942-50-3

9 785903 942503